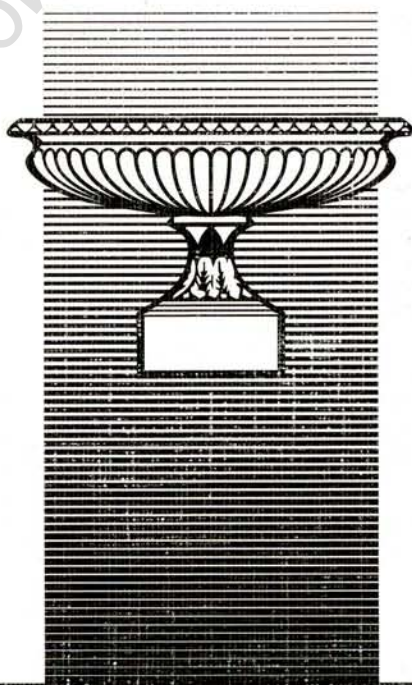
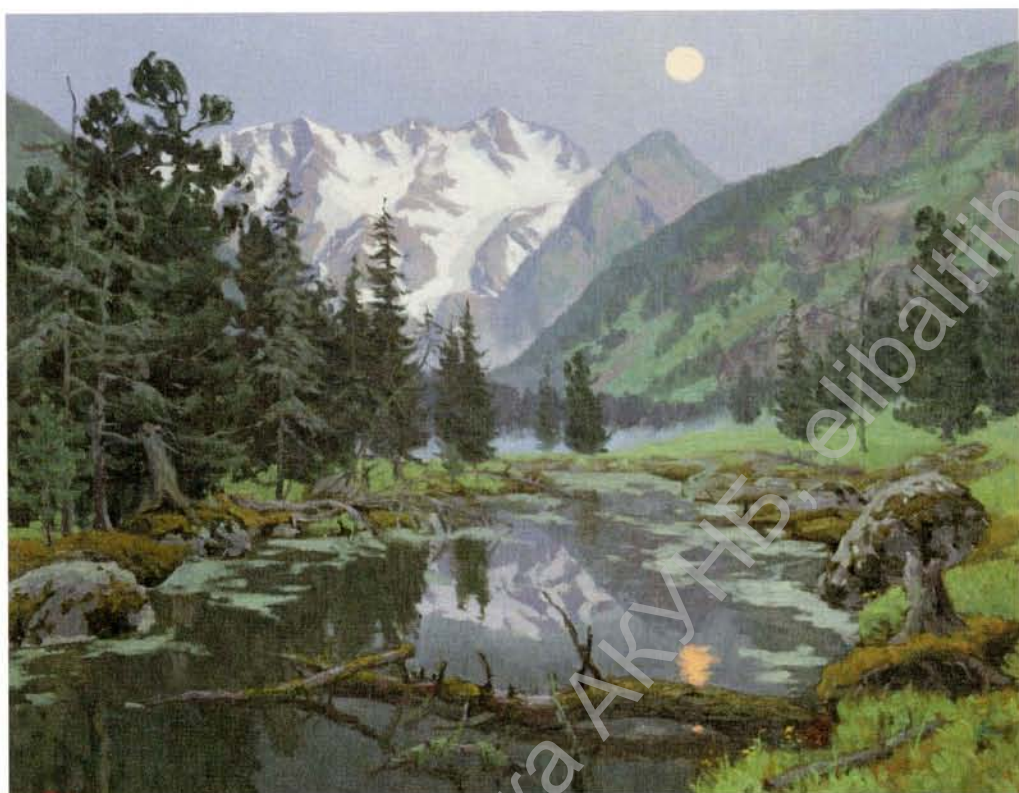

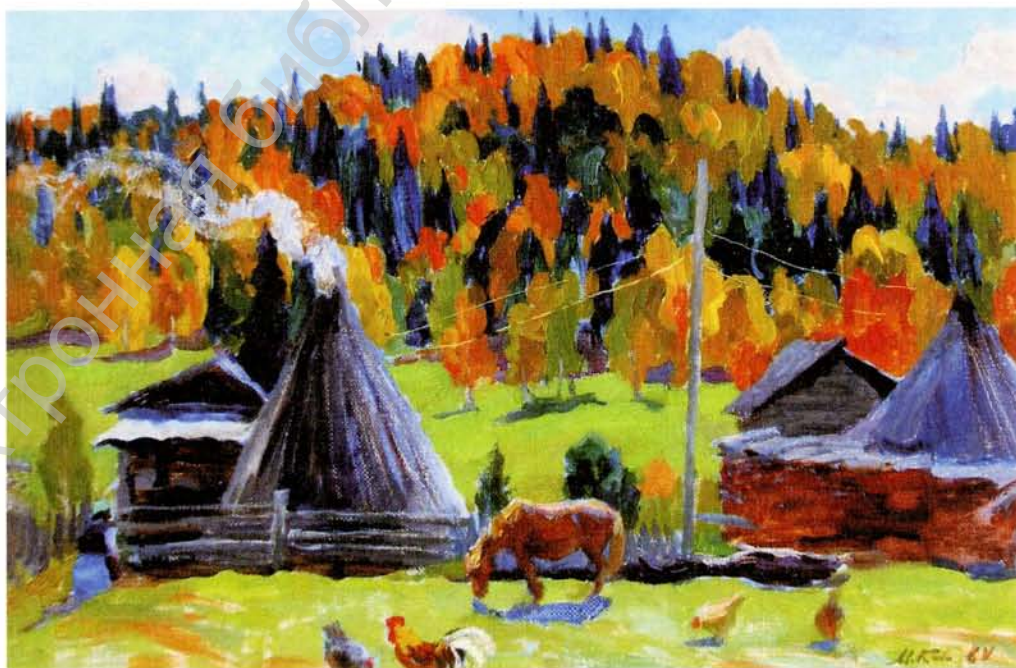
АЛТАЙ

2/2013

Художник С. Жук.
Мультинская тишина

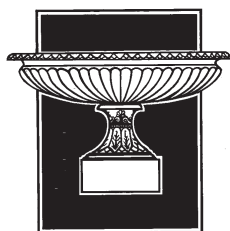

Художник М.Д. Ковешникова
Сентябрь в Верх-Аносе

Издается с 1947 г.

А И Т А И

МАРТ

АПРЕЛЬ

2/2013

*Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал*

Электронная библиотека АКУНЬ, elibaltlib.ru

Главный редактор -
Станислав ВТОРУШИН

Редакционная коллегия:

Елена БЕЗРУКОВА

Юрий ВИСЛОГУЗОВ

Ольга ГРИШКО -
редактор отдела прозы

Анатолий КИРИЛИН

Евгения КЛИНК -
редактор отдела поэзии

Юрий КОЗЛОВ

Иван МОРДОВИН

Юлия НИФОНТОВА

Александр РОДИОНОВ

Константин ФИЛАТОВ -
редактор отдела
публицистики

Владимир ШНАЙДЕР

Оформление
Александра
КАЛЬМУЦКОГО

Технический редактор
Галина ЗАРКОВА

Компьютерный набор
и верстка
Наталья АЛЕКСЕЕВА

Учредитель:

Краевое автономное учреждение
«Алтайский дом литераторов»

Адрес редакции и издателя:
656043, г. Барнаул,
ул. Короленко, 105
Тел. 65-82-43
E-mail: juraltai@rambler.ru
© «Алтай», № 2-2013

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

- Владимир ШНАЙДЕР. Долгая дорога в спящий город.
Повесть 3
- Мария ШИПИЛОВА. Рассказы (В ожидании Андерсена.
А за окном дождь...). 78
- Анатолий КИРИЛИН. Нулевой километр. *Маленькая
повесть* 96

Поэзия

- Людмила КОЗЛОВА. «Защити меня, Господи, от этого
мира...». Судный день. Царь мой, друг мой. Афганис-
тан. Иисус. Стережущие золото грифы. Две тысячи
лет - война. Гармония. Зной. Суггестия. «У меня за
спиной убегающий мальчик - закат...». Народные
сказки. Дети лейтенанта Шмидта. «Пришла пора,
пожалуй, друг Людмила...». *Стихи* 74
- Борис БОНДАРЕВ. Люблю мой край. «Там, где ручей
у дороги...». Спор Катуня с тишиной. Измена. Бабье
лето. Быль-деревня. *Стихи* 93
- Эдмунд ГЮНТЕР. Осеннее поле. Лист на земле. Мороз.
«Стихи, если я и затеял...». Морозное окно. Глаза.
Журавли. Надежда. *Стихи* 129

Очерк. Публицистика

- Александр ВОЛКОВ. Анекдотические были 132
- Вячеслав АНТРОПОВ. Вокруг Байкала 141
- Александр КОРОЛЬКОВ. Культура как культ предков ... 155
- Владимир КУНИЦЫН. Виртуальный реализм 161
- Дмитрий МАРЬИН. Д.Ю. Кобяков: четыре письма 166
- Александр КАЗИН. Возвращение в будущее 173

Подписано к печати 14.03.2013 г. Формат 70x108/16. Бумага офсет-
ная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 15,6. Печать офсетная. Тираж
1600 экз. Заказ 3063. Цена в розницу договорная.

ОАО «ИПП «Алтай». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ТУ22-0339 от 31 мая 2012 г., выданное Управлением Феде-
ральной службы по надзору в сфере связи, информационных тех-
нологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в пере-
писку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За досто-
верность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их
мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Владимир ШНАЙДЕР

Владимир Шнайдер родился в 1966 г. в с. Комарово Зонального района Алтайского края. Работает на железной дороге. Председатель правления Алтайского краевого общественного фонда изучения истории Западной Сибири.

Автор трех книг прозы и трех книг по истории купечества Алтая. Соавтор справочника «Литературный Алтай. Конец XIX - начало XXI вв.» и работы «Памятные литературные адреса Барнаула».

Краевед, член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

ДОЛГАЯ ДОРОГА В СПЯЩИЙ ГОРОД*

П о в е с т ь

Ч А С Т ь В Т О Р А Я

Г л а в а 1

В первые дни экспедиции погода и настроение участников были прекрасными. Но в Шебалино, где путники остановились на ночлег, их поджидала неприятность: днем солнце еще играло во всю силу, а к вечеру из-за горизонта пошли тучи и ночью небо прорвало. Да так, что к утру дорога превратилась в сплошное месиво. Фрол с Георгием расстроились. Задержка, даже на один день, никак не входила в их планы.

- Михаил Никитич, - неуверенно обратился Георгий к проводнику, - а может, потихоньку тронемся?

- Что ты, что ты, мил человек, даже и не думай, - замахал руками тот. - После этакой-то хляби! А через двадцать пять верст - перевал. Нет уж, пускай распогодится, да просохнет малость.

И хорошо, что не выехали. К обеду небо вновь заволочло, и пошел дождь. От настроения, которое было в Бийске, и следа не осталось. Фрол сидел у окна и задумчиво смотрел на улицу. Георгий то мерил шагами избенку, то выходил на крыльцо. Анисим Мануйлович, устроившись на лавке и накрывшись шинелью, мирно посапывал.

- Черт бы побрал эту погоду, - проворчал Георгий, вернувшись с крыльца в очередной раз. - Все планы поперепутала. У нас каждый день, можно сказать, на вес золота, сутки уже тут и кто знает, сколько еще просидим.

- Георгий Иванович, да смиритесь вы, - попытался успокоить его Фрол. - Какой смысл переживать, коли не в силах исправить ситуацию?

* Окончание. Начало в № 1 за 2013 год.

- Понимаю я все... но на душе-то от этого спокойней не становится.
- Бог даст - долго здесь не просидим.
- Долго не долго, но завтра еще не выйдем, это точно... Разве что дождь сегодня перестанет...

И действительно, за полдень дождь стал утихать, и ближе к вечеру прекратился. Небо очистилось. Георгий вышел на крыльцо. Солнце подкатывалось к вершинам гор. Еще час и оно спрячется, тогда начнет быстро темнеть. В горах, в отличие от равнины, после заката темнеет скоро.

Под навесом, за домом, фыркнула лошадь, бряцнули удила, послышался чей-то голос. Георгий прошел к углу дома и посмотрел в сторону навеса. Хозяин двора, где они остановились, седлал коня.

«Куда это он, на ночь глядя, собирается?» - удивился Георгий и не удержавшись любопытствовал:

- Макар Леонтьевич, ты случаем утро с вечером не попутал?

Хозяин, коротко глянув на Георгия и продолжая седлать, ответил:

- Чай не слепой, и из ума ишо не выжил.

- А для чего ж тогда коня-то под седло на ночь ставишь?

Хозяин помедлил с ответом, как бы решая - объяснять постояльцу или нет, для чего он седлает коня, потом сообщил:

- Сын жениться надумал, дом строить надо. Два медведя в одной берлоге - это плохо. Опять же сомнения берут - надо отделять или нет?

Георгий удивленно вскинул брови.

- А при чем тут это?

Затянув подпругу, хозяин повернулся к Георгию.

- Дождь прошел, луна полная. Самое время узнать.

Георгий вконец запутался.

- Здоров ли ты, Макар Леонтьевич? О чем узнать?

Хозяин почесал макушку, внимательно посмотрел на Георгия.

- Георгий Иванович, да в такой вечер - дождь прошел, небо чистое, луна полная - шаман самую правду скажет!

- А-а! - протянул Георгий, - вон оно что! Ты собрался к шаману? Узнавать будущее?

- Ну, слава те Господи, дошло.

- Опа! - радостно воскликнул Георгий. - А далеко это, Макар Леонтьевич?

- Дык... за Семой, верстах в десяти с северной стороны Туманихи.

Георгию это ни о чем не говорило. Главное он понял - всего в десяти верстах.

- Макар Леонтьевич! - горячо попросил он. - Возьми нас с собой, а?! В жизни не довелось видеть живого шамана.

- А мертвых, што, доводилось?

- Нет, - растерялся Георгий.

- А чего тогда так говоришь?

- К слову пришлось. Ну, возьми, Макар Леонтьевич.

- Нет, - твердо отказал хозяин. - Это не балаган какой-то там. Да он и камлать, может, не станет при праздных-то? Нет, и не просись. На кой ляд мне из-за твоего праздного любопытства час упускать? Другой такой случай и не подвернется. Сыщи себе другое заделье.

Но Георгий, если пристанет - не оторвешь. В конце концов хозяин согласился взять их с Фролом, но при условии, что наблюдать они будут издали, и так, чтоб шаман их и не видел, и не слышал. Георгий был согласен на любые условия. Получив добро, он опрометью метнулся в избу за Фролом.

Чистое небо с густой россыпью звезд сделало путь до шаманской стоянки поистине сказочным. Вроде бы и ночь, вроде бы и нет. Фролу сразу вспомнились белые ночи Петербурга. Макар Леонтьевич сказал, что так бывает редко. В основном ночью не то что конному, но и пешему сложно пробираться, того и гляди споткнешься или оступишься.

- А нынче-то, поглянь-ка, светло, как днем! Не зря, видно, господь, эдакую ночку выдал, - и перекрестился, - чтоб шаману лучше виделось.

- Как вашего шамана звать-то? - поинтересовался Фрол.

- Та Бог его знает, - не сразу ответил Макар Леонтьевич. - Свои имена-то они в тайне хранят. А об этом мы вообще мало знаем. Он в селенье не живет. Все один. Кочует. Бывает, что и на год уходит куда-то. Но, говорят, сильный шаман. Был у нас случай такой. У одного мужика коня увели... украли, то бишь. Хорошего, умного. Помыкался он, все горы обошел - нету. Ну, сказали ему, что этот шаман пришел, он отправился к нему. Входит в юрту, а тот ему сразу и говорит: «Не ищи вора, далеко его душа ушла. А конь твой, у Рябого камня ждет тебя». Фому, ну, мужика того, оторопь взяла - он и слова вымолвить не успел, а шаман о его беде знает. Откуда? А потому, что настоящий шаман. Ну, мужик-то, не мешкая туда, к Рябому камню. Есть у нас такой... в двух верстах от истока речки Куяхтаной... Вот... глядит, и впрямь, ходит его Шаргай, щиплет травку. И конокрад нашелся неподалеку. Видно ночью скакал по бездорожью, и разбился. Вона как...

Проехав еще с версту, Макар Леонтьевич остановил коня.

- Все. Далее вам не след ехать, а то испортите мне всю обедню. Как и уговаривались, огня не разводите, разговаривайте тихо. На обратном пути я вас заберу.

- А долго это будет?

- Што?

- Ну, гаданье-то?

- Ежели я один буду, часика с два... сложно сказать. Коли захотите возвратиться, так не заблукаете, поди?

- Нет уж, - отрезал Георгий, - мы тебяждемся.

Едва стихли шаги лошади Макара Леонтьевича, Фрол с Георгием привязали коней и крадучись пустились следом.

Вскоре впереди, между деревьев, замаячил костер. Еще через сотню шагов стал слышен говор и можно было рассмотреть людей. Крадучись Фрол с Георгием подобрался к костру шамана на десяток, а то и меньше, сажений.

Шаман, попыхивая трубкой, молча слушал Макара Леонтьевича. Тот говорил негромко, долго. Шаман иногда вынимал изо рта трубку и, как бы в знак согласия или одобрения, слегка кивал головой. Вот он встал и не спеша прошел к юрте. Вернулся на место он уже в другом облачении: в шапке с перьями, в куртке из лоскутков разноцветной материи, с бубном и колотушкой. Фрол и Георгий впервые в жизни видели и шамана, и все его атрибуты, потому смотрели на него во все глаза, ожидая с минуты на минуту какого-нибудь чуда.

Пошерудив костер, подбросив в него хворосту, шаман легонько ударил в бубен, замер, потом, проделав ряд замысловатых движений, медленно провёл над огнем бубном и закружился у костра. Порой казалось, что он не просто колотит в бубен, а выбивает на нем мелодии, только ему одному ведомых песен.

Около получаса длилось камлание. Потом шаман стал замедлять танец и сникать. В конце остановился, присел и, вдруг, будто в невидимую дыру в

невидимой стене, сделал прыжок, и распластался на земле. Долго, наверное около четверти часа, пролежал он не шелохнувшись. Наблюдатели стали думать, что шаман утомился и уснул. Но нет, вот он шевельнул руками, ногами, собрался в клубок и, резко вскочив, выполнил несколько прыжков, вроде бы как перепрыгивая барьеры. И снова закружился у костра. Вторая часть камлания заняла еще не менее четверти часа. Чего только шаман не вытворял - и делал вид, что крадется, изображал плывущего и летящего, и вроде как отбивался от кого-то. Потом, встав лицом в сторону затаившихся Фрола и Георгия, направил на них бубен, медленно сделал им вращательное движение и, резко дернув на себя, ударил в него и прислушался...

Обратный путь прошел в молчании. Макар Леонтьевич ехал первым, опустив поводья и понурившись. Видимо безрадостное что-то накамлал ему шаман. Фрол и Георгий молчали. Обманувшись в ожиданиях, не увидев ничего необычного, не заглянув за занавесу тайны, они сочли шамана шарлатаном, а Макара Леонтьевича недалеким человеком, способным верить в любую сказку.

Перед въездом в село Макар Леонтьевич придержал коня и, поравнявшись с Георгием, сказал:

- Шаман велел передать вам, что ваш третий путник всегда должен быть у вас на глазах. В дороге пускайте его первым.

- Все-таки он нас увидел, - произнес Георгий, забыв, что Макар Леонтьевич не знает о том, что они подкрадывались.

- Бог с тобой, Георгий Иванович, как же он мог увидеть вас ночью за полверсты?

- Выходит, что вы ему о нас обмолвились? - высказал догадку Фрол.

- Я к нему токо со своей заботой приехал.

- А как он про нас узнал?

- Как, как... шаман ить он... Значит будущее может видеть и прошлое...

Узнал же, где конь уведенный пасется. Рассказывал ведь вам.

Георгий снисходительно хмыкнул.

- А ишо он велел сказать, - продолжал Макар Леонтьевич, - что золото надо искать не по бумаге, а среди вас.

Вот это было действительно невероятным, и для Фрола оказалось неожиданным. Узнать о них шаман мог от Макара Леонтьевича. Но как он мог догадаться о том, что они едут на раскопки с надеждой отыскать еще и клад? Это же тайна только его - Фрола, Георгия и Анисима Мануйловича. Проводник Михаил Никитович уведомлен, что их интересуют лишь древние захоронения. Хотя... мог догадываться... Но шаману как сообщил?

Не менее был удивлен и Георгий.

- Хм,.. надо же, а, - произнес он, - про какое это золото сказал? А, Макар Леонтьевич?

- Думаю, вам-то об этом лучше знать.

- Бредил, видно, твой шаман.

Георгия напугало то, что шаман знает об их планах.

- А еще что он сказал? - Фрол решил помочь Георгию увести разговор от золота в сторону.

- Экие вы дотошные, - отмахнулся Макар Леонтьевич. - Вернитесь к нему, да спросите сами.

Георгий и Фрол видя, насколько Макар Леонтьевич уже занят своими мыслями, оставили разговор.

Г л а в а 2

На следующий день, как бы наверстывая упущенное ночью, Георгий и Фрол проспали почти до полудня. Первым проснулся Фрол и увидев, что день погожий, принялся тормозить Георгия.

- Вставай, вставай! Иди к Михаилу Никитовичу. Почему мы в такой день стоим?

Георгий нехотя поднялся и пошел к дому, где были проводник с работниками.

Возвратился он не скоро, но радостный.

- Ох и позубатились мы с Никитичем! - сообщил. - Уперся: нет, мол, и все. Нельзя, говорит, идти, пока землю не обдует. Хоть режь его. Но да я настоял. Озлился он, махнул рукой, собирайтесь, говорит, поедем, но, говорит, от сего часа я ни за что не отвечаю.

Ехали опять молча. Лишь иногда перекидывались незначительными фразами и вновь умолкали надолго. Михаил Никитович вообще нахохлился как сыч, думая о своем.

И у Фрола, и у Георгия все не выходило из головы наказы шамана: «Пусть третий всегда едет впереди». А кто этот третий - Анисим Мануйлович или Михаил Никитович? И откуда он узнал про золото, да еще и «по бумаге», - значит, по карте? И почему его, золото, нужно искать среди нас? Можно подумать, что оно уже есть. Сплошные загадки. О них бы забыть, только вот - не получается никак.

На первом же привале Фрол подсел к Георгию.

- Георгий Иванович, вы же родились и выросли в этих краях, так неужели и вам не понятны наказы шамана?

Георгий внимательно посмотрел на Фрола.

- Хочешь верь, Фрол Силыч, хочешь нет, но я шаманов никогда не видел и ни до чего не додумался. Хотя, по первому совету, что глаза не спускать с одного из нас, тут проще - давай Анисима Мануйловича и Михаила Никитовича пустим вперед, и - все дела. А вот с золотом... Бог его знает, о чем это он. Они же, шаманы-то, малость того,.. как бы с придурью что ли: одно слово может по делу сказать, а два - для красоты пришьет... А может и все пустое...

- Вы думаете?

- Не знаю... тут ведь что: и этот Макар Леонтьевич мог что-то напутать, забыть или того хуже - своего прибавить, а мы с тобой теперь ломаем головы... Ладно, нечего зазря время тратить. Сделаем так: эти двое, - кивнул на Анисима Мануйловича и Михаила Никитовича, - поедут впереди нас - и все.

Место для ночлега выбрали в пяти верстах за поселком Топучий. По этому поводу Михаил Никитович вновь рассорился с Георгием, который требовал продолжать путь пока светло, а проводник хотел остаться на ночлег в поселке, где можно выспаться по-человечески в домах, в тепле.

- Георгий Иванович, ночью-то в горах, да еще и у реки, будет холодно, - пытался запугать Михаил Никитович.

- Ничего, - почти в голос ответили Георгий с Фролом. - Замерзнем - костры запалим.

Михаил Никитович обреченно вздохнул, покачал головой и, разведя руками, согласился.

- Воля ваша... тут я вам позволю покуражиться, а вот в Монголии - не взыщите: или по-моему будет, или вы идете без меня. Уговор?

- Согласны!

Обустроиваясь на ночлег, Фрол заметил сидящего на валуне неподалеку алтайца. Когда подъехали, его не было, а сейчас сидит, попыхивает трубкой. И внимательно наблюдает не за кем-нибудь, а за ним.

Фрол тихонько позвал Георгия и взглядом указал на алтайца.

- Ну? - не понял Георгий.

- Ничего не замечаешь?

- Нет, а что?

- Если мне не изменяет память, и если судить по одежде, то это тот самый шаман, у которого мы были ночью.

- Да ну! - удивился Георгий. - Как же он тут оказался? А может просто похож? Они все на одно лицо.

Алтаец, поняв что им заинтересовались, несколько раз мелко кивнул, потом призывно помахал рукой Георгию и Фролу.

Те переглянулись, и, отложив дело, подошли.

- Макарка говорил: третьего впереди держи, плохой третий? - выпустив клуб дыма, спросил старик.

- Говорил, - ответил Георгий.

- Зачем не слушал?

Георгий посмотрел на Фрола, потом на старика.

- Ай-ай, - покачал головой алтаец и указал трубкой в сторону Анисима Мануйловича.

- Тьфу, ты! - вырвалось у Георгия. - И как же я не догадался.

Встав с валуна, алтаец направился, было, в гору.

Фрол с Георгием переглянулись. Георгий метнулся за алтайцем и, схватив его за руку, спросил:

- А про золото... почему его искать надо среди нас? Объясни, пожалуйста.

Тот посмотрел на Георгия, потом на Фрола. Присел, выбил о камень трубку, сунул ее в карман.

- Тут золото живой, много любить, много хорошо... Тот золото мертвый, тяжелый, много плохо... - и, добавив что-то на своем языке, ушел.

Георгий почесал затылок.

- Теперь точно ум за разум зайдет.

- Чего ему надо было? - спросил Михаил Никитович, подходя к ним.

- Да, так, - отмахнулся Георгий, - просто, спросил куда, да откуда идем...

- Поди выпрашивал чего в подарок? Они это дело любят, как привяжутся, впору палкой отгонять.

С наступлением ночи проводник и работники улеглись спать. У костра остались только участники экспедиции. Для них это была первая ночь вне селения, под открытым небом да еще и в далеких от цивилизации горах. Георгий и Фрол сидели рядом, а Анисим Мануйлович - по другую сторону костра.

Каждый думал о своем: Анисим Мануйлович созерцал небо и строил планы возвращения домой с карманами, набитыми сокровищами. Фрол, устремив взгляд на огонь, думал о матери: как-то она там без него? В последний раз она, хотя и писала, что дома все хорошо и отец больше не пьет, он этому не верил. Понимал, мать просто не хочет его огорчать.

«Ничего, - размышлял Фрол, - Бог даст - к сентябрю-октябрю буду дома и, возможно, не с пустыми руками. Тогда закончатся ее мучения».

Георгий неожиданно для себя вспомнил Наталью и взялся представлять, как они встретятся по осени, и он одарит ее по-царски.

Костер почти прогорел, а встать и подбросить в него дров никому не хотелось. От гор и со стороны реки потянуло свежестью. Храпнула лошадь. Фрол, зябко пожившись, все-таки встал, притащил хворосту, и костер, обрадовавшись подарку, вновь взметнул к небу веселые языки пламени.

Чуть забрезжил рассвет, и путешественники проснулись. Разбудил их жуткий холод. Казалось, он добрался и до костей. Вроде бы спали у костра, а толку-то: один бок печет, другой от холода ломит.

Михаил Никитович искоса поглядывал на них, и, усмехаясь в густые с проседью усы, разливал по кружкам чай. Вчера компания Георгия не послушала его, бывалого проводника, не захотела остановиться на ночлег в Топучем, и он решил проучить их за это.

«Ничего, - самодовольно думал Михаил Никитович, - пушай потрясутся да зубами полязгают, наперед наука будет, как старшим перечить».

Как просветлело - тронулись в путь. Фрол чувствовал себя неудобно, и со страхом смотрел вниз, когда дорога проходила по крутым склонам, которые Михаил Никитович называл «маломальскими». К тому же еще и работники взялись вспоминать истории про то, как тут срывались в пропасть лошади. И рассказывали об этом с такими подробностями, будто сами все это видели.

- Летось, - во весь голос сообщил один, - вели караван Алексея Даниловича. Четверо коней - молодняк. А молодняк-то, знамо дело - страсть какой пугливый. Камушек покатится с горы, а он уж и ушами стрижет, в сторону норовит сигануть. А уж ежели, не приведи Господь, птица какая большая вспорхнет поблизости - и глазом не успеешь моргнуть, как он в сторону и - под обрыв. Так вот на этом самом месте у нас две лошаденки мырнули вверх копытами. Во-о-она, ишь, - тыкал пальцем вниз, на камни, - ишь косточки белеют? Вот это они самые и есть. Кое как тюки с товаром достали. Почитай, до самой темноты промутьжились.

- Слыхали, слыхали, - подтверждал второй. - А вот у нас, позапрошлый год, в Федотов день, уже возвращались, как беда пришла. Николай Иванович в Монголии свой товар распродал ловко и быстро, и домой набрал товара разного много. На радостях и нам за усердие посулил сверх оговоренного по красненькой. Мы и обрадовались. Кто загадал сбрую новую справить, кто шубу, а Феофан-косой, из Заячьего переулка, сыну коровенку загадал взять... Эх, не зря говорится: загад, не бывает богат. Так и у его вышло... На Чике-Тамане, какой бес ему коня шугнул: ни с того ни с сего как взлягнет, а Феофан, хотя и бывалый, кувырк, кувырк и только мы его видели... Молчком, даже не крикнул.

- И что, так и оставили его?

- Нешто мы нехристи! Похоронили... Все, как подобает: и крест поставили, и молитвы отчитали. Проходить будем, покажу.

Какие бы страсти не рассказывались, а экспедиция шла без происшествий. И пророчества шамана почти забылись. Вспомнили их Фрол с Георгием на очередном привале.

Миновали Туякту. До Ангудая оставалось не более четырех верст. Шли берегом Урсулы. Жара беспощадная, а внизу - речка с прохладной водой. И кто-то предложил передохнуть малость. Предложение приняли с радостью. Остановились, освежились, чайку попили. Стали собираться дальше. И тут один из работников поскользнулся на камне. Нога в колене у всех на глазах вспухла и на голени синячище расплылся. Фрол с Георгием в панике - что делать, не знают. Анисим Мануйлович нахохлился и в их сторону даже не глядит.

Михаил Никитович ругнувшись, спешился.

- Чего стоите-то? - не скрывая раздражения, спросил Георгий.
- Так... что делать-то?
- Что, что, - передразнил Михаил Никитович. - Берите на руки, несите на коня и поехали...
- Как, куда? - растерялся Георгий.
- Куда, куда, раскудахтались! Право слово: дети малые. В Ангудай, куда ж еще-то! Или вы вознамерились тут ждать его выздоровления?
- Нет, но...
- И дернул же меня черт согласиться с вами! Теперь на две руки у нас меньше будет. И на одну лопату. - Решительно подойдя к сидящему на камне парню, сердито спросил: - А ты чего распрыгался тут? - Однако, подставив плечо, велел: - Давай, опирайся, пока я добрый, - и аккуратно, чтоб не причинить ему боли, повел к коню.

В Ангудае Михаил Никитович договорился со знакомой русской семьей оставить у них парня.

- Месяца через два, думаю, мы вернемся, - сказал он хозяину. - Там и расчет будет.

- А ране-то, сдастся мне, и не получится, - согласился хозяин, осматривая колено парня. - А ежели кость хрустнула, то и все три месяца он будет как привязан.

Вечером, сидя за чаем у костра, Фрол посокрушался:

- Вот видите, Георгий, побольше работников надо было нанимать.

Тот сначала вспылил, но согласился, оговорившись:

- Кто знал, что такое случится. И понесло же его, куда не следует!

Фрол покосился на товарища, промолчал. Отхлебнув чая, посмотрел на небо.

- Интересно, а в Монголии оно такое же?

- Конечно, - не сразу ответил Георгий. - Небо - оно одно... - И через минуту спросил: - Слушай, Фрол Силыч, если шаману поверить, то в Тохто-Хото мы с тобой идем напрасно. Он же сказал, что там мертвое золото, а настоящее тут, среди нас где-то. Что скажешь?

- А что я могу сказать?.. Если честно, то его слова об этом мне по сей час непонятны. Но идти туда надо. Главное - ради наук. Я просто обязан, вы же знаете, Георгий Иванович. А золото? Ну, найдем - наше будет. И только.

- А если не найдем? Мы же тогда с тобой останемся на бобах! И время уьем впустую. Нас засмеют. И первые, кто это сделает - нанятые мужики. Тебе-то что, ты уедешь. А мне жить среди них.

Фрол удивился:

- С каких это пор, Георгий Иванович, вы стали бояться чужого мнения, да еще и мужицкого? Раньше я этого не замечал. Второе: а если мы сейчас вернемся, над нами что, смеяться не будут? Да и деньги по договору придется выплатить. Так что... Вы вправе принимать решения сами, я уговаривать не буду. Но возвращаться с половины пути неразумно.

Георгий некоторое время помолчал.

- Пожалуй, ты прав - погорячился я малость...

- Чует, Георгий Иванович, мое сердце, не зря мы идем в Тохто-Хото. И потом: работники и Михаил Никитович считают, что у нас - научная экспедиция. Так или нет?

- Так.

- Значит, любая найденная вещь в их глазах будет иметь ценность.

- Ну и находчив ты стал, Фрол Силыч!

Глава 3

Анисим Мануйлович все ждал - кто первым выпадет из дела - Георгий или Фрол? Но шли версту за верстой, день за днем, преодолевали перевалы, бомы, а конкуренты оставались в строю. Он уж мешочек, который получил от Чомора, и поглаживал, и пожулькивал, чтоб он быстрее начал действовать - нет, ничего не помогало. Но веры в его силу это не убавило: просто еще не настал черед.

Большая часть времени проходила в молчании. И только Фрол, продолжая вести путевой дневник, задавал иногда Михаилу Никитовичу вопросы, на которые тот отвечал сухо и коротко.

Особое впечатление на Фрола произвела Курайская степь. Ни перевалы, ни бомы, ни урочища, а именно степь. Фрол почувствовал ее как некрушимое, непревзойденное величие СМЕРТИ. Не прошли они и двух верст по степи, как она подчинила его себе, наполнила душу безразличием к мирским заботам и интересам, загнала в самый дальний уголок и придавила чувства, повернула в иное русло мысли. Он вдруг почувствовал нутром, что все, что он делает, это пустое - суета сует. Это ни то, что кому-то, а ему самому не нужно. Зачем? Для чего? Ну, выполнит он волю профессора, завершит раскопки, вынут на свет божий разные черепки и украшения - что дальше? Поахают над ними ученые мужи, пофантазируют о жизни людей в далеких веках, напишут ряд статей, и что из этого? Ни-че-го. Никому от этого никакой пользы. Не повлияет это на безжалостный ход времени никак и ничего не изменится. А потому все это - пустая трата времени.

До самого Кустонара Фрол не задал Михаилу Никитовичу ни одного вопроса, не сделал в дневнике ни одной записи. И лишь только в Кустонаре, на привале, после отдыха и настоящего чая, которым их угостили бийский купец Кузнецов, ведущий караван из Китая, к нему стало возвращаться прежнее состояние духа. И чтобы закрепить его, Фрол решил уединиться. Он спустился к реке Чуя, некоторое время постоял у кромки воды, затем, как-то неосознанно побрел вдоль реки. Не пройдя и трех десятков саженей, Фрол неожиданно увидел сидящую у воды молодую алтайку. Девушка задумчиво смотрела на воду. И хотя она сидела, было видно, что росту она ниже среднего, шупленькая. Черные волосы спадают ниже плеч. Одежда на ней, видать, новая, нарядная.

Медленно повернув в сторону Фрола голову, она спросила на довольно хорошем русском языке:

- Почему долго не шел?

- Куда? - растерянно произнес Фрол.

- На берег. Надо было раньше идти. Вы же скоро уходите?

- Да, но... Разве я должен был сюда прийти?

- Да.

- Зачем? - после исполнения пророчества шамана, Фрол уже не удивлялся, что встречающиеся жители знают все наперед.

Девушка встала и, не сводя глаз с лица Фрола, подошла к нему.

Она была красива. Необычайно. Никогда бы в жизни Фрол не подумал, что алтайки могут быть красивыми. Но красота ее поразительна, и увидел он ее не глазами, а душой понял, почувствовал. А как? Спроси - не объяснит. Взгляды их встретились, и Фролу вдруг стало легко на душе, покойно и тепло, как бывает тепло в присутствии родного и дорогого человека.

- Твоей душе стало легче? - голос девушки по-детски чист и нежен.

- Да...

- Зачем ты думал о смерти?
- Откуда ты знаешь?
- Смерть еще не убрала руки с твоего лица. Умойся из Чуи и дай солнцу утереть лицо, и руки смерти падут.

- Хорошо...

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза.

- Умойся.

Фрол подошел к реке и, трижды ополоснув лицо, подставил его лучам солнца.

- А ты зачем пришла к реке?

- Твоя душа звала.

«Боже мой, - подумал Фрол, - что за край: сплошные чудеса. Здесь на каждом шагу ясновидцы, предсказатели...».

Он медленно подошел к девушке и они, не сговариваясь, пошли вдоль берега.

- Как тебя звать? - спросил Фрол, и поймал себя на том, что впервые в жизни разговаривает с незнакомой девушкой на «ты», и даже не испытывает неловкости.

- Янколь.

- Ян-коль, - задумчиво повторил Фрол. - Красиво звучит, загадочно... А что оно означает?

- Не поняла.

- Ну, вот мое имя означает - цветок. Твое тоже что-то должно означать.

- А-а-а, - протянула Янколь. - Понимаю... Цветок. А ты похож на цветок... далекий, одинокий. У нас такие не растут... трудно им.

- Ты не ответила: что означает твое имя.

- Янколь - это большая, широкая река.

- А почему тебя так назвали? Ты, видимо, родилась на берегу большой реки.

Янколь улыбнулась.

- Нет. Я пришла на землю у озера Янколь, когда небо было светлое, другая луна светила, вода в озере стала... забыла, как это...

- Засыпать, - подсказал Фрол.

- Да, да, засыпать.

- Осенью?

- Ага, осенью. И меня назвали Янколь. Теперь Дух озера меня оберегает. Когда я вижу беду, я иду к озеру и там живу.

- А сколько тебе лет, Янколь?

- Лет? - она на мгновение задумалась. - Лет, вот... - и Янколь показала Фролу сначала обе руки со всеми растопыренными пальцами, а потом большой палец левой руки согнула. - А зим вот сколько, - и показала два раза растопыренные пальцы на обеих руках.

- Значит девятнадцать будет.

- Да, девятнадцать. Но это не правильно. Люди считают жизнь годами, а надо - луной: три луны, семь лун, двадцать и так дальше.

- Так ты умеешь считать?

- Умею, - и, улыбнувшись Янколь отвернулась.

Потом они вернулись к месту, где встретились. Янколь рассказала о себе, о своих любимых горах, реках и озерах, о деревьях и животных, живущих в этих краях. Она с ними, оказывается, разговаривает, они ей помогают, как она им, когда с ними случается беда или когда они болеют. Фрол удивлял-

ся: деревья, горы и реки разговаривают? Болеют? Но это же невероятно! И в то же время каждому слову Янколь он верил. Не только потому, что она обо всем этом говорила с серьезным видом и знанием дела, нет. Душа велела верить. Потом Янколь начала объяснять Фролу, как слушать и понимать природу.

Фрол не сводил с нее глаз, будто хотел запечатлеть в памяти на всю жизнь. Он был очарован девушкой. Все в ней восхищало его. В то же время понимал он - ничего особенного в ней не было. Позже он поймет в чем сила Янколь: в ее внутреннем мире - необычайно чистом, светлом, пребывающем в полной гармонии с природой.

Фрол так был поглощен общением с Янколь, что не сразу услышал, что его зовут.

- Иду, иду, - с досадой в голосе отозвался Фрол.

А так не хотелось расставаться с Янколь! Около часа они пробыли вместе, но за этот короткий промежуток, как показалось Фролу, она стала частицей его души.

И Фрол принял неожиданное для себя решение:

- Янколь, а ты можешь поехать с нами?

Девушка улыбнулась, взяв его за руку, внимательно всмотрелась в ладонь.

- Могу, но нельзя.

- Родители не отпустят?

- Нет... я одна живу.

- Тогда почему? - сердце наполнилось тревожным холодком.

- Ты должен сам идти. Это твой путь. Ты его взял у другого, и должен пройти, чтоб отдать. Чужое надо отдавать. Иди.

Зашемило душу Фрола. Не хотелось ему расставаться с Янколь.

- Скажи, а мы еще увидимся?

Взгляды их встретились.

- Горы молчат... Думают... Иди, я буду тут после трех лун.

- Фрол Силыч! - кричал Георгий, - бери ее в охапку, дорогой договоришь.

Поехали!

- Иди, - развернувшись, Янколь пошла вдоль берега.

Фрол все еще чувствовал на своей ладони тепло ее руки.

- Кто эта девушка? - спросил Георгий, едва Фрол подошел.

- Не знаю. Имя у нее красивое - Янколь!

- Где ты с ней успел познакомиться?

- Здесь. У реки.

- Фрол Силыч! - воскликнул Георгий. - Друг ты мой сердечный, да ты ли это? Я думал, ты к женскому полу равнодушен. А ты, поглянь-ка - глаза сияют...

- Полно, Георгий Иванович, чепуху-то молоть. Я же имел в виду...

- Да ладно, ладно, верю! - прервал его Георгий.

В Кош-Агаче Михаил Никитович принялся приглядывать и сторговывать верблюдов, параллельно подыскивая кому бы сдать лошадей до Бийска.

- Михаил Никитович, - изумился Фрол, - а почему бы нам не продолжить путь на лошадях?

- Растолкую, - пробурчал тот, видимо, недовольный тем, что в его дела суют нос. - Лошадь надо кормить и поить самое малое два раза в день, а не то она копыта отбросит. А где же мы в Монголии отыщем столько корма? А верблюд неделю без еды прошагает и хоть бы хны ему. Да и потом, наш

конь монгольские корма и жрать-то не станет. Что ему лук или там бударгана с полынью или саксаул? Тьфу да и только. Верблюд нам нужен, и желательно бы холханский... крепче они и выносливей. Ну, ладно, Фрол Силыч, ступайте, не мешайте.

К вечеру Михаил Никитович вернулся усталый, но довольный.

- Сторговался, - радостная улыбка не сходила с его лица. - Хотите верьте, хотите нет, а за такую цену, что и говорить стыдно, почитай, даром. И своих лошадок сдал с барышом. Пряма душа радуется. Не сглазить бы, тьфу, тьфу, тьфу, - сплюнул через левое плечо.

- До самого Тохто-Хото договорился? - удивился Георгий.

- Нет, что ты! Пока только до Буркуля, а там видно будет.

- Этот Буркуль, или как там его, далеко от Тохто-Хото?

- Та пес его знает, - отмахнулся Михаил Никитович.

- Как?! - воскликнул Георгий, и оторопело уставился на проводника.

Михаил Никитович, поняв, что сказал не то, потушив взгляд, принялся шарить по карманам, как бы в поисках кисета, потом потянулся за кружкой, стал наливать чай.

- Как?! - придвинулся к нему Георгий. - Ведь ты же говорил, что знаешь Монголию и Китай вдоль и поперек!

- Так я и не запираюсь. Знаю... Все торговые пути исходил не единожды, но по развалинам и могильникам всяким не шастал. Ничего, найдем, на монгольском языке я шпарю, как тот ухарь на «тальянке».

- Вот те раз, - покачал головой Георгий.

Фрола, присутствовавшего при этом разговоре, новое обстоятельство удивило не меньше, но не расстроило и не озадачило. Чего расстраиваться? У них есть же карта, составленная профессором. На ней путь к Тохто-Хото указан от самого Кобдо. Так что в том, что Михаил Никитович не знает, где развалины, ничего страшного. Главное он знает язык, имеет опыт хождения в Монголию, и обладает, судя по делам, пронырливой натурой.

Остаток вечера Фрол провел за дневником и письмом к матери. Из Монголии отправлять письма будет сложнее, да и дойдут ли они оттуда вообще?

Глава 4

Михаил Никитович разбудил Георгия и Фрола ни свет ни заря.

- К чему в такую рань? - зевая и зябко кутаясь в зипун, проворчал Георгий. - Можно бы и зорьки дожидаться. Что за спешка?

Михаил Никитович ухмыльнулся.

- Запомню, видно, Георгий Иванович: кто рано встает, тому Бог подают. Запомню?

Георгий ничего не ответил.

- Сегодня нам надо будет проделать длинный переход, - пояснил ранний подъем Михаил Никитович. - К вечеру мы должны дойти до Ташанту-Даба, чтоб завтра спокойненько, ладно отдохнувшими, перейти его.

- Ташанту-Даба – это перевал? - полюбопытствовал Фрол.

- Перевал.

- Опасный?

- Да как сказать? Не опасней других.

- А что это в переводе на русский?

- Покрытый льдом.

- И всего-то? - разочарованно произнес Фрол.

Георгий ухмыльнулся.

- Тебе обязательно нужна или тайна, или легенда?
- Будут, Фрол Силыч, и тайны, и легенды, - успокоил Михаил Никитович. - Все впереди.

Вокруг костра - участники экспедиции. Анисим Мануйлович, как всегда, задумчиво уставившись на огонь, потыкивал в него прутиком. Над костром парил котелок с чаем. Ждали Георгия и Фрола.

Неподалеку потрескивал еще один костерок, возле которого сгрудились несколько алтайцев.

Когда все собрались, Михаил Никитович разлил по кружкам чай, rozdal сухари.

Едва стала различимой дорога, тронулись в путь. Михаил Никитович, как всегда, возглавил караван, а замыкал в этот раз Фрол. Ему никто не мешал, и он думал об Янколь. Дивная девушка, опрятная и красивая. И умная. А говорит как - заслушаешься. И что еще удивляло Фрола, так это то, что такая хрупкая, маленькая, а живет одна. Как ей это удастся? Ведь здесь, в горах, в любую минуту можно встретить хищного зверя. Даже он, Фрол, молодой и крепкий, не согласился бы обитать здесь один.

За мыслями об Янколь Фрол не заметил, как к нему подъехал Михаил Никитович.

- О чем задумался, Фрол Силыч?

- Да, так.

- А ты вот обожди думать-то, это ты завсегда успеешь. Ты вот лучше посмотри и запиши, как начинается великая Чуйская степь.

И только сейчас Фрол обратил внимание на то, что они действительно идут по степи, которая простирается далеко вперед и по правую руку. Изредка виднеются озера и небольшие группы кустарников. Некоторое время Фрол молча и внимательно осматривал степь. Но чего-то особенного, похожего на то, что он прочувствовал в Курайской, от Чуйской Фрол не получил. Не коснулась она его души, не задела в ней никаких струн. Хотя, по-своему, тоже величава.

На первом привале их догнали четверо алтайцев из Кош-Агача.

Улучив момент, Фрол, желая что-нибудь вызнать об Янколь, подсел к старшему по виду.

- Мне бы хотелось спросить вас кое о чем. Разрешите?

Мужчина, попыхивая трубкой, спокойно, даже как бы равнодушно глянув на Фрола, кивнул.

Фрол обрадовался.

- Вы коренной житель?

- Это как?

- Ну... всегда здесь живете?

Мужчина закивал.

- Бывает у вас так, что женщина живет одна?

- Женщина один? - удивился алтаец и на мгновение задумавшись, продолжил: - женщина один не можно. Мало, мало женщин один. Мужик умер - тогда один, сама плохой - тогда один.

- А если мужа нет и сама хорошая, но - одна?

Алтаец почесал затылок.

- Не знаю...

- А вы всех здесь знаете?

Собеседник кивнул.

- Вчера я встретился с девушкой, ее Янколь зовут, вы ее знаете?

- Алтаец чуть трубку изо рта не выронил.
- Янколь?!
- Да.
- Знаю, знаю, - проговорил старик, и при этом как-то опасливо осмотрелся. Другие алтайцы тоже приутихли.
- Кто она?
- Дочь духа озера и духа гор, - не сразу и почти шепотом ответил алтаец. - Она один живет... - и, постреливая взглядом по сторонам, нарочито громко добавил: - Янколь сильный: медведь бьет, волк бьет, сохатый тоже бьет. Янколь хороший охотник...
- Хороший, хороший, - поддакнули его спутники.
- И плохой человек шипко не любит...
- А где она живет? - продолжал расспрашивать Фрол.
- Везде... горы ходит, озеро ходит... Янколь везде ходит.
- Понятно, - обреченно выдохнул Фрол, - значит мне ее больше не увидеть...
- В урочище Уландры экспедиция встретила с возвращающимся из Монголии караваном купца Кричевцева. Сразу же сделали привал. Михаил Никитович первым делом направился к купцу: удовлетворить свое любопытство, поделиться новостями, да повыспросить об обстановке в Монголии - какие там нынче цены, чтоб самим не продешевить.
- Фрол хотел уединиться, но Георгий не позволил.
- Знаешь, Фрол Силыч, - подсев к товарищу, негромко заговорил он, - не нравится мне что-то поведение нашего друга.
- Кого ты имеешь в виду?
- Да уж ведомо кого - Анисима Мануйловича.
- Чего это вдруг? - удивился Фрол. - Ты же на него вообще перестал обращать внимание, и даже мне советовал сделать то же самое.
- Было такое, не запираюсь, но последнее время меня начали мучить какие-то нехорошие мысли. Помнишь, что сказал шаман?
- Помню.
- А ты что-нибудь подозрительное заметил?
- Вот если бы не слышал, что сказал шаман, то ничего бы и не заметил. А теперь все подозрительным кажется: и разговорчивость, и юркость Михаила Никитовича, и замкнутость Анисима Мануйловича. Вот сам посудите: чего это вдруг Михаил Никитович стал такой внимательный и разговорчивый, а? Заботливый чрезмерно, все о сбережении денег печется. С чего?
- Фрол пожал плечами.
- Вот и я не пойму. А Анисим Мануйлович чего все молчит да исподлобья зыркает? Не иначе камушек за пазухой припас. А если они с Михаилом Никитовичем в сговор вступили, а?
- Да что ты, Георгий Иванович, - удивился Фрол, - с какой это стати? Михаил Никитович же об истинной цели нашей экспедиции не знает, а Анисим Мануйлович вряд ли расскажет. Да и где бы они, и когда успели сговориться, когда оба у нас на виду ежеминутно.
- Ну, может оно и так, - неуверенно произнес Георгий, - только Михаил Никитович тоже не простак. Мне кажется, не сильно-то и поверил, что мы идем всякую мелочь выкапывать.
- Георгий Иванович, ну вы меня удивляете! В Бийске были уверены в Михаиле Никитовиче, говорили, что знаете его, а теперь отрешиваетесь.
- Ладно, - прервал Георгий товарища, - как говорится: поживем, увидим. Но только ухо держать будем остро и следить за ими в оба.

На ночлег остановились за логом Кашкарбаш. И как всегда за обустройство стоянки принялись с муравьиной сноровкой: кто огонь разводить, кто за водой, кто лежаки готовить. Безучастным остался только Фрол. У него ни с того ни с сего разболелась голова, навалилась слабость. Отойдя от общего круга на несколько сажен, он разостлал зипун и лег.

Солнце поспешно пряталось за горные вершины. Весело затрещал охваченный пламенем хворост. Возле костра - суета, оживленный разговор. Позвякивают доставаемые из мешков и баулов кружки, котелки. Кто-то предложил отметить самогоночкой последнюю ночь на родной земле. Одобрили.

Растянувшись на зипуне и устремив взгляд на темнеющее небо, Фрол мысленно перенесся в далекую Москву, в квартиру к матери: как она там сейчас? Ему казалось, что с его отъездом она стала совсем одинокой. Сестры Фрола приезжают к родителям крайне редко. А отец, Фрол был уверен, больше времени проводит по салонам, нежели дома. Последние лет пять-шесть, он не помнит, чтобы мать с отцом имели добрую долгую беседу. В основном обменивались дежурными фразами и сидели: мама в своей комнате, а отец в кабинете. Да и сам Фрол, когда приходил со службы, так же уединялся в своей комнате. Но тогда он этого не замечал, а вот сейчас, на расстоянии, ему было очень стыдно за себя. Сейчас он понимал, как нужно было матери его внимание. Ведь, по сути, семья-то у них развалилась давно, хотя и живут они под одной крышей. Фрол понял это только сейчас.

За этими невеселыми мыслями Фрол незаметно заснул. Не то во сне, не то наяву, его будто окликнули, но просыпаться, выплывать из сладко обволакивающего сна было неохота. Тем более, что оклика больше не повторилось. И сон поглотил его.

... Не то дом какой-то, не то подвал. Ни окон, ни дверей. И свет - не понять откуда: нет ни лампы, ни свечей. Душно... Фрол озирается, ищет выход, но его нет. Ему становится страшно, не хватает воздуха. И жарко. Нестерпимо жарко, трудно дышать. Фрол начинает расстегивать ворот, но не может, а дышать все трудней и трудней. Он пытается позвать на помощь, закричать, но вместо крика из груди вырывается хрип...

Проснулся Фрол оттого, что его кто-то тряс за плечо. Над ним склонились Георгий и Михаил Никитович. В руках Михаила Никитовича - лучина.

- Ты чего блажишь? - в голосе Георгия испуг.

Фрол, еще находясь под впечатлением сна, смотрит растерянно и не может понять, чего от него хотят, и что вообще происходит.

Михаил Никитович тыльной стороной ладони трогает лоб Фрола и, цокнув языком, качает головой.

- Плохо дело.

- Почему? - Георгий бросает на него тревожный взгляд.

- Жар у него, - и, обернувшись к Фролу, спросил: - Тебя не знобит?

Фрол покачал головой - нет.

- Слава те, Господи. Значит, не лихоманка.

- И что? - насторожился Георгий.

- А ничего... хрен редьки не слаще. Пряма напасть какая-то...

И только теперь Фрол почувствовал в теле слабость. Расстегнув ворот, сел. В голове - туман.

Потрескивает костер. Необъятная небесная ширь усеяна звездами. В стане легкое оживление, Фрол сонными вскриками, видимо, разбудил всех.

- Попить бы... - слабо попросил Фрол.

- Сейчас, - Георгий метнулся к баулу.

- Эх, господа, недужные вы... вам бы дома, на перинах посапывать... - в голосе Михаила Никитовича и сострадание, и досада.

Фрола перевели ближе к костру.

- Что будем делать? - спросил Георгий Михаила Никитовича.

- А что? Лечить надо. Не потащим же мы его через перевал на руках. Ох, не к добру это все, ох, не к добру, ежели с самого начала все - не слава Богу...

- Да ладно тебе, стенать-то, Михаил Никитович. - Георгий вновь стал уверенным. - Давай укутаем его и к утру хворь как рукой снимет.

- Экий ты прыткий, - усмехнулся Михаил Никитович.

Фрол чувствовал себя виноватым. Неужели придется остаться тут, в чьей-нибудь избушке? Это невозможно! Без него исход экспедиции может быть совсем иным. Нет, нет, раскопки должны вестись под его личным руководством!

- Действительно, Михаил Никитович, - Фрол хотел говорить бодро и уверенно, но не получилось. - Вот сейчас попью горячего чая, к утру все и пройдет.

- Да ладно уж, - отмахнулся Михаил Никитович, - чайку он, видите ли, попьет. Право слово, дети малые. И угораздило же меня...

Сходив к своей лежанке, он принес четвертную фляжку, налил из нее в кружку Фрола жидкость и подал ему.

- На, выпей, а ты, - это уже Георгию, - накрой-ка ему ноги потеплей чем-нибудь, нехай пропотеют.

Фрол поднес ко рту кружку и тут же хотел вернуть назад.

- Пей, говорю, если думаешь к утру оклематься хоть малость.

- А что это? - поморщился Фрол.

- Настойка. От сорока недугов. На себе испробовал, простудную хворь, как бабка отшептала. Это моя матушка настаивает на травах. Пей.

Через силу выпив настойку, Фрол опять лег и стал смотреть на огонь. В голове зашумело, боль в висках притупилась, а вскоре и вовсе прошла. Фрол незаметно заснул.

Анисим Мануйлович, лежавший по другую сторону костра от Фрола, наблюдал за всем происходящим внимательно и с огромной радостью в душе.

«Вот, вот, - думал он, сжимая заветный мешочек, - и одного убрали с пути, и в самую пору... Лучше бы, конечно, Георгия, а уж с этим дворяннишкой-то я бы в два счета разделался в любой момент. Но да ничего, мое золото будет, только мое... Ох и отблагодарю же я Чомора по-царски...»

И он принялся выработать план, как склонить на свою сторону Михаила Никитовича.

Фролу снится: он на берегу не то широкой реки, не то озера. На душе благостно. Вокруг светло, тепло. С неба к нему начинает спускаться облако. Приближаясь, оно приобретает форму лошади. Фролу становится жарко, он хочет пить, пытается шагнуть к воде, чтоб напиться, но не может сойти с места. Облако уже рядом, но это уже не облако, а белая лошадь. И то, что лошадь летит, Фрола не удивляет, вроде так и должно быть. И вдруг на лошади появляется Янколь. Она смотрит на Фрола и улыбается. И хотя Янколь на лошади, Фрол почему-то стоит с ней вровень. Он видит ее черные глаза. Янколь начинает говорить, но при этом губы ее не размыкаются.

- Ты звал меня? - спрашивает Янколь.

- Звал.

Видится Янколь в двойном измерении: в первом измерении он видит только ее лицо, а во втором в отдалении, на лошади.

- Это твои глаза хотели меня видеть. А душа твоя позвала меня лечить твое тело. Дух огня в твоей груди.

- Да, мне жарко, очень. Но это не огонь меня жжет. Это, видно, простуда...
- Лето сейчас, где же ты остудился?
- Не знаю... может ночью. Холодно ночами на земле спать.
- Земля не может дать болезнь тому, кто ее любит. Огонь тебе послал в спину плохой человек. Спина у тебя слабая, не подставляй ее врагам и плохим людям.

- Но у меня нет здесь врагов. Я никому здесь не сделал ничего плохого.
- Посмотри мне в глаза!

Фрол встречается с Янколь взглядом. И чувствует, не видит, а именно чувствует, как Янколь кладет ему руку на солнечное сплетение и что-то шепчет. Фрол хочет сказать, что не понимает ее, но язык и губы словно окаменели. Он потонул во взгляде Янколь и неожиданно ему стало хорошо, уютно. И жар прошел.

Из глубины сна Фрола выдернул всхрап лошади.

- Янколь! - вскрикнул он, резко сев. - Янколь, подожди, не уезжай!

Бродившая рядом лошадь подняла голову, настороженно посмотрела на человека. Сидящие около костра мужики оторопело уставились на Фрола.

- Ну, все, затурусил, - обреченно произнес Михаил Никитович.

Анисим Мануйлович скривил губы в злорадной ухмылке.

«Однако же...» - радостно подумал он.

Георгий горестно вздохнул.

- Что? - пробормотал Фрол, озираясь. - Что? А где... - но не договорил, видимо, до сознания дошло, что это был сон.

- Что «где»? - сочувственно глядя на товарища, подсел к нему Георгий.

- Нет, нет, ничего, - смущенно пробормотал Фрол, выпутываясь из зипуна.

Георгий с Михаилом Никитовичем переглянулись.

- Да ты лежи, лежи, Фрол Силыч, - видя, что товарищ намеревается встать, легонько остановил его за плечо Георгий.

- Чего лежать-то? - непонимающе посмотрел на него Фрол. - Уже светает, пора собираться в путь.

Георгий с Михаилом Никитовичем вновь переглянулись.

- А ну-ка, погоди, - Георгий быстро потрогал лоб Фрола. - Нормально, жара нет. А как ты себя чувствуешь?

- Слава Богу, хорошо.

- А чего тогда бредил?

- Что? - не понял Фрол.

- Орал чего? - пояснил Михаил Никитович.

- А-а... - смущенно протянул Фрол, - приснилось, видно, что-то...

И у Георгия, и у Михаила Никитовича, как камень с души свалился.

Анисим Мануйлович от досады аж губу прикусил.

«Что за черт! - мысленно вознегодовал он. - Вон ведь как его скрутило! Неужто зелье помогло? Ну, Чомор, а где же твоя-то сила? Говорил, что твое слово - кремень... Ладно, хватит надеяться только на траву колдуна, пора и самому браться за дело!»

Отзавтракав на скорую руку, стали спешно собираться в дорогу. Вдруг один из нанятых мужиков, указывая рукой на склон горы, удивленно воскликнул:

- Гляди-ка!

На горизонте возник всадник. Внимание привлек не сам всадник, а его конь - чисто белой масти.

- Это откуда же у инородца такой красавец? - с нескрываемой завистью в голосе проговорил Михаил Никитович.

- Да инородец ли это? - усомнился один из нанятых мужиков. - В жизни я не видел у инородцев таких красавцев. У нас в городе таких мастей можно пересчитать по пальцам одной руки, и тут вдруг - у инородца...

- Это точно.

Георгий молча вытащил из наплечной сумки бинокль и, поглядев в него, удивленно присвистнул:

- Вот так дела! На, смотри сам, - и протянул бинокль Фролу. - Сдается мне, что это твоя новая знакомая.

- Кто? - от мелькнувшей догадки Фрола охватило легкое волнение. Однако догадка подтвердилась - да, это была Янколь. Тут же вспомнился сон.

- Не может быть, - растерянно прошептал Фрол. - Мистика какая-то...

- Что, Фрол Силыч, она, да? - улыбнулся Георгий. - Знать приглянулся ты ей, раз она пришла проводить тебя.

- Мистика... но этого же быть не может!

Теперь у Фрола, как говорится, ум за разум зашел: а сон ли это был? Могла ли ему присниться Янколь на белой лошади, если он не знал, что у нее вообще она есть? И как могло такое совпасть: только увидел ее во сне, а на рассвете вот она, рядом.

Развернув коня, Янколь направила его вдоль склона в сторону Кош-Агача.

- Может, Фрол Силыч, может, - повторил Георгий. - Женщина, если полюбит, способна на все. Я не удивлюсь, если она появится в Тохто-Хото.

- Эх, красавец, - протянул Михаил Никитович, провожая взглядом жеребчика Янколь. - Вот бы мне такого скакуна!

Глава 5

Монголия встретила путешественников неприветливо - ветром, хмурым небом.

- Еще токмо дождя нам не доставало, - проворчал Михаил Никитович.

Дальше ехали молча. Фрол, укрывая лицо от ветра, внимательно осматривал местность. Георгий, закрыв глаза, не то думал, не то просто ушел в себя.

Настроение Анисима Мануйловича, завершавшего караван, было под стать погоде. И он этого не скрывал. На пасмурность настроения действовала не погода, а приближение намеченной цели. Казалось бы, это наоборот должно радовать - с каждым днем ближе и ближе к своей цели. Это так. Но вот что его волновало: если и правда - найдут они сокровища, пойдут обратно, а получится ли завладеть всем этим единолично? Да и как подсыпать снадобья в варево? А вдруг кто-то из них есть не станет, что тогда? Ведь уж сколько раз бывало, что Фрол отказывался есть, а Георгий только чай пил, и - наоборот. И потом, когда готовят еду - Анисим Мануйлович наблюдал специально - котелок ни на минуту без присмотра не остается. Хоть один кто-нибудь из мужиков нанятых, да вертится около него.

Тут Анисима Мануйловича осенила мысль - нужно с этого момента брать дело в свои руки, чтоб потом не вызвал подозрение его интерес к готовке пищи. И тогда подсыпать зелье Чомора будет проще - вроде как подсоллил. А то, что кто-то вдруг не поест, так он заодно, для верности, и в чай пару щепоток бросит. Мешочек большой, не то что на два, а и на четыре котелка хватит.

На душе Анисима Мануйловича стало веселей.

На первом же привале Фрол, вооружившись карандашом и тетрадь, подсел к Михаилу Никитовичу.

- Михаил Никитович, вы ведь хорошо знаете жизнь монголов, их быт, нравы, поверья? Да и природу этой страны изучили? Так ведь?

- Ну, - неуверенно протянул Михаил Никитович, - как тебе сказать-то... почитай, каждый год хожу с караванами...

- Замечательно! - обрадовался Фрол, и, усевшись поудобней, приготовился слушать и записывать. - Давайте начнем с климата, а потом фауну, флору и дальше так пойдем.

Михаил Никитович опасливо покосился на карандаш и тетрадь.

- Я, Фрол Силыч, тех наук, которые вы, дворяне, постигаете, не познавал, а потому и ведать не ведаю, что это за фауны да фролы. Или как их там? Ты уж мне по-простому скажи. Вот климат, это мне понятно.

Фрол слегка смутился и поспешил пояснить:

- Фауна - это животный мир, то есть животные, которые обитают в Монголии: косули, зайцы, верблюды, ну и прочие...

- Ага, - закивал Михаил Никитович.

- А флора - это растения: кустики, цветочки.

- Вот теперь все ясно, но только, Фрол Силыч, я тебе в этом деле подсоблю разве что только на полушку и не более. Я сильнее по торговой, так сказать - по коммерческой, части все промышляю, а о зверье, да травках-муравках и думать не думал. Об этом лучше их поспрашивать, - кивнул на монголов.

- А поймут ли они меня? - усомнился Фрол.

- Эти может и нет, по-нашему-то они через пень-колоду. А вот в Гучене и в Баркуле, там мы найдем такого, который наш язык понимает.

- А это далеко?

- До Гучена дней, думаю, восемь-девять. А до Баркуля - одиннадцать, двенадцать. Точней не могу сказать, я этим путем не ходил до сего раза. Да и как продвигаться будем.

- Жаль, - расстроено произнес Фрол, за такой длительный путь я упущу много интересного, жаль. А что, если вы будете этим монголам переводить мои вопросы? - с надеждой посмотрел на Михаила Никитовича.

Тот увернул взгляд.

- Оно, конечно, поговорить можно, но как я им переведу на их язык то, что сам впервой слышу на родном? Не обессудь уж, Фрол Силыч, обождать придется. - Да и на кой ляд тебе это надобно-то? - спросил Михаил Никитович. - Действительно для ученого дела или так, для своего интереса?

Фрол внимательно, как бы прицениваясь - стоит ли объяснять, посмотрел на Михаила Никитовича, и решил - не стоит. По взгляду видно: не поймет. И ответил обтекаемо, чтоб не обидеть.

- Видишь ли, Михаил Никитович, много в мире еще чего не изведено, не найдено и уж тем более - не объяснено. Вот и хотел я чем-то науке помочь.

- М-м, - многозначительно протянул Михаил Никитович и понимающе кивнул.

Георгий тем временем азартно рубился с мужиками в карты. Ему везло: он улыбался, сыпал шутками-прибаутками. Мужики играли сосредоточенно и на шутки-прибаутки Георгия никак не реагировали. После очередного проигрыша в сердцах швыряли карты:

- От ить! Твою за ногу, а!

И в азарте просили:

- А ну-ка, раздай еще разок!

И снова - проигрыш. Впрочем, не удивительно, ведь Георгий прошел хорошую школу игорных домов и салонов не только Бийска, а в самой Москве. Не одну екатериненку, присланную родителем, он оставил на зеленом сукне. И в тот момент, когда, кажется, мужики отчаялись выиграть, свершилось чудо - один из них выиграл. Со стороны без улыбки на них было не глянуть: возрадовались победе как малые дети сладкому прянику.

- Эх! - потер ладони счастливым, - и у наших ворот бывает хоровод!

- Одна игра - не делает погоды, - урезонил его товарищ.

- Ничо, теперь попрет!

Георгий смотрел на мужика лукаво, потом, снисходительно улыбаясь, спросил:

- Ну, что, метать еще разок?

- Давай! - дружно рубанули воздух мужики.

Наблюдавший за игрой Анисим Мануйлович тоже решил на следующем привале попытать удачу.

«А почему бы и нет? - подумал он, - пара беленьких, а то и радужная, в кармане никогда не помешает».

Идти дальше решили ночами. Так будет быстрее и безопаснее как для людей, так и для лошадей и верблюдов. Если ночью отпустить скот пастись, то его по темени зарежут волки, которых здесь множество. И еще одна причина не останавливаться на привал ночью - отсутствие дров для костра. Для костерка на часик-другой набрать разного сушняка можно, а вот для поддержания огня в течение всей ночи, вряд ли. А без огня голодная стая хищников вполне может броситься и на людей. Днем же отдыхать безопасно.

- А что, разве здесь волков больше, чем у нас? - полюбопытствовал Анисим Мануйлович.

- Еще как больше! - отозвался Михаил Никитович, - и все бесстрашные да хитрые.

- И на людей бросаются?

- Да, - снова не обрадовал его Михаил Никитович. - Минувшим летом в одном караване караульные заснули, костер угас, и волки двоих загрызли насмерть, а еще троих сильно порвали.

Анисим Мануйлович недоверчиво ухмыльнулся:

- Прямо страсти какие-то.

Всем своим видом он давал понять, что на йоту не верит в эти сказки, и уж себя-то никогда и ни при каких обстоятельствах не даст в обиду, не только волкам, но и самому черту.

Георгий, заметив эту самоуверенность, усмехнулся.

- А на верблюдов волки тоже нападают? - поинтересовался Фрол у Михаила Никитовича.

- А то. Им, сукиным детям, что конь, что верблюд, все едино. Верблюда им даже легче взять.

- Но ведь он вон какой большой, - удивился Фрол.

- А толку-то оттого, что большой? Трусливый он как заяц. От свалившегося седла или вьюка как сумасшедший бежит куда глаза глядят. А про волка так и вообще говорить нечего, он даже и защищаться не думает. Орет только во все горло, да харкает на волка. Вот и вся защита. А ведь так может поддать копытом, что у серого и хвост вместе с головой отвалится. Но - не

сообразит. - Да что там волки, - продолжал Михаил Никитович. - Это глупое животное даже ворона с сорокой обижают.

- Как это? - загорелся любопытством Фрол.

А Михаил Никитович и рад стараться - показать себя знатоком Монголии.

- А вот как. Они, вороны и сороки, не в пример верблюду, твари умные. Высматривают с высоты того, у которого имеются ссадины на спине, садятся и начинают клевать. А нередко и здоровый горб расклевывают. Клюв-то у их, что носик у пшени.

- А верблюд что?

- А ничего. Горланит себе.

Рассказы Михаила Никитовича о верблюдах пробудили у Фрола интерес к этим животным. И в пути, через Михаила Никитовича, он попытался выведать у монголов как можно больше информации о характере и повадках этих трудолюбивых, степенно идущих по жизни животных. Но, к его немалому огорчению, много узнать не удалось. Михаил Никитович оказался слабеньким переводчиком и чаще, как догадался Фрол, он выкладывал ему свои знания, без смущения выдавая их за знания монголов. В конце концов Фрол оставил затею сбора материала до встречи с более компетентным человеком.

Если первые дни путешествия Фрол нестерпимо жутко уставал от верховой езды, то теперь он чувствовал себя вполне комфортно. А в часы, когда шли при свете, приноровился вести записи. Теперь, двигаясь по Монголии и сравнивая ее с той, какую описал в своих заметках профессор Старосветский, Фрол отмечал, что тот выпустил из внимания многое. Хотя, возможно, не выпустил, а просто не заметил или, как ученый, видящий дальше, не придавал особого значения. Всего скорей так. То, чему сейчас дивился и чем восхищался он, Фрол, для Старосветского было обыденным, привычным. За свою жизнь профессор совершил несколько экспедиций и повидал такого, что Фролу и не снилось. Потому, видно, он многое и не отразил в своих записках. Фрол решил восполнить эти пробелы. И в мыслях он все смелей и смелей представлял, как после возвращения в Москву он публично, в торжественной обстановке передаст университету археологические находки, при виде которых ученый свет придет в неопишное удивление и восхищение. О нем заговорят в высшем свете, как о будущем ученом светице. Он станет желаем во всех московских салонах. Газеты и журналы станут печатать о нем статьи, просить наперебой его материалы, путевые дневники. Но он не будет спешить с их публикацией. Он их напечатает в типографии Сытина. И вот тогда, когда ученые круги ознакомятся с его материалами и оценят их по достоинству, когда признают их самыми полными и глубокими трудами по Монголии, тогда к нему пойдут предложения от университетов - заведовать кафедрой. Он выберет университет, в котором ему предложат большой оклад и будет предоставлена возможность заниматься наукой. Затем он защитит диссертацию...

От столь смелых в этот момент мыслей у Фрола захватывало дух. И он уже не просто любовался необычными пейзажами, а со скрупулезностью ученого заносил в дневник малейшие подробности увиденного. Ежедневно делал до десятка, а то более, набросков. Заваливал вопросами Михаила Никитовича, а чрез него - и монголов.

Заметив столь резкую перемену в интересах товарища, Георгий не удержался и полюбозытствовал:

- Фрол Силыч, уж не замыслил ли на материалах экспедиции ученую степень сыскать?

Фрола его прозорливость смутила.
- С чего вы это взяли, Георгий Иванович?
- Да уж больно тщательно ты во все вникаешь. Кстати, а почему бы и нет? С твоими способностями и твоим упорством ты можешь многого добиться в отечественной науке.
- Смеетесь, Георгий Иванович? - нахмурился Фрол.
- Даже и не думал. Я это вполне серьезно.

Глава 6

В Кобдо, устроив караван, Михаил Никитович засобирался в город - решать официальные дела и отправить почту.

- А нам что делать? - спросил Георгий.
- Отдыхайте покуда, обед готовьте.
- А можно мне с вами? - спросил Фрол. - Очень хочется город посмотреть.

- Можно, - после недолгого раздумья согласился Михаил Никитович, - только не одолевай меня вопросами и не потеряйся. Уговор?

- Уговор, - улыбнулся Фрол.

Анисим Мануйлович, осуществляя задуманный план - приучить всех видеть себя у котла, принялся было готовить обед. Но вот ведь оказия какая - помощником он может быть, а чтоб самостоятельно, без подсказки приготовить обед - не научен. А мужики, в чьи обязанности входило готовить пищу, как нарочно, не спешили браться за дело. Крутнулся Анисим Мануйлович с котелком, пошарил в мешках, да и угомонился.

Георгий, не долго думая, разложил лопотину и - на боковую: хоть выспаться по-человечески. Но не тут-то было - к каравану, словно мотыльки на огонек, стали сходитьсь монголы. Вели они себя крайне беспардонно: ощупывали баулы, пытались в них заглянуть и даже засунуть руки. Лопотали на своем языке, не то объясняя, не то уговаривая. Некоторые из подошедших совали Георгию отрезки материи, непонятные предметы и что-то, похожее на еду.

Георгий растерялся. Отгоняя непрошенных гостей от баулов, он метался от одного к другому, но не попевал. Пока одного оттесняет, другой уже засунул в баул руку по локоть и шарит.

- Анисим Мануйлович! - сердито закричал Георгий. - Что же вы стоите-то?! Ждете, когда эти варнаки растащат весь наш скарб? Гоните их!

Анисим Мануйлович в первые минуты тоже растерялся от такого натиска, но окрик Георгия вернул ему самообладание. Он приосанился и, придав лицу грозный вид, двинул на непрошенных гостей.

- А ну-ка, чертово семя, саранча пустоголовая, шурш отсюда!

Поддействовало. Монголы угомонились, но вовсе территорию русского каравана не покинули.

- Что, одолели? - раздалось сзади. - А я услышал, что караван пришел, дай, думаю, схожу, гляну, кого судьба привела.

Георгий с Анисимом Мануйловичем обернулись. Примерно в сажени от них, лихо заломив картуз, широко расставив ноги, стоял русоволосый, коренастый, лет тридцати мужчина. Открытое лицо его обрамляла густая борода.

- Одолели инородцы? - переспросил русоволосый.

- Есть малость, - ответил Георгий, с интересом рассматривая соотечественника, черты лица которого показались ему знакомыми.

Мужчина подошел, протянул короткопалую широкую ладонь, представился:

- Семен Иванович.
- Георгий Иванович, - ответил на крепкое рукопожатие Георгий.
- Приятно видеть земляка на чужой стороне. А, прости за любопытство, ты один или с родителем?
- Георгия удивило, что незнакомец знает его отца.
- Я - с друзьями. А ты как родителя моего знаешь?
- Семен Иванович усмехнулся.
- Да я не только его знаю. И тебя. Я доверенный купца Кузнецова, Разумника Ивановича, соседа вашего.
- А-а! - обрадовался Георгий. - То-то я смотрю, лицо твое вроде как знакомо мне. Вот только борода смутила, а так бы признал.
- Да, тем летом я был без бороды, вот с осени отпускаю. Так сказать - для солидности.
- Монголы тем временем вновь стали проявлять активный интерес к баулам.
- Вот каналы! - окончательно рассердился Анисим Мануйлович.
- Сейчас я их в два счета спроважу, - заверил Семен Иванович, и, придав лицу грозный вид, заговорил по-монгольски с непрошеными гостями. Те сначала оторопели, потом испуганно закрутили головами и вмиг исчезли.
- Что такое ты им сказал? - поинтересовался Георгий.
- А, так, пошутил трошки, - отмахнулся Семен Иванович, - сказал, что вы везете личный товар князя первой степени.
- Кого, чей товар? - почти враз переспросили Георгий и Анисим Мануйлович.
- Князя первой степени.
- А что князья здесь делятся по степеням?
- Да ладно, Георгий Иванович, хватит про князей, на кой ляд они тебе сдались. Ты мне лучше бийские новости расскажи. Как там, что, а то ведь я с Третьего Спаса того года дома не был.
- Отчего ж не рассказать? Расскажу, расскажу, вот сейчас чай сварим, и расскажу. А языку-то ихному, Семен Иванович, ты здесь обучился или дома?
- Да Бог с тобой, Георгий Иванович, где дома-то? Всё здесь. Я двенадцать лет по Монголии хожу. Месяц, другой в год побуду дома и - снова сюда. А иной год и вообще тут безвылазно. И в Улясутае жил, и в Баркуле, и в Гучене, и в Чугучаке. По сезонам торговал в Булантохое. Одним словом, поколесил по Монголии. Интересный они народ, и жизнь у них, и обычаи - все своеобразное, дикое какое-то. Но нравятся мне монголы.
- Чувствовалось, поговорить о Монголии - конек Семена Ивановича.
- Вот Фрол Силыч тебе обрадуется! Ты для него находкой будешь. Он как раз про Монголию материал собирает. Ученый.
- Фрол Силыч, как я понимаю, твой товарищ?
- Да. Он из самой Москвы. Мы же с ним, и вот, с Анисим Мануйловичем, так сказать, в ученой экспедиции.
- Да ну! - искренне удивился Семен Иванович. - А я думал ты по торговым делам. И еще удивился: надо же, думаю, сюда, да с таким тощим караваном, - кивнул на баулы. - Ты, стало быть, подвизался в ученые? Отец-то, как, дозволил, или ты сам по себе, без его воли?
- А что отец? У него свое дело, у меня свое, - тема взаимоотношений с родителем была для Георгия неприятной, и он резко сменил ее.
- Ладно, Семен Иванович, хватит об этом. Игнат! - кликнул одного из мужиков, - сооруди-ка костерок для чая.

- А чай мы с тобой попьем самый что ни на есть отборный! - прищипнув языком, земляк вытащил из кармана и подкинул на ладони кирпич чая. - Такой попивают только китайские богдыханы, да мы попьем!

Вернулись Михаил Никитович и Фрол. Как оказалось, Михаил Никитович не просто знаком с Семеном Ивановичем, а состоит в родственных отношениях: Семен Иванович - сын его троюродной сестры по отцовской линии. Стало быть, троюродный племянник. Обнялись, Михаил Никитович проворно извлек из своего баула полуштоф «империалки».

- Прихватил для всякого случая, - пояснил он, - и, видишь как, сгодился. Сколько ж это мы с тобой не виделись-то?

- Вроде бы года три.

- О! - вскинул указательный палец Михаил Никитович, - три года! А ведь родня, и живем в одном городе. А ежели ты в купцы запишешься, Семен? Так и вообще знать перестанешь. Так? - и лукаво глянул на племянника.

- Ну, что ты, Михаил Никитович, как можно, нешто я добра на помню, - делая вид, что обиделся, возмутился Семен.

- Ладно, ладно, не сердчай. Знаю я, что хороший ты человек, а потому и люблю тебя и уважаю.

После первого тоста родственники разговорились, а Георгий тем временем поведал Фролу, естественно приврав без зазрения совести, что Семен Иванович «бормочет» по-монгольски и знает о стране буквально все, потому как живет в ней безвылазно дюжину лет и исходил ее вдоль и поперек.

Фрола это очень обрадовало, и он с великим нетерпением стал ждать момента, чтоб задать гостю накопившиеся вопросы.

На встрече Михаила Никитовича с племянником сюрпризы для экспедиции в этот день не закончились. Не успел опустеть полуштоф, как к дружному костеру подошел знакомый Михаилу Никитовича и Семену Ивановича монгол. Раздобренный «империалкой», Михаил Никитович и его встретил радушно: обнял, троекратно расцеловал.

- Подходи, дорогой, подходи! - и обратился к сидящим возле костра. - Прошу любить и жаловать, мой давний друг Очир. С ним я прошел не одну сотню верст по этим скудным землям и не одну ночь просидел у костра. Выпьешь с нами, Очир, уважишь компанию?

- Выпью, выпью, - быстро согласился монгол.

По-русски он говорил хотя и с акцентом, но вполне прилично, чем вызвал немалое удивление Фрола и Георгия. Анисим Мануйлович сидел отстраненно, думал о чем-то своем.

Выпили, закусили.

- Почему такой караван плохой, Михаил? - поинтересовался Очир, оглядывая верблюдов. - Где товар?

- Товара нынче нет, Очир. Я привел не купцов, а ученых! - гордо заявил Михаил Никитович.

Приврал, видимо, для поднятия собственной значимости в глазах монгола.

- Ученых?! - удивился тот и по-детски, с открытым интересом стал рассматривать сидевших рядом. - Все ученые?

- Нет, те вон двое, то мои, - пояснил Михаил Никитович, указывая на нанятых мужиков. - А вот Фрол Силыч и Анисим Мануйлович, эти аж из самой Москвы.

- Из Москвы? - еще больше удивился монгол. - Прямо из самой, самой Москвы?

- Ну, да. А вот Георгий Иванович, то наш ученый из Бийска. Но он тоже в Москве теперь живет.

Монгол от избытка удивления головой покачал.

- Из Москвы... Далёко... А зачем в Монголию шел?

- Это... как её... - попытался вспомнить Михаил Анисимович.

- У нас археологическая экспедиция, - пришел на помощь Фрол Силыч.

- Какой? - не понял монгол.

- Копать будем, в старых городах искать старые вещи, предметы.

- Зачем?

- Чтобы по ним узнавать, как жили ваши предки, чем занимались, что пили-ели, какую одежду носили, ну и все такое.

- Ага, ага, - понимающе закивал головой монгол. - А какой город копать будете?

Фрол с Георгием переглянулись - стоит ли говорить?

- Да выкладывайте, Георгий Иванович, тут все свои, - успокоил Михаил Никитович.

- Тохто-Хото.

- Тохто-Хото?! - вскинул брови Очир. - Старый город, давно умер. Шипко давно. Там больше никто не живет. Большой был город.

- А ты там был?

- Был... давно. Туда никто не ходит - боятся.

- Чего?

- Говорят, там много духов мертвых живет.

- А ты не боялся?

- Нет...

Вдруг Очир глянул на Михаила Никитовича, потом на Фрола, Георгия и Анисима Мануйловича. И как-то нетерпеливо заерзал.

- А кто тут у вас главный? - спросил он.

- Тут - я! - поспешно ответил Михаил Никитович, - все дела и вопросы в Монголии решаю я.

Георгий вознамерился было внести какую-то поправку, но Фрол быстро и незаметно для окружающих слегка дернул его за рукав рубахи. Молчи, мол. Георгий, укоризненно глянув на товарища, недовольно промолчал.

- Михаил, - умоляюще заговорил Очир, - возьми меня с собой. Тебе все равно нужен будет туда проводник.

Михаил Никитович гордо посмотрел на Фрола и Георгия.

- А что, можно подумать, ежели в цене сойдемся. А то заломишь цену - у нас и карманов рассчитаться не хватит.

- Что ты, что ты, Михаил, нет! - замотал головой Очир. - Совсем мало возьму.

Названная Очиром цена сильно удивила Михаила Никитовича. Он был настроен торговаться, дабы показать Георгию свою деловитость и заботу об экономии денег экспедиции, но сбивать названную Очиром цену совесть не позволила.

Ударили по рукам. Обрадованный монгол заспешил домой собираться.

Фрол предложил:

- Михаил Никитович, давайте и мы съездим с ним, посмотрим, как тут живут. Выпадет ли когда еще такой случай? - и обратился к Очирю: - У вас ведь есть семья?

- Есть, есть, - закивал тот.

По дороге Очир рассказал, что он, как и его отец, постоянно работает с русскими купцами: водит их караваны, помогает им торговать в лавках, потому хорошо знает русский язык.

Жилище Очира было за городом.

- Почему ты так далеко поставил юрту? - поинтересовался Фрол.

- Мы живем не в Кобдо, мы всегда кочуем. А летом мои всегда на джайляу. Я же, обычно, хожу с караванами, - пояснил Очир.

- А что такое «джайляу»?

- Это место, где мы живем летом, скот пасем.

- Своего рода - летняя стоянка?

- Летняя кочевка, - поправил Михаил Никитович.

Около юрты крутился подросток. Завидев приближающихся людей, он что-то крикнул и в скорости из юрты выскочили еще двое маленьких ребятшек, паренек и женщина. Скучковавшись, они молча смотрели на неожиданных гостей.

- Твоя семья? - любопытно спросил Фрол.

- Ага, моя жена, мои дети.

Внутреннее убранство жилища Фролу представлялось грязным, убогим. И как же он был удивлен, когда, войдя в юрту, увидел противоположное: войлоки - белые, вдоль стен - аккуратные, хорошей работы сундучки. В одном месте - полочка с бурханами и медными перед ними стаканчиками для курительных палочек. По стенам развешена нарядная, видимо для праздничных случаев, одежда, бурдюки. В середине юрты - очаг с треногой, на котором в большом котле закипает чай.

- Хорошо, - улыбнулся Очир. - Выпьем чая и отправимся в путь.

Пока ждали, когда подадут чай и потом, пока пили, Фрол не переставал задавать хозяину юрты вопросы. Записывал названия всех, находящихся в юрте предметов, выяснял - для чего они, из чего сделаны. Выполнял наброски этих предметов.

Младшие дети Очира сидели рядом и с любопытством наблюдали, как русский гость быстро пишет и рисует. Очир то отвечал на вопросы Фрола, то на вопросы старших сыновей.

Когда был подан чай, Фрол пригубив, удивленно посмотрел на Михаила Никитовича.

- Что, Фрол Сильч? - усмехнулся тот.

- Это чай? - удивился Фрол.

- Да, настоящий, только по-монгольски. Они в него добавляют молоко, соль и масло.

- Да-а-а, - удивленно протянул Фрол и нерешительно отхлебнул. - А вроде бы и ничего, - сказал распробовав, - своеобразный привкус...

Очир улыбнулся.

- Хороший, хороший!

Сборы Очира в дорогу заняли без малого три часа. И все это время Очир о чем-то переговаривался со старшими сыновьями.

Михаил Никитович, склонившись к Фролу, пояснил:

- Парни просят с нами.

- А он?

- Отказывает, говорит - дома они нужнее.

Наконец Очир, не выдержав или устав отбиваться от сыновей, обратился к Михаилу Никитовичу:

- Давай возьмем их с нами. Они помогут нам копать. Тебе все равно надо будет работников искать, а они помогут.

- Не, не, - замотал головой Михаил Никитович. - Работа тяжелая. Земля у вас, сам знаешь какая.

- Возьми, Михаил, денег не надо, они так пойдут, за харчи. А копать они помогут, они выносливые.

- Михаил Никитович, - вступился Фрол, - давайте возьмем, ребята крепкие.

- Да ты что, Фрол Силыч! - глянул на него Михаил Никитович, - они ж почти дети еще.

И по его взгляду Фрол понял: возьмет Михаил Никитович парней, только вот цену собьет за работу. Поломается и возьмет.

Глава 7

Всю ночь Фрол ехал рядом с Очиром и слушал его рассказы о Монголии. Ему даже расспрашивать Очира не пришлось, тот сам вспоминал одну за другой то легенду, то быль. Фрол слушал жадно, старался запомнить как можно больше подробней, чтоб с наступлением рассвета все записать. Но сомневался, что это удастся: слишком часто Очир пускался в объяснение то значения названий, то второстепенных событий. Но это не сильно волновало Фрола: ведь теперь они с Очиром будут вместе не один день, а, возможно, месяца два-три. И у него будет время переспросить его.

Под утро, выговорившись от души, Очир стал расспрашивать Фрола о цели их экспедиции подробней, о его научной работе. И хотя научная работа Фрола была, так сказать, еще только в зародыше, и большей частью - в мыслях, он, тем не менее, стал рассуждать так, будто занимался ею не первый десяток лет. Очир смотрел на него с уважением. А когда Фрол сказал, что весь материал будет издан отдельной книгой и он постарается один экземпляр переслать Очирю, тот даже привстал в седле.

- Да?

- Ну, конечно.

- И напишешь Очирю?

- А как же. Ведь ты помогаешь мне собирать материал.

Очир смотрел на Фрола взглядом, преисполненным уважения, восхищения, но и с капелькой сомнения:

- А ты обязательно пришлешь мне эту книгу?

- Обязательно, - заверил сторяча Фрол, и сию же минуту пожалел о сказанном: как он это сделает, если Очир постоянно кочует? Кто будет искать его в пустынях и горах?

- Хорошо, - мечтательно произнес в это время Очир, представив, как будут изумлены знакомые монголы, узнав, что ему прислал книгу сам ученый из Москвы. Естественно не поверят, но он им покажет ее и они убедятся. Жалко только, что мало кто из его знакомых умеет читать не то что по-русски, а и по-монгольски. А, впрочем, это и не важно. Главное - из Москвы по Монголии. И ему захотелось сделать что-нибудь для Фрола приятное, значительное, чтоб и у него так же стало хорошо на душе. Но что?

«Поменяться верблюдом? Пускай он едет на моем, молодом и сильном, а я - на его облезлом, замученном и старом? Нет, это мало. Подарить ему что-нибудь?» - Очир перебрал в памяти весь свой багаж и ничего достойного не обнаружил.

К полудню, как и планировали, караван подошел вплотную к хребту Монгольского Алтая.

- Вот тут, - сказал Очир, - ночь будем, а утром пойдем через горы.

- Это что получается: мы потеряем больше половины дня, и целую ночь? - возмутился Георгий.

- Ты предлагаешь в темноте идти через горы? - спокойно спросил Михаил Никитович, укладывая своего верблюда. - Иль ты забыл наш уговор, что в пути я буду решать...

- Ладно, ладно, - прервал его Георгий, - уж и спросить нельзя.

- Отчего ж, спрашивай, но только не возмущайся.

Наскоро перекусив, легли отдыхать. Фрол уместился рядом с Очиром. Заговорили. Немного погодя в разговор вклинился Георгий.

- Скажи, Очир, а в этих горах пещеры есть?

- Есть, и много.

- Большие?

- Да. Есть большие, есть маленькие.

- А в них живут?

- Зачем? Нет, в пещерах не живем. Мы живем в юртах, китайцы - в фанзах,.. - и тут вдруг Очир осекся на полуслове, о чем-то на мгновение задумался. Потом повернулся к Фролу и радостно спросил:

- Ты любишь легенды?

- Да, - заинтересованно отозвался тот.

- А видеть их хочешь?

- Как? Это возможно? - едва не подскочил Фрол.

- Возможно, - подтвердил Очир, довольный, что нашел чем отблагодарить Фрола.

- Когда, где? - не терпелось узнать Фролу.

- Тут, - указал на гору Очир, - неподалеку есть один рудник. Там раньше добывали золото, но теперь он брошен.

- Золото?! - враз удивленно воскликнули Георгий и Анисим Мануйлович.

- Да, - подтвердил Очир.

- А почему тогда рудник бросили, неужели выбрали все? - с легким оттенком испуга в голосе спросил Анисим Мануйлович.

- Не знаю, - пожал плечами Очир. - Князь закрыл.

- Так это что, был личный рудник князя?

- Да.

- И он его так просто оставил? - удивился Фрол.

- Зачем? Просто закрыл пока. Рудник охраняют. Князь жадный, такой рудник не бросит.

- Тогда как же мы в него попадем, если охраняют? - по тону чувствовалось, что Анисим Мануйлович начал сильно волноваться.

- Я знаю, как можно попасть туда незаметно, - хитро улыбнувшись, успокоил Очир. - Вот наступит ночь и пойдем.

- Сказки это все, - усмехнулся Михаил Никитович. - Оно, если верить этим сказкам, так тут вся Монголия в золотоносных рудниках.

- Нет, нет, - загорячился Очир напугавшись, что Фрол может ему не поверить и отказаться идти в рудник, - все знают, что там золото ломали. Много золота, - и стал торопливо рассказывать истории, которые, якобы, слышал непосредственно от тех, кто лично работал в рудниках.

Михаил Никитович отмахнулся, но Фрол, Георгий и Анисим Мануйлович все-таки решили идти.

Для Очира ждать, может быть, и нормально, а вот для его компаньонов это оказалось не просто. Оно и понятно, ведь никто из них и в простой-то пещере за свою жизнь не бывал, а тут - золотоносный рудник. Правда, это еще бабушка надвое сказала, но побывать в нем можно. И, кто знает, вдруг он окажется не выбранным и принесет в разы больше золота, чем старый город Тохто-Хото.

И троица, снедаемая нетерпением, принялась готовиться к посещению рудника. Сборами, естественно, руководил Очир. Он тщательно, как заправский купец, осматривал каждую необходимую для спуска вещь: каелку, свечи, веревку, молоток, мешки, спички.

- Эт для чего вы столь мешков берете? - усмехнулся Михаил Никитович, наблюдая за сборами. - Уж не под золото ли?

Очир насупился.

- Зачем смеешься, Михаил? Я тебя когда обманывал?

- Ладно, дело ваше. Хотите ноги бить - бейте, а я куда посплю.

Когда все было уложено, Очир осмотрел одежду каждого и остался крайне недоволен.

- А что такое? - недоуменно спросил Георгий. - Разве для рудника нужна какая-то особенная одежда?

- Да. Нам надо одежду старых рудокопов.

- Где же мы ее возьмем, и для чего она нам?

- Выход из рудника охраняется. Надо, чтобы охрана приняла нас за духов умерших рудокопов и убежала. Умерших от голода и тяжелого труда рудокопов все боятся. Они, бывает, выходят по ночам и работают по привычке. Иногда молитвы поют.

- Темный народишко, - ухмыльнувшись проговорил Анисим Мануйлович. - Какие-то сказки, какие-то духи...

- Не верится? - серьезно спросил его Фрол.

- Ну, а вы-то сами, как ученый человек, что думаете?

- Лично я думаю, что все возможно! - твердо ответил за Фрола Георгий.

Перешарили баулы, но подходящей одежды не нашлось. Тогда Георгий предложил воспользоваться прихваченными для продажи отрезами гротедура и драдедама.

- Сделаем покрывала, укутаемся с головой - пусть ломают головы стражники - кто это?

- Да ты што, Георгий Иванович, рехнулся ненароком! - испуганно вскричал Михаил Никитович. - Мы эти отрезы взяли, чтоб работников нанимать, а ты их в игру берешь.

- Ничего, Михаил Никитович, - успокоил его Георгий, - трех работников мы уже наняли и будем считать, что это в счет их оплаты.

Тяжело вздохнув, Михаил Никитович махнул рукой - мол, делайте что хотите, воля и товар ваши.

Когда взялись резать ткань, Очир предложил:

- Надо для рук отверстия сделать. Удобней будет.

В путь тронулись перед закатом. Очир шел впереди, за ним Фрол, а замыкал группу Анисим Мануйлович. На вершине отдохнули и, дождавшись наступления ночи, пошли к руднику.

Фрол удивлялся, как Очиру удастся ориентироваться почти в кромешной тьме и идти бесшумно. Они постоянно оступались, спотыкались, наступали на что-то хрусткое. А Очир шел как кошка - быстро и бесшумно.

Наконец проводник дал сигнал остановиться.

- Вот, - прошептал он, - теперь спускаться будем.

В выработку спустились на ощупь. Пройдя вглубь, зажгли свечи. Всмотрелись. От тесноты, прохлады и необычного воздуха, с примесью запаха камня, Фролу немного стало не по себе. Судя по выражению лиц, остальные, кроме Очира, чувствовали себя не лучше. Очир пошел дальше. Иска-

тели потянулись следом. Через несколько саженей обнаружилась верхняя штольня. Она оказалась неглубокой, не более пяти-шести саженей. К самому забою, в котором белела жила кварца в пол-аршина толщиной, было не подойти - перед ним шахта шла вниз. Спускались по веревке. Первым Очир, потом Георгий, третьим пошел Фрол. Опускаясь, он даже при тусклом свете свечи смог рассмотреть в кварце зерна золота.

- Георгий, Очир! - громко зашептал он. - Здесь оно! Самое настоящее!

- Как?! Где?! - враз выкрикнули Георгий с Анисимом Мануйловичем.

- Здесь вот!

- Тише, тише! - стал успокаивать их Очир. - Выход рядом, охрана может услышать. Спускайся, идем дальше, там золото тоже есть.

Увиденное подняло настроение.

Немного отстав от других, Анисим Мануйлович с жадностью осмотрел вкрапления золота, и даже попытался выколупнуть, но тщетно. Прodelать это на весу, без зубила и молотка, невозможно. От досады он поморщился.

Со дна шахты штрек тянулся по жиле в глубь горы шагов на сорок. По нему прошли к забою. Здесь жила была почти в аршин. Местами в ней желтел металл, полосами в палец шириной и гнездами в ноготь.

- Вот это да! - сдавленно произнес Анисим Мануйлович, жадно шаря взглядом по жиле. - Не верю глазам!

Фрол с Георгием тоже не могли оторвать взгляда от жилы, ведь все они первый раз в жизни видели природное золото.

- Я буду теперь богат... - бормотал Анисим Мануйлович, осторожно, даже с нежностью трогая полоски и гнезда золота, - богат... богат...

- Да-а-а, - мечтательно протянул Георгий. - Ночь тут можно провести с огромной пользой...

Очир смотрел на них взглядом собственника шахты: снисходительно и самодовольно - вот, мол, дивитесь, что я имею.

Вдруг Анисим Мануйлович, как бы спохватившись, крутанул головой, рискнул руками по карманам, подле себя и, резко глянув на Фрола с Георгием, вытянул в их сторону руки и, потрясая ими, потребовал:

- Дайте, дайте же, что вы стоите, дайте!

- Чего тебе дать? - насторожился Георгий.

- Дайте каелку, молоток, дайте же что-нибудь! Ну!

Весь инструмент был у Очира и тот растерянно протянул ему каелку.

Анисим Мануйлович спешно и неумело принялся долбить по жиле, пытаясь выколоть золото.

Георгий, тоже не желая стоять зрителем, проворно схватив молоток и зубило, сноровисто принялся за дело.

Фролу молотка не досталось.

- Нету больше, - развел руки в стороны Очир.

- Да ладно, кто устанет, у того и возьму, - не огорчился Фрол.

Если у Георгия хоть как-то получалось откалывать кусочки кварца с гнездами и прожилками золота, то у Анисима Мануйловича только пот струился по лицу, а толку не было.

Понаблюдав за ним, Очир не выдержал и, забрав инструмент, показал, как нужно скалывать.

- Вот так бей, - и после четвертого, несильного удара, кварц с золотым гнездышком упал к ногам Анисима Мануйловича.

Подумав, что молоток с зубилом, которыми орудовал Георгий, лучше, потребовал:

- Дай-ка мне!

Но Георгий усмехнулся:

- Чего это ради?

- Но... мне, - изловчившись, он все-таки ухватился за ручку молотка.

Георгий озлился и резко дернул молоток. Анисим Мануйлович не выпустил.

- Дай!

Фрол, поняв, что может разыграть конфликт, схватил их за руки.

- Господа, ну, что вы, право слово, будто дети малые. Будем колоть поочередно, а потом поделим.

Соперники не сразу, но согласились.

Выломав куски с самыми крупными вкраплениями, добытки двинулись дальше по штреку. Петляли долго. С каждым штреком уходили все ниже и ниже, и в глубь горы. Богатые жилы находились почти в каждом штреке. Наламывали из каждой по несколько горстей, затем шли дальше. Когда оказались в большом штреке, Очир остановил всех, прислушался.

- Здесь выход рядом, работайте тихо.

В штольне жила была большой - не менее двух аршин и очень богатая золотом. Анисим Мануйлович наметился было скалывать, но Очир остановил его, забрал зубило и обмотал его головку тряпкой.

- Так будет лучше, - пояснил.

Скалывали не менее двух часов. И продолжили бы еще, но Очир остановил.

- Надо уходить, скоро утро наступит.

Согласились с большой неохотой, особенно Анисим Мануйлович.

- Давайте уйдем выше и надолбим еще, - предложил он.

- Нельзя, - отрезал Очир, - Дух Горы не любит жадных.

Глава 8

Костер на стоянке поддерживал старший сын Очира. Михаил Никитович, заслышав возвратившихся, поднялся.

- Ну, что, много накопили? На новые подштанники-то хватит? - съехидничал.

Возвращаясь, Георгий предложил не рассказывать никому, что они добыли в руднике.

- Иначе, думаю, быть неприятностям. Золото лишает людей разума. Да и ни к чему ни Михаилу Никитовичу, ни его мужикам знать, зачем мы ходили. Будем говорить - для музея принесли.

Все согласились с Георгием, и сейчас, когда Михаил Никитович поинтересовался с чем они вернулись, стали лукавить.

- Да так... набрали разных камушков, - краснея, сказал Фрол.

- Ноги только сбили, - устало посетовал Георгий.

Очир промолчал. Неловко было обманывать старого знакомого. Но уговор - есть уговор. А Михаил Никитович им поверил - не зря же не пошел в рудник.

- Ну, а что я говорил? Лучше б перед дорогой выпались как следует. - Однако поинтересовался: - А что за камушки-то?

- Разные: кварц, лазурит, гиацинт... Одним словом, кое-что, для науки, - Фрол быстро глянул на проводника.

- Покажите? - еще ничего не подозревая, попросил тот.

Георгий кинулся спасать положение:

- Михаил Никитович, ну, что ты пристал к человеку с пустяком? Ему бы отдохнуть перед переходом часок-другой, а тебе камушки поглядеть прищипило. Потом увидишь.

- Да ладно, ладно, - отмахнулся Михаил Никитович, - я - любопытства ради. Отдыхайте, конечно, путь-то у нас будет трудный.

Стоянку покинули непривычно тихо. Михаил Никитович больше не просил показать добычу «для науки», его только удивляло, что эти странные люди будут теперь с такой тяжестью носиться. «Еще и до места не дошли, а что, если там чего больше наберут? Куда все?»

Анисим Мануйлович был сосредоточен на своем, и обстановка в экспедиции ничуть не волновала его. Хуже всех чувствовал себя Очир. Михаил Никитович - его давний знакомый. И всегда, когда перед ним стоял выбор проводника, он отдавал предпочтение ему, Очиру. Значит, давал возможность заработать, кормить семью. А он, Очир, вступив в сговор с новыми людьми, получается, предал его. Нехорошо. А с другой стороны, в чем же он виноват? Ведь Георгий прав: знать про золото должен только тот, кто ходил в рудник.

«Ну почему Михаил не пошел с нами?» - сокрушался Очир.

Казалось, и Фрол с Георгием были не рады походу в рудник:

- Может быть - зря? - тяжело вздохнув, проговорил Фрол.

- Наверное, - согласился Георгий. - Но откуда мы могли знать, что там действительно найдется золото?

- Ты прав...

- А с другой стороны, - продолжал Георгий, - если бы мы не пошли, то представь, что бы мы могли потерять? Считаю: я теперь открою свое дело - раз. Ты можешь снарядить еще одну экспедицию и спокойно, в достатке заниматься наукой - два! Разве этого мало? Разве от этого стоит отказываться? А то, что Никитич вдруг догадается - сам виноват. Почему не пошел с нами? Мы же его звали.

- Верно говоришь, но все равно как-то нехорошо получается... Может, поделиться с ним?

- Да ты что?! - изумился Георгий. - Мы ему, как проводнику, платим? Платим. А это, извини, совсем другое дело. И потом, тогда надо будет поделиться и с этими двумя, - кивнул на рабочих из Бийска.

Выход нашел Очир. Едва встали на привал, он подошел к Фролу и Георгию.

- Фрол, знаешь, я свою долю золота отдам Михаилу.

Фрол с Георгием удивленно вскинули брови.

- Чего это ради, Очир? - принялся его отговаривать Георгий, - тут твои овечки, подарки детям, жене купишь.

- Нет, нет, - замотал головой Очир. - Мне нельзя брать домой это.

- Почему?

- Как только князь узнает, что я уже не бедный, он сразу у меня отберет все и посадит в тюрьму. Будет спрашивать: где я взял золото? Нельзя мне разбогатеть. Да и золото мне негде продать. Отдам я свою долю Михаилу.

- Но это же будет несправедливо! - возмутился Фрол.

- По-другому нельзя. Если меня посадят в тюрьму и отберут все: верблюдов, овец, юрту, то где моя семья будет жить и как? Да и юрта у меня хорошая, и все есть.

- А если бы мы тебе все купили, князь тоже у тебя это отобрал бы?

- Нет. Это мне подарили бы вы, а не я купил сам.

- Вот и замечательно, - обрадовался Георгий. - Теперь ты можешь отдавать свою долю Михаилу Никитовичу. А мы после возвращения из Тохто-Хото отблагодарим тебя у всего города на виду. Пусть все знают, что это тебе друзья помогли. Идет?

- Идет, - широко улыбнулся Очир.

Надо было видеть лицо Михаила Никитовича, когда ему раскрыли тайну, да еще и предложили принять в дар часть добычи. Правда, сначала, для пущего куража, он разыграл жутко обиженного, и не сразу, и, якобы, с большой неохотой согласился принять мешок с рудой от Очира.

- Да на кой ляд мне эти булыганы сдались?! - нарочито сердито отмахнулся он от мешка, прекрасно понимая, что Очир не отстанет от него. - В камнях я все одно не разбираюсь, для меня они все булыганы. А мостить улицы в Бийске, так я камней и там из Би натаскаю. Премного благодарен, но нет, не надобно.

С трудом Очиру удалось уговорить товарища принять от него мешок с золотиносным кварцем. И хотя Михаил Никитович теперь знал, что в мешке не булыганы, и как бы хорошо не владел своими эмоциями, а возглас удивления, при виде содержимого, у него все-таки вырвался.

Очир разулыбался как ребенок и все почувствовали себя намного легче.

Во время следующего перехода Очир подъехал к Фролу.

- На нашем пути, в сторону маленько, будет еще одно интересное место, пойдем посмотреть?

- А что там? - заинтересовался Фрол.

- Там священный камень лежит - Кумыс-Тюя. Говорят - с неба упал. Мы, монголы, поклоняемся ему, для нас он священный. И китайцы тоже к нему ходят.

- Ну, не метеорит же? - спросил Фрол.

- Не знаю, про что говоришь, но этот камень точно с неба.

- Слышал, Георгий Иванович? - обернулся Фрол к идущему позади товарищу.

- Слышал, слышал.

- Свернем, посмотрим?

- Почему бы и нет? Надо только Никитича уговорить. А, кстати, далеко это?

- Нет, нет. Всего один переход в сторону. Вам понравится, - и уж чтоб совсем заручиться согласием, добавил: - Кумыс-Тюя для ученой работы пригодится.

Фрол улыбнулся.

Михаил Никитович для порядку малость поворчал, мол, опять время потратим. Но согласился. Больше он, видимо, решил не препятствовать отклонению от маршрута, дабы не остаться в стороне от важного, как в случае с рудником.

- Очир, а что в переводе на русский означает Кумыс-Тюя?

- Это значит Серебряный верблюд.

- Однако! - удивился Георгий. - А он что, действительно серебряный или это так, образно сказано?

- Похоже - серебряный.

Анисим Мануйлович завидев, что его товарищи что-то вновь затевают, подъехал ближе к ним и стал жадно вслушиваться в разговор.

Со спуска на южном горизонте уже виднелась снеговая цепь Тянь-Шаня. Картина, для неискушенного взгляда Фрола, казалась очаровательно захватывающей. Остановившись, он некоторое время молча любовался, потом спросил Очира:

- А вот эта, - указал на освещенную лучами заходящего солнца высокую конусообразную вершину, - какое имя имеет она?

- Это гора Богдо-Улы.

- Красиво...

Встали у подножья Кутус-Алтая, около источника Кайче. Разожгли костер, отужинали и решив, кому дежурить первую половину ночи, а кому вторую, взялись устраиваться на ночлег. Фролу выпало бодрствовать вторую половину и он, уютившись поудобней, стал слушать рассказ Очира о Сабдыках - духах земли. Очир, как рассказчик, был ему интересен - он сопровождал любое свое повествование мимикой и жестами. Старался изобразить каждого героя, и это у него получалось забавно. Но, несмотря на все это, Фрол незаметно заснул...

Большое озеро, спокойное. Низко, низко над водной гладью плывут облака. Белые и пушистые. Фрол вроде бы стоит на воде и ничуть не удивляется этому. Вдруг из облаков появляется Янколь в белой тарлатановой накидке.

«Где же конь?» - подумал Фрол.

- Он остался в горах, - ответила Янколь, при этом губы ее не разомкнулись. И Фрола вновь не удивило, что она поняла его вопрос.

Вот они двигаются по степи. В лицо дует теплый, обволакивающий покоем ветерок. Янколь держит его за руку. Фролу приятно. Рука Янколь небольшая, теплая, нежная.

- Куда мы идем? - интересуется Фрол.

- Я отведу тебя к Цаган-Эбугуну.

- Кто он?

- Он хан Сабдыков.

- Ты разве его знаешь?

- Знаю.

- Как? Ты же алтайка, а он монгол.

- Мы все друг друга знаем.

- А зачем ты меня к нему ведешь?

- Тебе нужна защита, а мне пора домой возвращаться.

- От кого или от чего мне нужна защита?

Но Янколь рядом уже нет, а стоит перед ним огромного роста, с широкой грудью, с длинными волосами и длинной бородой старик. Волосы, борода, усы и даже брови его с серебряным отливом.

- Ты можешь меня потрогать, - гулко, как в пещере, произнес старик, - только не бери с меня ничего, не рви моего тела...

«Зачем мне тебя рвать?» - подумал Фрол.

С неба, прямо под ноги старику, упал широкий луч...

Фрол проснулся от толчка в бок.

- Ну, дружок, ты и разоспался! - прошептал Георгий. - Я уж было намерился толкнуть тебя от души в бок, да ты сам проснулся. Двигай к костру, а я прилягу.

В путь тронулись с первым проблеском зари. Настроение у всех было хорошее. Оживленно переговаривались между собой, шутили, посмеивались.

Фрол, вспомнив сон, подъехал к Очиру.

- Скажи, кто такой Цаган-Ибугун?

- Говори: Цаган-Эбугун, - поправил Очир. - А я вечером думал ты спишь, а ты слушал меня с закрытыми глазами.

- Не долго.

- Почему не долго? Про Цаган-Эбугун я рассказал в самую последнюю очередь. Потом спать пошел.

«Наверное, действительно сквозь сон слышал, - решил Фрол, - вот он мне и приснился. А Янколь почему приснилась?»

Часа через четыре, на равнине, завиднелось небольшое строение.

- Вот это и есть Кумыс-Тюя, - пояснил Очир. - Сюда многие приходят.

- Зачем?

- Он лечит.

- Как?

- Голова болит - клади голову на камень и боль уйдет. Ноги болят - садись на камень и сиди, боль тоже уйдет. Все лечит.

Анисим Мануйлович усмехнулся.

- Чудеса да и только.

- А это мы сейчас проверим, - нашелся Георгий, - у меня есть больное место. Сколь времени-то надо просидеть, чтоб боль ушла?

- Не знаю, - пожал плечами Очир. - Думаю, сам поймешь.

- Логично.

Камень был не под открытым небом, а в деревянной постройке с конической крышей и отверстием чуть больше квадратного аршина.

- Для чего же его упрятали в сруб? - поинтересовался Фрол.

- Не знаю. Наверное, князь приказал, - предположил Очир.

Кумыс-Тюя имел больше сажени в длину, чуть меньше в ширину, крутые бока и поднимался над землей на десять-одиннадцать четвертей.

- Солидный валун, - протянул Георгий.

Затем он пролез в отверстие сруба и взгромоздился на камень.

- Посмотрим, какой он волшебный.

Анисим Мануйлович и Михаил Никитович продолжали внимательно рассматривать Кумыс-Тюя, особенно выступы с серебристо-белым отблеском.

- Неужто из чистого серебра? - с надеждой в голосе произнес Анисим Мануйлович.

- Возможно, возможно, - отозвался Михаил Никитович.

Около камня Фрол вдруг вспомнил сон: «Надо же какое совпадение: степь такая же, старик с волосами цвета серебра... Мистика, а может это и есть тот старик из сна, к которому меня вела Янколь?» - и вспомнив, что Очир так и не сказал ему, кто такой Цаган-Эбугун, вновь спросил его об этом.

- Да, да, забыл, забыл, - закивал Очир. - Цаган-Эбугун - хозяин гор, степей, лесов, пустынь, жилищ, всего, что есть на земле.

- А Цаган-Эбугун по-русски, как будет?

- По-вашему - Белый Старик.

- Белый Старик?! - вскрикнул Фрол.

- Да.

«Значит, точно он, - решил Фрол. - К нему меня вела ночью Янколь!»

Анисим Мануйлович, вооружившись зубилом и молотком, хотел было попробовать отколоть кусок от камня.

- Анисим Мануйлович, Бога ради, не делайте этого! - заметив его намерения, прокричал в испуге Фрол.

- Нет, нет, нельзя! - замахал руками и Очир, - нельзя!

- Это почему же? - сердито пробурчал Анисим Мануйлович.

- Нельзя, плохо будет, - зачастил Очир.

Анисим Мануйлович усмехнулся.

- Да ну вас, с вашими сказками. Я отколю-то чуток, - и ударил по зубилу.

Цок - зубило отскочило, не оставив на камне и следа.

Очир попятился. По выражению его лица было легко догадаться, что он охвачен страхом.

- Оставьте, Анисим Мануйлович, - раздраженно попросил Фрол.

Но тот и не подумал. Удар следовал за ударом, но безрезультатно. В очередной раз Анисим Мануйлович вложил в замахи всю силу и тут же дико вскрикнул: молоток соскользнул с головки зубила и крепко ударил его по руке.

Глава 9

Потом шли сначала через пустыню Ламын-Крюм-Гоби, усыпанную черным щебнем, затем по ущелью в низких горах Наймейчу.

Около колодца, больше похожего на яму, потому как был не очень глубоким, решили заночевать, чтоб дать отдохнуть верблюдам.

- Почему? - поинтересовался Георгий у Очира.

- Дальше, верст шестьдесят, воды не будет совсем.

- Понятно.

Георгий, желая утолить жажду свежей водой, зачерпнул из колодца и, еще не поднеся котелок с водой ко рту, сморщился.

- Фу, какая гадость!

- Гадость? - улыбнулся Очир. - Нет, хорошая вода.

- Да ты понюхай! - Георгий подал котелок Очиру.

Тот взял и сделал несколько глотков.

- Вода и есть вода, - утер губы рукавом. - Ну, маленько с запахом. Земля тут такая.

- Ничего себе - маленько, - усмехнулся Георгий. - Нет уж, я пить не буду, увольте.

- Тебя никто не просит, - почти обиделся Очир.

Следующие два дня шли спокойно, без каких-либо примечательных событий. Убывающая луна светила довольно ярко и придавала окружающему миру таинственность и сказочность, отчего и на душе становилось по-детски радостно.

Днем, когда останавливались на отдых, Фрол большую часть проводил за дневником. В Бийске, готовясь к экспедиции, он купил толстую тетрадь. Рассчитывал, что ее хватит на все записи. Теперь же, когда еще не дошли до Тохто-Хото, а две трети тетради уже исписаны, сокрушался, что не взял две.

- Очир, здесь мы где-нибудь можем купить такое же? - показал проводнику свой дневник.

- Наверно только в Гучене или в Баркуле, - подумав, предположил Очир. - И только у русских купцов. У китайцев редко бывает такой товар... хотя кто его знает. Посмотрим.

Очередной переход пролегал через котловину Бортень-Гоби и вдоль гор Поташань. Солнце к этому часу поднялось над горизонтом, и слои разноцветной глины по краям обрывов были видны отчетливо.

- Надо же! - удивился Фрол. - Какую красоту создала природа! Оцените, Георгий Иванович.

- Красиво, - согласился тот.

В одном месте между слоями глины заметили толстый пласт черного земляного угля. Решили набрать впрок, чтоб на привалах не собирать дрова.

На шестой день пути пришли к городу Баркуль. Очир сказал, что останавливаться с караваном в китайском городе будет накладно, потом отправились к небольшому селению, что в трех верстах от Баркуля. Здесь была возможность выгнать верблюдов в степь, сэкономив на корме.

Хозяин двора оказался расторопным и разговорчивым. И хотя по-русски знал только отдельные слова, но то и дело обращался к кому-нибудь из членов экспедиции. Очир едва успевал переводить.

Для нанятых в Бийске работников и Михаила Никитовича хозяин выделил дальнюю фанзу, а для Фрола, Георгия и Анисима Мануйловича - поближе к своей. Очир с сыновьями согласился переночевать в фанзе, приспособленной под хозяйское хранилище.

Устроив постояльцев, хозяин исчез на четверть часа, а вернувшись, принялся обхаживать их как-то неестественно любезно и чересчур суетливо.

Заметив это, Очир, улучив момент, когда хозяин вышел, сказал Фролу:

- Думаю, донес про нас властям.

- Почему ты так решил?

- В своей фанзе уборку начал, значит ждет или амбаня или другого высокого гостя.

- И что нам теперь делать?

- Вам надо документы приготовить и придумать, что говорить. Про раскопки нельзя. Он тогда заставит вас привезти и показать ему все, что вы выкопаете в Тохто-Хото. И потом он может забрать себе все, что захочет. Такой у нас закон...

- Ничего себе! - возмутился Георгий.

- Будем копать тихо. Обратно отправимся старой дорогой, там почти никто не ходит... - сказал Очир. Потом вдруг испуганно вскрикнул. - Забыл, совсем забыл!

- О чем? - насторожились Фрол с Георгием.

- Если амбань придет, то будет смотреть все тюки, мешки и найдет золотосодержащую руду. Нас всех заберут в тюрьму. Надо скорее спрятать золото! Но тихо, чтоб хозяин двора не видел.

Очир пошел отвлекать хозяина, а Фрол с Георгием - прятать мешки с рудой. Дело это оказалось не из легких: не в лесу же они и не в горах, а в пустыне.

Догадки Очира сбылись - после обеда во двор вошла свита амбаня. Во главе - два верховых солдата, следом за ними вплыли парадные носилки в виде небольшого нарядного домика. И шествие завершали верховые солдаты, за которыми виделась толпа любопытных жителей селения.

Хозяин двора поспешил навстречу высокому гостю. Выйдя на середину двора, носильщики остановились и аккуратно опустили домик. Из него чинно вылез амбань - дородный китаец средних лет в ярко расшитом халате и курме с вышитым на ней фантастическим тигром. Голова его была покрыта черной шляпой с шаром лазурного цвета. Позже Очир пояснил, что эта шляпа с шаром означала его ранг - начальника города.

Хозяин двора преломился в почтительном поклоне. Амбань, глянув на него мельком, прошествовал в жилище.

Потому как для амбаня было приготовлено кресло, в которое он уселся похозяйски, Фрол с Георгием догадались, что прав был Очир, говоря о доносе.

Усевшись в кресло и выдержав паузу, амбань что-то приказал хозяину двора и тот, подскочив к двери, стал зазывать руками членов экспедиции.

- Пойдемте, - сказал Очир, - вас зовут.

Войдя в фанзу, Очир поклонился амбаню. Его примеру последовали Михаил Никитович и остальные члены экспедиции.

Перво-наперво амбань потребовал паспорта. Очир перевел и Михаил Никитович подал ему все паспорта. Амбань долго разглядывал их, потом подал обратно и поинтересовался о цели приезда русских гостей.

Ответил Георгий. Не моргнув глазом, он сочинил, что цель их экспедиции - это изучение растительного и животного мира, почвы, погодных условий, рек и озер страны.

Выслушав тарабарщину Георгия в переводе Очира, амбань продолжил допрос:

- Разве вы не собираетесь торговать?

- Нет, - ни секунды на раздумывая, отрезал Георгий.

Амбань помедлив, что-то пробормотал стоявшему рядом сопровождающему и тот поспешно вышел. Через несколько минут он вернулся и, наклонившись к уху амбана, что-то нашептал ему.

Амбань глянул на Георгия и спросил:

- Если вы не собираетесь торговать, тогда зачем привезли с собой товар?

Георгий замешкался.

- Товар этот, - с легким полупоклоном заговорил Михаил Никитович, - мы взяли, так сказать, на всякий случай. Если, скажем, деньги кончатся, то мы сбудем его или обменяем на еду или корм верблюдам... одним словом на всякий случай. Да и товару-то у нас, посыльный ваш сам изволил видеть, так... пустяк.

Очир перевел.

Амбань повелел принести товар.

Михаил Никитович и человек из свиты амбана сходили, принесли. Человек развязал баулы и по одной скрутке стал подносить своему хозяину. Тот тщательно ощупывал и осматривал каждую скрутку, спрашивал сколько аршин и какую цену русские хотят за свой товар. И всякий раз, услышав цену, морщился и говорил, что товар неважный, а цена слишком высокая. Георгий намерился было возмутиться, но Михаил Никитович толкнул его легонько в бок - помалкивай, мол.

Осмотрев весь товар, амбань дал знак оставить его тут же, не убирать назад в баулы. Недолго, видно для важности, помолчал, делая вид, что размышляет.

- За такую цену вы свой товар ни в Баркуле, ни в другом городе не продадите. Но я, так и быть, помогу вам, - тон амбана был снисходительным. - Я возьму у вас товар весь, за хорошую цену.

- Это за сколько? - не выдержав, испуганно спросил Георгий, опасаясь открытого грабежа.

Очир перевел.

Амбаню вопрос не понравился - он поморщился, но приказал своему человеку посчитать. Тот пошевелил губами, позагибал пальцы и выдал - двести сорок китайских лан.

От такой цены у Михаила Никитовича аж брови взлетели.

- Туды ж твою!.. дак это ж... - непроизвольно вырвалось у него, - нет, нет, это не переводы, - поспешно попросил Очира.

По восклицанию Михаила Никитовича Георгий догадался, что их грабят среди бела дня. И натура его взбунтовалась, но холодный разум не позволил чувствам выплеснуться наружу.

Опустив взгляд, он стал повторять: «Спокойно, Иваныч, спокойно, ничего страшного, у тебя уже есть хороший задел золотоносного кварца, и в Тохто-Хото еще наберешь чего-нибудь. Спокойно, спокойно...».

И помогло.

После короткой паузы амбань встал и заявил:

- Товар я забираю с собой, а деньги пришлю завтра утром.

- Вот ведь вражина! - сквозь зубы процедил Георгий, когда свита амбана покинула постоялый двор. - Мало того, что ограбил самым бессовестным образом, так еще и все планы порушил.

В ночь экспедиция планировала выйти в путь, но теперь, в ожидании денег, придется отложить это до завтра.

- А что, Михаил Никитович, намного нас обобрал этот потомок циньской династии? - рассерженно полюбопытствовал Георгий.

Михаил Никитович нахмурился:

- Не меньше чем на четыре радужных отщипнул, косоглазый.

- На четыреста рублей! - почти враз вскрикнули Анисим Мануйлович и Георгий.

- Ну да... на четыреста... и ведь ничего не поделаешь.

- Двести сорок лан, на наш рубль это будет около пятисот рублей? - спросил Фрол.

- Четыреста восемьдесят, - уточнил Михаил Никитович.

- Сколько мы сможем на эти деньги нанять здесь работников и на какой срок?

- Можем четверых, а можем и восьмерых, на месяц. Дело-то ведь не только в этом. Нам же еще назад надо, домой, а вот на какие шиши? Я как мыслил: нанимать не за деньги, а за товар. За часть товара. А остальной оставить на обратный путь. Продали б и приспокойненько, в сытости и при полном достатке - до самой родины. Так сказать, без горя и забот. А теперь вот как? Черт косоглазый, все карты попутал... это хозяин донес, чтоб выслужиться... змей подколодный.

- Не беда, - успокоил Георгий.

- А мне сдается, - мрачно произнес Анисим Мануйлович, - что мы вообще денег не дождемся.

Все вопросительно посмотрели на него.

- Чует мое сердце, не придет он нам ни копейки.

Отчасти Анисим Мануйлович оказался прав. Амбань прислал обещанное, но только не серебром, а бумажками. Во многих городах крупные торговые фирмы и банки выпускали свои деньги, которые были в ходу только в данном городе и близлежащих поселениях. Довольно часто среди них попадались фальшивые. Очир и Михаил Никитович об этом знали. И получив расчет от амбаня не серебром, а бумажками, они очень огорчились.

Глава 10

С постоянного двора снялись ближе к вечеру. Дорога казалась ровной. Справа виднелся покрытый свежим снегом гребень Тянь-Шаня, слева - равнина вплоть до гор Мэчин-Ула.

Настроение было не ахти какое. Главное, что волновало - это мешки с золотоносным кварцем. Их нужно было срочно где-то прятать, в противном случае можно в одночасье угодить в тюрьму. Можно, конечно, зарыть мешки под приметным камнем, но Фролу и остальным, кто был здесь впервой, все камни казались одинаковыми, и они боялись, что на обратном пути не смогут найти и опознать место. Нужно что-то приметней: селение или пещеру.

На первый большой отдых остановились у развалин селения Хайсу, на берегу речушки с одноименным названием. Речушка проходила селение и примерно в версте от дороги заканчивалась болотом и солончаками.

- Прекрасное место, приметное, - оглядев местность, решил Георгий. - Предлагаю здесь оставить наш груз.

С ним согласились.

На пятый день пути от Хайсу, миновав перевал, озеро Туркуль, большую бесплодную степь, мелкие горы хребта Мэчин-Ула, Тугурюк, вышли к се-

лению Бай - последнему селению на пути к Тохто-Хото. Впереди - совершенно безлюдная Гоби, бедная водой и растительностью. Со слов Очира в Гоби кое-где встречаются низкие гряды и группы холмов. А на протяжении Карлыг-Тага идут скалистые кряжи гор, но не сплошной цепью, а прерывисто. Около них встречаются небольшие оазисы, где можно останавливаться на отдых.

В Бае Очир встретил знакомого монгола и долго с ним о чем-то разговаривал, расставшись подошел к Фролу с Георгием.

- Дальше путь будет не безопасным, - предупредил он. - Знакомый сказал, что на этой дороге, и по всей округе, хозяйничает шайка разбойников, которая грабит и китайских купцов. А главным в шайке - беглый лама. Местные его называют Хазгар-лама. Говорят, монголов он не обижает, а китайцам достается. Но совсем не грабит, а забирает только часть товара и деньги... Деньги забирает все, сколько найдет.

- А людей убивает?

- Если не сопротивляются, то не убивает. Ездят они на хороших скакунах - одnogорбых верблюдах, от которых и добрый конь не убежит.

- Интересно, - не испугался почему-то Георгий, - лама - разбойник! Как это тебе, Фрол Силыч?

- Не скрою, интересно. Глянуть бы на него.

- Что ты, что ты! - замахал руками Очир. - Вдруг ему понравятся наши верблюды, что тогда делать?

- Ты же говоришь, что он монголов не обижает.

- Ну... кто его знает...

- А если другой дорогой пойти? - предложил Михаил Никитович.

- Можно и другой, - согласился Очир, но в его голосе просквозила неуверенность. - Но... кто знает, на какой дороге он нас встретит? И переходов будет много больше - на четыре или шесть...

- А в днях? - попросил уточнить Анисим Мануйлович.

- Четыре, пять...

- О, нет, нет, - в голос запротестовали Фрол с Георгием. - Никаких других дорог. Идем прямо.

Вышли в сумерки. Первый переход был относительно легким. Дорога шла прямо на восток. А вот второй переход в пятьдесят верст оказался трудным. Пришлось делать короткий, двухчасовой привал. Впервые в жизни и Фрол, и все его товарищи по экспедиции шли по ночной пустыне и были поражены ее виду: яркая луна, черная Гоби разрезанная несколькими светлыми лентами тропинок.

На рассвете предстала иная Гоби: от горизонта впереди и до горизонта позади - равнина, густо усыпанная мелким черным щебнем. С юга, вдали, плоские и такие же черные холмы. На севере, далеко-далеко, виднелись снеговые гребни Алтая. Впереди, если идти на солнце, пустыня выглядела мрачной. Но стоило оглянуться назад, как она преобразалась, отражая солнечные лучи гладкими зеркальцами щебня.

Часам к десяти утра экспедиция оказалась перед плоскими холмами и, пройдя еще около версты, встала в небольшой долине с лужайкой, редкими кустарниками вокруг маленького источника. Трудный переход был окончен.

Отдых прошел как обычно - покойно. Фрол занимался дневником и расспросами Очира. Михаил Никитович, справив хозяйственные дела, втянул Анисима Мануйловича в разговор на житейские темы, а Георгий облапошивал в карты мужиков. Сыновья Очира отоспавшись занимались верблюдами.

В путь тронулись, как и в предыдущие разы, с наступлением сумерек.

Разговоры о ламе-разбойнике как-то забылись, а потому встреча с его шайкой оказалась совершенно неожиданной. Караван проходил между двумя грядками, когда из темноты внезапно появилось несколько всадников. Трое подъехали с головы каравана, двое сзади. Один из подъехавших спереди что-то спросил по-монгольски. Очир ответил.

- Тоже мне, грабители, - зло прошипел Анисим Мануйлович. - Мне бы сейчас «шведа» калибра семь и пять, я бы их как куропаток перещелкал.

- Полно вам геройствовать, - шепотом урезонил его Фрол. - Если бы эти люди были простаками, их давно бы переловили и не держали бы они в страхе целый округ.

В ответ Анисим Мануйлович только ухмыльнулся.

После недолгих переговоров с разбойником, Очир повернулся к Михаилу Никитовичу.

- Надо ехать с ними.

- Да я уж понял, - обреченно произнес тот.

- Куда? - встревожился Фрол.

- Они не скажут. И отказать, поверьте мне, будет себе дороже...

- Очир, - позвал проводника Георгий, - ты же говорил, что они грабят только китайцев, а мы-то русские.

- Мало ли что он мог наговорить с чужих слов, - вступился за приятеля Михаил Никитович. - Вчера грабили китайцев, а нынче - всякого прохожего на купца похожего. На безрыбье-то, как известно, и рак рыба.

Один из разбойников стал подъезжать к членам экспедиции и завязывать глаза широкими полосками ткани.

- Ну, это-то уж совсем ни к чему, - возмутился Георгий. - И без того тьма, хоть глаз коли.

- Не противься, Георгий Иванович, - попросил Михаил Никитович, - а не то наскребешь на свой хребет.

Ехали молча. Вначале, около часа - прямо, потом свернули, дорога стала подниматься. Шли еще около двух часов, несколько раз поворачивали то вправо, то влево. Затем караван встал. Один из разбойников что-то крикнул, послышался скрип, как будто что-то отворили, и караван снова пошел. Через пару минут пленникам сняли повязки, приказали спешиться и отвели не то в пещеру, не то в фанзу, из-за темноты не определить.

Внутри было темно, но сухо. Следом вошел человек с факелом. Осмотрев пленников, передал факел Очиру и вышел. Воткнув факел между камнями, Очир подсел к Михаилу Никитовичу.

- А ты говорил им, что мы не торговый караван, что нету у нас товара? - спросил Очира Георгий.

- Сказал.

- Тогда для чего же они нас сюда привели?

Очир пожал плечами.

- Вот тебе, Фрол Силыч, и материалец для приключенческого романа, - усмехнувшись проговорил Георгий. - То амбань ограбил, теперь вот, разбойники в свое логово затащили неизвестно для чего. Как вы думаете, Анисим Мануйлович, для чего они нас сюда привели?

- Во всяком случае - не на блины со сметаной, - пробурчал тот.

- Хорошо хоть руду припрятали, - прошептал Михаил Никитович.

Анисим Мануйлович прокрался к входу, выглянул.

- Охрану-то не выставили, - сообщил тихо. - Может нам сбежать?

- Вы в своем уме? - возмутился Георгий. - Мы за ворота не успеем выйти, как нас опять схватят. Да и куда бежать в пустыне? На верную погибель?

- Послушать вас, дак... - Анисим Мануйлович озлился и хотел, видимо, вступить с Георгием в спор, но в эту минуту появился один из разбойников.

- Надо идти к ламе, - перевел Очир.

Несколько секунд в фанзе был слышен только треск горящего факела. Люди, казалось, даже дыхание затаили, словно их пригласили на казнь.

- Кому идти-то? - с тревогой в голосе спросил Анисим Мануйлович.

- Хозяевам каравана.

Наемные работники облегченно вздохнули.

Фанза Хазгар-ламы показалась пленникам мрачной. Из освещения - только одна сальная свеча. На широком канне, покрытом прекрасным богатым хотонским ковром, добытым, видимо, у китайских купцов, возле столика сидел, как догадались вошедшие, Хазгар-лама. Внешностью он не был похож ни на монгола, ни на китайца: высокий лоб, европейские скулы обрамляла большая и густая черная борода. Почти прямой разрез глаз и прямой, с легкой горбинкой нос. Но лицо - смуглое.

Лама медленно и внимательно всех осмотрел. Потом кивнул, приглашая сесть на доску, лежащую на камнях у кана.

- Кто вы такие, - начал он расспрашивать, когда пленники расселись, - откуда и куда вы идете, и зачем.

Отвечал Георгий. Он повторил ту же легенду, какую рассказал баркульскому амбаню. Слушая, лама пристально смотрел в глаза собеседнику. Затем приказал увести Георгия и Анисима Мануйловича.

Фролу стало не по себе.

«Чувствует, что ему лгут», - подумал он, и решил говорить правду. И лама спросил его, как только Георгия и Анисима Мануйловича увели.

- Ты человек благородный, издалека, на твоём лице печать чести. Почему твой друг обманул?

- Потому, что это экспедиция собрана по моему решению, - не без волнения стал отвечать Фрол, с трудом удерживаясь, чтоб не отвести взгляд в сторону, - и только я знаю настоящую цель. А он всего лишь помощник, как бы - ученик...

Выслушав перевод, лама покивал.

- Это хорошо, что ты не предаешь друга. Так зачем вы идете и куда?

Фрол рассказал правду.

Михаила Никитовича даже пот прошиб.

- Я так и думал, - проговорил лама. - Вы хотите нажиться на сокровищах старого города.

- Нет, - отвел подозрение Фрол и рассказал о завещании профессора Старосветского.

Если до этого лицо Хазгар-ламы оставалось спокойным, а взгляд суровым, то теперь на нем отразилось любопытство.

- Значит, ты выполняешь волю своего духовного учителя?

- Выходит так, - согласился Фрол.

- Но рядом с тобой слабые, пустые люди. Как ты будешь вывозить то, что найдешь в Тохто-Хото? Амбани у тебя все заберут.

Фрол пожал плечами и посмотрел на Михаила Никитовича и Очира.

- Думаю, что-нибудь придумаем.

- Много уже ходило экспедиций в Тохто-Хото, - сказал лама, - но все они нашли там мало сокровищ. Вы, наверное, найдете еще меньше.

- Что найдем, то найдем.

- Ты, больше похож на благородного человека, - помолчав заговорил лама. - Еще я вижу - покровитель у тебя сильный, но не белый...

Фрол сразу вспомнил Янколь.

Лама поднялся, произнося:

- Сегодня переночуете у меня, а завтра днем решим, что делать, - и добавил: - Не бойтесь, я не разбойник и плохого вам не сделаю. Вы у меня не пленники, а гости. Спите спокойно.

Утром лама прислал два блюда с горячим пилавом, чайник с чаем, заправленным по-монгольски молоком и солью.

Михаил Никитович порадовался:

- Может и ничего, друзьями разойдемся?

- Думаю, что человек он хороший, - согласился Фрол.

- Хорошие люди ночами на дорогах не промышляют, - сердито отозвался Анисим Мануйлович.

- Как знать, как знать, - усомнился Георгий, подсаживаясь к блюду и вдыхая аромат пилава. - Есть люди, которые не шастают по большим дорогам, но они гораздо опасней тех, которые шастают.

После завтрака все вышли во двор, со всех сторон окруженный высокими стенами. Одну сторону его занимали фанзы, вдоль другой был сооружен навес, под которым лежали тюки экспедиции. Около третьей стены стояла отдельная фанза, видимо, самого лама. Рядом с ней протекал ручеек. Вдоль четвертой стены, где были прочные ворота - уложены в кучи снопы чия, полыни, колючки. Там же - стволы саксаула и земляной уголь.

- Хозяйственные люди, - подметил Михаил Никитович.

Появился лама. Подойдя к гостям, он справился, как спалось, хорошо ли покормили, и только после этого сказал, что хочет поговорить с Фролом еще раз.

Позвав с собой Очира в качестве переводчика, лама повел Фрола за ворота, за которыми была довольно длинная долина между голыми грядами скал, колючками, кустиками полыни, редкими пучками чия. На самой высокой вершине южной гряды, невдалеке, Фрол заметил двух человек.

- Кто это?

- Мой караул. С вершины вся местность просматривается, так и китайские караваны мы замечаем. Потом идем за ними, а ночью останавливаем.

- А нас вы тоже днем высмотрели?

- О вашем караване я узнал за два дня. У меня есть свои люди почти во всех городах и селениях округа. И мне захотелось встретиться и поговорить с русскими купцами. - Потом лама, глядя Фролу в глаза, твердо сказал: - Я отправлю с тобой в Тохто-Хото своего человека. Он будет охранять твой караван от нежелательных встреч. И поведет тебя безопасными дорогами обратно. Но за это ты отдашь мне пятую часть золота и серебра, которые ты обязательно найдешь в Тохто-Хото.

- Зачем вам золото и серебро? На оружие? - не сразу решился спросить Фрол.

- Нет, - тоже не сразу ответил лама. - Мне надо, чтобы выкупить у богдыхана своих сестер и братьев. Их ему продал амбань за то, что зимой, из-за гололедицы в его табуне умерло много лошадей. А табун пас мой брат. Чтобы возместить убытки, амбань и продал всех моих сестер и братьев.

Вернулись в крепость, и ближе к вечеру, в сопровождении одного из помощников лама, экспедиция продолжила путь к Тохто-Хото.

Глава 11

Дорогу осилили за восемь дней, ожидая еще какого-нибудь непредвиденного случая. Но ничего неожиданного и знаменательного не произошло. Запомнилось только одно - сильная буря. Началась она на рассвете легким ветерком. К ночи ветер усилился, стал налетать порывами, приносящими тучи пыли и мелкого песка. И если порыв попадал в лицо, то сек его больно. Но страшной песча был мелкий щебень Гоби. Он при порывах приходил в движение, перекачивался, подпрыгивал и даже взлетал невысоко в воздух. Спасало то, что бил ветер в спину, по ходу каравана.

На рассвете девятого дня, Очир, выставив руку вперед, торжественно сказал:

- Вон стены Тохто-Хото!

И все разом увидели стены и несколько полуразрушенных башен. Так же сильно были разрушены и высокие субурганы*.

- Ну, вот, - с трудом сдерживая охватившее волнение, произнес Фрол, - мы и у цели. Слава Богу!

Волнение, конечно, охватило всех, но они сдерживали его.

Анисим Мануйлович украдкой ощупал мешочек Чомора и подумал: «Вот и настанет скоро твой час действовать».

В город экспедиция вошла через северную стену, кое-где засыпанную песком до самого гребня. Это облегчило подъем на нее и спуск.

Место для стоянки выбрали почти в центре городища, на ровной, как бы специально приготовленной площадке.

Несмотря на усталость, члены экспедиции сразу принялись за дело. Михаил Никитович взялся руководить разбивкой стана, а Фрол, Георгий и Анисим Мануйлович отправились сравнивать составленный профессором Старосветским план города с реальным.

Выбрав самую подходящую точку - субурган, троица взобралась на него и осмотрела место предстоящих раскопок.

- Мать честная! - протянул Анисим Мануйлович, почесывая затылок. - Да тут и за три года не перелопатить. Руки отвалятся.

- Вы паникер, Анисим Мануйлович, - спокойно, не глядя на собеседника, произнес Георгий.

- Я попросил бы вас, Георгий Иванович, - гневно глянув на него, проговорил Анисим Мануйлович, - впредь не оскорблять меня, а то неровен час я не сдержусь.

- Разве я вас оскорбил? - удивленно вскинул брови Георгий.

- Господа, - оборвал спор Фрол, - хватит вам ссориться, давайте не будем терять время, а займемся делом.

Сверка плана-карты Старосветского с фактическим городищем заняла искателей до полудня. Все сошлось. И это вселило уверенность в успех дела. Но следы раскопок, произведенных профессором, были едва заметны и то не во всех точках. Ветер и песок сделали свое дело.

Город впечатлял своими размерами. Но заниматься раскопками предстояло не по всей территории, а только во внутренней его части, где проживала знать. Эта часть была обнесена стенами от трех до четырех сажен высотой и по одному, одному с половиной аршину толщиной сверху. У основания стёны достигали толщины по две-три сажени. Длина их с

* *Субурган* - буддийский памятник, отмечающий место какого-либо события или надгробия, состоит из пьедестала, шара и шпица.

запада на восток составляла почти двести сажен, а с севера на юг - сто восемьдесят.

Несмотря на то, что город был оставлен людьми очень давно, в нем все еще виднелись контуры улиц, вдоль которых тянулись развалины глинобитных домов. На некоторых улицах высились субурганы и остатки более высоких и крупных домов знати.

За обедом Фрол любопытствовал у Очира, не знает ли он каких легенд или историй о Тохто-Хото.

- Нет, - ответил Очир. - Это китайский город. Но попробую спросить человека Хазгар-ламы.

- Спроси.

К радости Фрола человек Хазгар-ламы сказал, что знает как погиб город Тохто-Хото. Фрол, через Очира, попросил его рассказать.

- Это было давно, - начал рассказ человек ламы. - Много, много лет назад... Городом владел богатырь Хара-цзень-цзюнь - сильный и умный. Много побед имел на своем счету. И вот он подумал, что его войско непобедимо и решил забрать престол у китайского императора. Тот узнал об этом и послал большое войско, чтобы убить богатыря. Долго сражались и хотя сильные и храбрые были воины богатыря, но число солдат императора превышало. Пришлось отступить. Войско императора обложило город, но приступом брать не посмело. Чтобы заставить богатыря выйти, решили запрудить русло реки Эдзин-Гол и отвести воду на запад. Воины богатыря стали рыть колодец в северо-западном углу города. День копали, два, неделю - нет воды. И когда осилили восемьдесят чжан, она не появилась...

- А сколько это восемьдесят чжан в аршинах? - спросил Фрол Очира, едва умолк рассказчик.

- Один чжан - это пять аршин.

- Мать честная! - воскликнул Анисим Мануйлович. - Они что же, четверста аршин прорыли?

- Невероятно! - удивился Георгий.

- И тогда, - продолжил рассказчик, - богатырь решил выйти с врагами на последнее сражение. А перед этим, на тот случай, если проиграет, спрятал все свои несметные богатства в вырытый колодец, и завалил его песком так, что и следа не осталось.

- А много у него было богатства-то? - вставил вопрос Анисим Мануйлович.

- Не меньше восьмидесяти арб.

- Ну... арб... понятно, а вот сколько это по весу-то будет. Сколько пудов в арбу входит-то? Поди, по двадцать, - предположил Анисим Мануйлович.

- Не знаю, - пожал плечами рассказчик, - но очень много. Потом богатырь умертвил двух своих жен, сына и дочь...

- А это для чего ж?! - ужаснулся Михаил Никитович.

- Он знал, что если проиграет битву, то китайские офицеры надругаются над его женами и дочерьми...

Монгол умолк. Слушатели тоже притихли.

- И чем все завершилось? Он победил? - нарушил молчание Фрол.

- Нет, - ответил монгол. - Хара-цзень-цзюнь ночью напал на китайцев, но силы были не равные. Его убили и разграбили город...

- А богатства они нашли? - нетерпеливо спросил Анисим Мануйлович.

- Не нашли... их еще никто не нашел.

- Вот как! - обрадовался Анисим Мануйлович. - Значит, у нас есть шанс, что нам повезет!

- А многие приходили сюда? - не обращая внимания на эти фантазии, продолжил расспрашивать Фрол.

- Много... До вас были за два года. Долго искали. Говорят, их змеи на смерть покусали. С тех пор в город никто не ходит.

- А что, много здесь змей? - опасливо озираясь, спросил Анисим Мануйлович.

- Столько же, как и везде, - ответил Очир.

К раскопкам приступили на следующий день, едва забрезжил рассвет. Нетерпение снедало. С трепетом в душе и приятным от волнения холодком в груди, Фрол прошел и обозначил места раскопок. На каждую точку встали по два человека. До полудня копали с большим азартом и очень коротким отдыхом. Но начало было безрезультатным - даже ни одного осколочка какой-либо посуды. Пустой труд убавил пыл. С непривычки заныли поясницы, загудели руки. Да и поднявшееся солнце стало жечь беспощадно. Раскопки решили отложить до спада жары.

- А стоит ли продолжать? - ни к кому не обращаясь, пробурчал Анисим Мануйлович.

- Это отчего же? - повернулся к нему Георгий.

- Сдается мне - пошутил над нами седовласый ученый муж...

- С чего вы это взяли?

- А с того, что перелопатили столько песку, и все зазя. Ни одному даже и полушка* не попалась.

- Полушки мы тут и не съедем, - вставил Михаил Никитович. - Тут мы можем найти только чохи** или золотые и серебряные монеты.

Фрола недоверие Анисима Мануйловича к профессору задело за живое. Приподнявшись на локте, он сердито посмотрел на него.

- Анисим Мануйлович, я прошу вас не оскорблять память о светлом человеке. Вы не знали Гавриила Николаевича, чтоб говорить о нем так.

- Помилуйте, Фрол Силыч, - изумился Анисим Мануйлович, - разве я сказал что-то плохое?

- Именно.

- Позвольте не согласиться. Я всего лишь высказал сомнение...

- Нет не позволю. Вы сказали, что профессор пошутил над нами, направив нас за тысячи верст в чужую страну, снабдив при этом картой и деньгами из личного бюджета. Так вот, я уверяю вас, что Гавриил Николаевич никогда не шутил с наукой.

- Ну хорошо, хорошо, - забормотал Анисим Мануйлович, - я приношу свои извинения, если вас мои слова оскорбили.

На второй день удача улыбнулась искателям - Очир откопал бронзового бурхана***.

- Фрол, Фрол! - радостно закричал он, подняв над головой находку. - Я откопал, смотри!

Все побросали лопаты и, сбегавшись к счастливицу, долго рассматривали бронзовую фигуру, передавая ее из рук в руки.

* Монета номиналом в ¼ копейки.

** Чох - мелкая китайская монета с квадратным отверстием в середине для называния на шнурок.

*** Бурхан - буддийские и ламаистские божества в виде фигур, сделанных из бронзы.

- Увесистый, однако, - покачивая бурхана на ладони, прикинул вес Михаил Никитович, - фунтов пять али шесть будет.

- Вот видите, Анисим Мануйлович, - восторжествовал Фрол, - а вы сомневались!

Криво усмехнувшись Анисим Мануйлович отошел в сторону.

«Если бронзовый истукан для тебя сокровища, то что же ты тогда видел в своей жизни, дворяннишко, - подумал он, недовольно глядя на ликующего Фрола. - Ну, да, радуйся, радуйся, покуда, вот с этим истуканом-то я тебя в лучшем случае и оставлю. Ни к чему тебе золото да серебро».

После первого дня скорость раскопок с непривычки снизилась. Но после Фрол и его товарищи стали работать почти наравне с нанятыми мужиками. Лишь Анисим Мануйлович лодырничал - больше создавал видимость, что старается не отставать от остальных. На самом же деле он хитрил: то останавливался на отдых, хватаясь за поясницу, то напрашивался на поездку с детьми Очира за водой. Но всякий раз Георгий или Михаил Никитович оставляли его, объясняя, что ни к чему верблюдам лишней вес. За водой ездили на реку Ихэ-Гол каждые три дня, там же нарезали тростник. Отправлялись в семь утра, с восходом солнца, и только к полудню возвращались.

Не обходилось и без курьезов. Однажды Фрол направился к навесу напиться. Остановился около Анисима Мануйловича и взгляд его зацепил в куче выброшенного грунта черепки фарфоровой и глиняной посуды, краешек металлической чаши. Потом оказалось, что это чаша - для жертвоприношений.

- Анисим Мануйлович, куда же вы смотрите-то!? - возмутился Фрол. - Такие ценности выбрасываете!

- Где, какие? - встревожился Анисим Мануйлович, но, увидев в руках Фрола фарфор и глину, удивился. - Это что - сокровища?

- Ну, а как же! Это эпоха правления Юань! Им же семьсот лет, как минимум! Анисим Мануйлович, я вас умоляю, будьте внимательны, собирайте все до осколочка.

- Да ладно, - пожал плечами Анисим Мануйлович. - Я ведь думал, что собирать следует вещи из золота, серебра, ну, из бронзы... А вот фарфор-то с глиной... как скажете.

Дальнейшие раскопки дали немало разнообразных предметов: несколько бронзовых бурханов; десятки цац - глиняных изображений божеств; китайские, тибетские, тангутские и персидские книги и рукописи; несколько дюжин черепков фарфоровой и глиняной посуды... Еще, ко всеобщему удивлению и недоумению: как такое могло сохраниться несколько веков! Были найдены шелковые и полотняные ткани с красочными изображениями буддийских божеств. А вот истинных, на взгляд Анисима Мануйловича, драгоценностей - только несколько горстей медных чоx; дюжина золотых, грубой чеканки монет; две с половиной дюжины серебряных монет и порядка четырех дюжин серебряных и медных браслетов, серег и колец.

Такие находки не только Анисима Мануйловича расстроили, но и Георгий.

«Не густо, не густо, - размышлял он, в очередной раз рассматривая древние вещи, - а если еще учесть, что из этого пять процентов заберет лама, да остатки поделятся на троих, то и на хороший вечерок в ресторане не хватит... Остается рассчитывать только на золотоносную руду из рудника. Да и там, кто знает, сколько чего наберется».

Результатами раскопок доволен был только Фрол.

На тридцать пятый день Михаил Никитович объявил, что продукты закончились, а денег хватит только на обратную дорогу. Фрол огорчился. Георгий же наоборот - обрадовался. Ему уже все тут порядком поднадоело. Хотелось вновь окунуться в привычную, бесшабашную атмосферу жизни молодого, не стесненного средствами повесы. Рестораны, шумные компании, карты, веселые девушки... Еще Георгий отметил в себе новое чувство - он соскучился по Натахе, которую оставил спешно в Москве. Захотелось увидеть ее поскорей. Раньше девушки были для него всего лишь эпизодами. И Натаха в том числе. Ну, может быть, и не как все. Ему с ней было хорошо, уютно, интересно, несмотря на то, что они из разных слоев общества. Но тем не менее. А тут, вдруг, заскучал... Уж не любовь ли это?

Анисим Мануйлович к разговору о возвращении домой отнесся двояко. С одной стороны, ему ужас как надоело ежедневно, до изнеможения, рыть эту чужую, слежавшуюся землю, с другой - улов-то не ахти какой. Да чего там не «ахти», сказать честно - мизерный. Больше руки да спину наломали. И стоило ли бросать работу и тащиться ради горсти монет за тысячи верст киселя хлебать?

- Хорошо, будем сниматься, - согласился Фрол, выслушав Михаила Никитовича. - Сегодня еще поработаем, а уж завтра в обратный путь.

Очир загрустил. Михаил Никитович, заметив это, спросил:

- Чего ты, Очир, а?

- Неохота мне с вами расставаться. С вами хорошо, интересно. Уйдете и снова будет скучно.

- Мы бы поработали, Очир, но с голодным-то животом силы не те.

- Знаю, знаю, - закивал Очир.

Вечером у костра Очир подсел к Фролу.

- Знаешь, Фрол, я вспомнил, мне рассказывал знакомый, как он несколько лет назад водил русского ученого в горы Джаир, к старым рудникам. Там, на руднике Чий-Чу, в фанзе мандарина, они нашли много кварца с золотом. Мандарин закапывал свои сокровища не где-то, а только в фанзе, в местах, которые хорошо запоминаются.

- Что это за места?

- Двери, окна. Реже в углах фанзы. Может и нам поискать в богатых фанзах, а, Фрол?

- А как мы определим, какая из них принадлежала богатому китайцу?

- Просто. Они хорошо сделаны и большие.

- Боюсь, это уже не получится, - поразмыслив, с сожалением отверг идею

Фрол. - Через три-четыре дня все продукты закончатся.

- Давай хоть в одной фанзе покопаем день, а?

- Очир, я не могу принять решение единолично, нужно посоветоваться.

- Давай! - обрадовался Очир.

После длительного совещания Михаил Никитович и Георгий согласились.

Анисим Мануйлович промолчал, но про себя решил, что ни лопату, ни калку в руки больше ни разу не возьмет. Хватит, наломался за будь здоров.

Наутро Фрол, желая сделать Очиру приятное, разрешил ему самому выбрать фанзу и указать места раскопок. Очир обрадовался по-детски и первым поспешил со стана.

Когда была выбрана фанза и определены места для раскопок, Георгий хватился Анисима Мануйловича.

- А где же наш урядник?

- Какой урядник? - удивились Фрол с Михаилом Никитовичем.

- Да Анисим Мануйлович.

- Так ведь он вроде бы участковый пристав? - недоуменно, с сомнением в голосе пробормотал Михаил Никитович.

Георгий усмехнулся.

- Замашками больше на урядника похож.

- Вы еще при нем так не скажите, Георгий Иванович, - упредил товарища Фрол. - Не миновать нам тогда крупной неприятности.

- Ай, бросьте, Фрол Силыч, - отмахнулся Георгий.

Хотели было мальчонку Очира отправить в стан, узнать, почему Анисим Мануйлович не вышел со всеми, но передумали - какой толк? Мальчонка по-русски ничего не понимал, а Анисим Мануйлович - по-монгольски. Решили не тратить зря время. Но Михаил Никитович не согласился.

- Думаю, что надо бы сходить, а ну как с ним хворь какая приключилась?

- Ничего с ним не приключилось, - успокоил Георгий. - Он еще нас с вами переживет. Об его лоб можно поросят бить.

Михаил Никитович покачал осуждающе головой, Фрол улыбнулся.

Очир, повернувшись на восток, что-то быстро и негромко побормотал по-своему.

- Чего это он? - поинтересовался Фрол у Михаила Никитовича.

- Удачи у своих богов просит.

- Что ж, она нам не помешает.

Кто-то это называет удачей, кто-то судьбой, а кто-то случайностью. Но как бы это не называли, а факт есть факт. Тридцать пять дней экспедиция добросовестно лопатила Тохто-Хото, а больших ценностей, в переводе на денежную стоимость, не нашла. А тут, в самый последний момент, когда уже не было ни надежды, ни желания копать - повезло. И кому - проводнику. Очир обрадовался неописуемо. Еще бы, ведь это он сам выбрал фанзу и указал место, где нужно копать. И клад нашелся! И какой клад - целый горшок, узкое горлышко которого заткнуто кожаной пробкой и залито воском! Припрятан он был под стеной, под оконным проемом.

- Вот это да! Фунтов двенадцать-четырнадцать будет, не меньше, - разглядывая сосуд, прикинул вес Михаил Никитович.

Очир сиял.

Находка вернула надежду и азарт. Было решено прокопать по периметру всю фанзу. И удача еще раз улыбнулась искателям - в углу, на такой же глубине, откопали еще один горшок. Так же, как и первый, он был заткнут кожаной пробкой и залит воском. А на воске хорошо виднелась печать с китайскими иероглифами.

В стан искатели возвращались с видом победителей. Один горшок нес Очир, другой - Фрол. Анисим Мануйлович увидев, что они возвращаются не с пустыми руками, спешно вышел навстречу. А разглядев горшки, занервничал. Георгий, заметив это, решил подразнить его.

- Вот, Анисим Мануйлович, не хотели еще немного поработать, долго будете жалеть.

- Это почему же?

- А потому, что делиться это будет меж теми, кто искал. А так как вы почивать изволили, то и доли вам не причитается.

- Но... то есть... - Анисим Мануйлович побледнел. - Выходит, вы промеж собой поделите и...

- Так будет справедливо.

- Но, Фрол Силыч, как же... но ведь я...

- Ничем помочь не могу, - твердо сказал Фрол, решив подыграть другу.
- Не-ет, - озлобленно протянул Анисим Мануйлович, - я, знаете ли...
- А что «знаете ли»? - оборвал Георгий.
- Господа, - укоризненно глянул на них Фрол. - Что вы делите? Ведь мы еще не знаем, что внутри этих горшков.

Горшки вскрывали под пристальным взглядом монгола Хазгар-ламы. Михаил Никитович тоже напросился присутствовать. Не хотелось, конечно, ни Георгию, ни Фролу, допускать лишних людей к найденному, но и обижать Михаила Никитовича тоже не хотелось. Работал он наравне с ними.

Снимали воск, вытаскивали пробку, затаив дыхание. В душе каждый из участников был уверен, что горшки наполнены золотыми монетами. Ошиблись. Вместо золотых монет из горшков на разостланный отрез парусины высыпалось мелкое золото. Всего скорей, добытое рудокопами в ближайших рудниках. Да это и не главное. Главное то, что в горшках было золото! Чистое золото. Ведь именно за ним и шли Георгий и Анисим Мануйлович. Да и Фрол, если честно говорить, шел в экспедицию не только ради того чтоб выполнить последнюю волю профессора Старосветского.

Горки золота впечатляли. И взгляды, впившиеся в них, были разные. Кто-то смотрел с удивлением, кто-то с восхищением, а кто-то с жадностью и нестерпимым желанием стать единственным обладателем этих россыпей.

Спокойно, без всяких эмоций, как на что-то привычное, на золото смотрел только монгол ламы. Взяв щепотку россыпи, он подержал ее на ладони и, высыпав обратно, что-то негромко произнес.

- Что он сказал? - насторожился Георгий.
- Он сказал, что Хазгар-лама будет доволен, - перевел Очир.
- Чем это лама будет доволен? - Анисим Мануйлович пристально посмотрел на Георгия.
- Чем, чем... известно чем - своей долей.
- Как? - от удивления Анисим Мануйлович округлил глаза.
- Обыкновенно.
- Это что, в этой кучке есть и его доля?
- Это так, - ответил Фрол, и принялся ссыпать золото обратно в горшки.
- С какой радости, позвольте полюбопытствовать?

Было видно - в душе Анисима Мануйловича начала подниматься страшная буря.

Георгий и Фрол долго объясняли Анисиму Мануйловичу, почему пять процентов найденного золота придется отдать Хазгар-ламе. Поначалу Анисим Мануйлович зеленел от негодования и никаким доводам не желал внимать. Но потихоньку уgomонился и, злобно зыряка на монгола ламы, выслушал товарищей. Выслушать-то выслушал, но с отдачей части золота Хазгар-ламе остался категорически не согласен.

Глава 12

На закате экспедиция вышла в обратный путь. Работники оживленно разговаривали между собой, сыновья Очира обсуждали что-то свое. Настроение у всех было хорошее. Радовало то, что наконец-то идут домой.

У Фрола настроение было еще лучше, чем у других. То, что он возвращается домой - это само собой радостно. Но главное для него было то, что он, вопреки всем своим душевным терзаниям, выполнил просьбу Старосветского и возвращается не с пустыми руками. Это значило, что он ис-

купил свою вину перед профессором. Снял камень со своей души. Кроме того - материала на диссертацию набрал. Появилась твердая уверенность, что жизнь стала налаживаться.

Георгий раскручивал в мыслях свои планы. Если до Тохто-Хото он думал об открытии своего дела абстрактно, то теперь его желания обрели конкретные черты. Он решил открыть свой магазин не в Бийске, а в Москве. Вот там можно размахнуться так размахнуться. От всей души. И не класть в кубышку зелененькие да синенькие, а сколачивать капитал беленькими да радужными. Чтоб не на старость копить, а сейчас, пока молодой, жить да радоваться. А торговать он решил не чем попадя, а своим, родным, сибирским товаром. И обязательно в компании с Натахой. Она умная, верная, будет хорошей спутницей по жизни.

С каждым днем Георгий думал о Натахе чаще и чаще. И все с большим нетерпением ждал с ней встречи. Соскучился.

На первом же привале к Георгию торопливо подошел Анисим Мануйлович. Воровато зыркнув по сторонам, шепотом предложил отойти и обсудить очень серьезный вопрос.

- А почему не здесь? - удивился Георгий.

- Т-с-с-с! Не привлекай внимания - могут услышать.

Георгий насторожился. Отошли.

- Ну?

- Я тут вот подумал, - несвойственно мягко заговорил Анисим Мануйлович, - да и ты, как человек рассудительный, так сказать с деловой подкладкой, думаю, поймешь и поддержишь меня. К Фролу-то Силычу я не стал подходить, какой с него прок.

Георгию такая присказка не понравилась.

- Давай-ка, Анисим Мануйлович, по делу.

- Ага... вот, по делу: а с чего это мы должны наше золото отдавать какому-то, прости господи, разбойнику, а?

Возникла пауза. Не ожидал такого разговора Георгий.

- Ну-у... не все же, а только оговоренную часть.

- А хотя бы и часть. За что? За какие красивые глазки?

- Что предлагаешь?

- Не отдавать.

«Ребячество какое-то», - подумал Георгий. Вслух сказал:

- Так они у нас силой заберут. И уж тогда точно все, до золотника, отнимут.

- Если найдут.

- Не понял? Ты поконкретней, Анисим Мануйлович, выскажи свою мысль.

- Я предлагаю не заходить к ламе, а напрямиком - домой.

- Не получится. Монгол ламы не позволит.

- А мы его, как он уснет, тюкнем камушком по башке и - будь здоров.

Чего угодно ожидал Георгий от Анисима Мануйловича: предательства, обмана, гадости, подлости, интриги, но только не предложения убить человека. Как можно? Ведь он же православный. К тому - недавний служитель закона. И вдруг из-за двух фунтов золота готов размозжить человеку голову. Страшный он, оказывается человек. Георгий - по натуре аферист и выжига, в первые мгновения, услышав такое предложение, даже растерялся. А потом разгневался - за кого же его принимают, коли делают такое предложение?! Да как бы Георгий не любил деньги и золото, каким бы желанием не горел обладать миллионом, но чтоб убить человека ради этого - ни в жизнь!

- Да ты что! - Георгий отпрянул от собеседника. - В своем ли уме, Анисим Мануйлович? Из-за золота душегубством заниматься?! Да...да как ты вообще посмел мне...

- Не блажи ты! - прошипел Анисим Мануйлович. - И если бы не ночь, то Георгий увидел бы, сколько злости и презрения было в его взгляде. - Вспоходишь народ-то.

- Ну, знаете ли, чтоб впредь не подходили ко мне на расстоянии плевка, а то... - и круто развернувшись, ушел.

Анисим Мануйлович от досады скрежетнул зубами - ведь был уверен, что Георгий примет его предложение. Долго после переживал и проклинал себя за опрометчивый поступок.

«Нет, не найти мне тут верного союзника, - решил наконец. - Одна надежда на снадобье Чомора. Скорей бы уж границу перейти, а там я покажу вам кто такой Анисим Татарников!»

Фрол заметил уединение Георгия с Анисимом Мануйловичем и удивился - с чего это вдруг такие секретности? До сего дня между ними и легкого намека не то что на дружбу - на близкие отношения не было. «Уж не в сговор ли из-за золота они вступают?» - насторожился он.

Но подходить к Георгию и выяснять, не стал - гордость не позволила.

На следующий день, на отдыхе, Георгий сам завел разговор о беседе с Анисимом Мануйловичем.

- Вот что я тебе скажу, Фрол Силыч: Анисима Мануйловича надо остерегаться. И уж давай не будем упускать его из вида. А то он из-за своей жадности натворит бед.

- Что-то произошло? С чего вы вдруг так забеспокоились?

- Был у меня с ним прошлую ночь нехороший разговор.

Фрол понял, что Георгий не желает выкладывать подробности и не стал выпрашивать. Но камень с души свалился - не вступил, значит, ни в какой сговор с Анисимом Мануйловичем.

- Слушай! - Георгий ухватил Фрола за руку. - А ты помнишь, мы ходили к шаману с Макаром Леонтьевичем?

- Ну...

- И что он нам передал через Макара Леонтьевича, чтоб наш третий спутник всегда ехал впереди нас. Ну, чтоб мы его всегда видели.

- Помню.

- Мы с тобой тогда гадали: кто это - третий - Михаил Никитович или Анисим Мануйлович. А вот теперь ясно - Анисим Мануйлович. Вот дела-то!

- Да уж, - почесал лоб Фрол.

- Теперь мы знаем кого нам держать на мушке, - Георгий, вытащив из-под полы пистолет, тайком, чтоб никто не увидел, показал его Фролу.

- Откуда он у тебя? - удивился Фрол.

- Из магазина. Прекрасная модель. Новинка. Весит всего двадцать две с половиной унции. Красавчик, да?

- Хороший, но ты же не собираешься его применять?

Георгий неопределенно пожал плечами.

- Первым, вестимо, не применю...

Хазгар-лама сам встретил экспедицию. Верст за пять до своей крепости.

- Это какая же сорока принесла ему весть о том, что мы подходим, а? - пробурчал Георгий.

- Любопытно знать, - согласился Фрол.

- Думаю - монгол.
- Но как? Он же постоянно был с нами?
- А пес его знает.

На этот раз лама оказался менее любезен. Мельком глянув на членов экспедиции и дав знак монголу ехать рядом с собой, он направился в крепость.

- Хорошенькое начало, - огорчился Георгий, - даже не поприветствовал.

В крепости Хазгар-лама распорядился накормить гостей, а сам с монголом скрылся в своей фанзе. О чем они там разговаривали - неизвестно. Каждый из троих организаторов экспедиции с волнением и страхом ожидал их появления. Но вышел к ним только монгол, повелев Фролу идти к ламе.

- А чего это он один-то пойдет? - занервничал Анисим Мануйлович.
- У нас все на троих, - поддержал его Георгий, - значит и мы должны идти.

Очир опасно перевел. Выслушав, монгол на несколько мгновений задумался, затем высказался резко и зло. Очир стоял, как пришибленный.

- Что он сказал? - встревожился Фрол.
- Лучше не надо им ходить к ламе, - тихо ответил Очир. - Да и вообще, не надо против... надо делать как говорят.
- Хорошо, хорошо, - глядя на монгола, закивал Фрол. - Мы все поняли. Показать все, что нашли.

- Нет, только золото! - перевел Очир.

«У-у-у, варначье косоглазое!» - подумал Анисим Мануйлович.

- Злой ты человек, Аниська, шибко злой, - Очир, увидев его лицо, обиделся за нацию.

Ко всеобщему удивлению Фрол пробыл у ламы недолго. В фанзе монгол сразу забрал у Фрола сосуды и поставил их перед ламой. Тот не спеша открыл их и высыпал содержимое на разостланный заранее отрез ткани. Взяв горсть россыпи, подержал в руке. Затем медленно высыпал золото обратно в кучку и что-то приказал монголу. Тот проворно принялся взвешивать золото. Один сосуд, второй, третий. Выполнив приказ, монгол молча отступил к двери.

Фрола даже не пригласили посмотреть вес. И только сейчас до него дошло, что с ним здесь вообще никто и не собирался ни разговаривать, ни считаться. Ведь Очира не позвали.

«Плохо дело, - подумал Фрол, - значит лама уже все решил и заберет не пять процентов, как договаривались, а больше, если не все. Что же делать?».

И сам себе ответил: «А ничего!».

Хазгар-лама пристально посмотрел Фролу в глаза. Тот смешался, но взгляд не отвел. Хазгар-лама усмехнулся. Отделив около четверти золота, приказал монголу ссыпать остаток в принесенные сосуды и поставить их у ног Фрола. Кивком указал на выход - мол, иди.

О том, сколько лама взял золота, Фрол решил не говорить товарищам. Кто знает, как они на это среагируют. Георгий, несомненно, да и Анисим Мануйлович тоже, возмутятся. Да еще и, чего доброго, захотят вернуть взятое помимо договора золото, а это - быть беде. Нет уж, лучше умолчать пока.

Не успел Фрол ответить на расспросы товарищей о визите к ламе, как в фанзу заглянул монгол и приказал собираться в путь.

- Так скоро? - удивился Михаил Никитович. - Ни верблюды, ни мы дух перевести не успели.

- Хазгар-лама приказал уходить, - разъяснил Очир.
- Да-а, - усмехнулся Георгий, - радушный, однако, хозяин, этот лама. Ну, да делать нечего, насильно мил не будешь. Уйдем, коли просят.
Фролу столь быстрый отъезд только на руку - у товарищей нет времени посмотреть - сколько золота забрал лама.

Глава 13

К развалинам селения Хойсу подошли, как и планировали, на рассвете. Все, кроме Анисима Мануйловича, принялись устраиваться на длительный отдых, а он поспешил откопать свой мешок с золотиносным кварцем.

- Не терпится, - усмехнулся Георгий. - Ох, и алчный же человечиска.
- Не обращайтесь внимания, Георгий Иванович, - отмахнулся Фрол, - пусть делает, что хочет. У меня, в отношении его, одно желание: скорее лишиться его общества.

- С превеликой бы радостью, хоть сию минуту! - поддержал Георгий.
- К сожалению - это может быть только в Бийске.
Достав и осмотрев свой мешок, Анисим Мануйлович вдруг занервничал - стал метать короткие взгляды то на Георгия, то на Фрола. Развязал мешок, и тут же, даже не заглянув в него, завязал обратно. Затем вскочил, вроде бы намереваясь куда-то идти, но, потоптавшись на месте несколько секунд, сел обратно.

- Что-то неладное происходит с нашим компаньоном, - заметил Фрол.
- Видно, оса в мягкое место ужалила.
- Боюсь - хуже.
- Да? И что это может быть такое?
- Задумал что-то, вот и не может найти себе места.
- Подождем, прояснится.

И верно, не прошло и четверти часа, как Анисим Мануйлович, вконец изведясь, поднялся и подошел к ним.

И по жестам, и по лицу было видно, что он сильно нервничает.
- Вот что, господа, - избегая смотреть им в глаза, заговорил он, - дело, я думаю, совершили... и, стало быть... надобно его завершить... Чтoб все честь по чести...

Фрол с Георгием недоуменно переглянулись.
- Ты не мог бы повнятней сказать, что надо от нас, - попросил Георгий.
- Уж куда внятней-то! - Анисим Мануйлович решил, что Георгий снова над ним начинает подтрунивать.

Фрол видя, что назревает неприятный разговор, движением руки остановил Георгия и сам обратился к Анисиму Мануйловичу.

- Мы действительно не поняли о чем вы говорите. Присядьте и скажите прямо, без обиняков, чего вы хотите.

- Извольте! Я хочу, чтоб мы сей же час разделили, как и было договорено, найденное золото!

Заявление Анисима Мануйловича шокировало.
Анисим Мануйлович, пряча взгляд, продолжил настаивать на своем.
- По чести и совести, в равных долях...

Георгий, вскинув брови, даже присвистнул.
- По чести и совести, говоришь?

Фрол понял, что не миновать громкого скандала на виду у всей экспедиции и попытался остановить Георгия, чтоб самому поделикатней урезонить

Анисима Мануйловича, отложив решение дела до Бийска. Но где там! Георгий и слушать его не стал.

- По чести и совести, говоришь?! На равные доли?! - подступил Георгий к Анисиму Мануйловичу.

- Да! - Анисим Мануйлович зло посмотрел на Георгия, готовый вступить в смертельную схватку.

- А разве по уговору мы должны поделить золото на равные доли?

- Нет, но...

- С памятью у меня все в порядке! Твои - только пять процентов!

- Нет, господин хороший, - возразил Анисим Мануйлович. - Пять процентов - это ежели бы мы взяли золота на три миллиона, как ты говорил, а мы-то взяли тыщ на пятьдесят и не более!

- И что из того? Уговор дороже денег!

- А то, - наседали Анисим Мануйлович, - что я, по-твоему, отправился в эдакую даль всего за двумя с половиной тыщами?

- Господа, господа! - умоляюще шептал Фрол, безуспешно пытаясь утихомирить противников.

Но те его не слышали.

- Конечно! Да мы тебя и не звали, ты же сам навязался! Потому тебе и двух тысяч много.

- А... Ну... - от гнева Анисим Мануйлович потерялся. - Почему же?

В ярости противники напирала друг на друга и между их раскрасневшихся лицами осталось не более пяти вершков. Казалось, они вот-вот бросятся в схватку.

- А потому! Ты отказался работать в тот день, когда мы его нашли? Отказался!

- А то, что я месяц жилы рвал, руки до сих пор ноют, это как?

- А никак!.. Шиш тебе, вот как!

- Ах... - у Анисима Мануйловича от гнева даже дыхание перехватило.

Фрола в жар бросило - границы перейдены и нужно действовать решительно или быть беде. Силой раздвинув противников, он встал между ними.

- Имейте же честь, господа!

- Ну, купчишка! - хрипел Анисим Мануйлович сквозь сведенные зубы, привычно шаря по карманам в поисках револьвера, который раньше всегда был при нем.

- Ах ты, урядник! - Георгий пытался достать обидчика из-за Фрола.

- Да прекратите же, господа!

С огромным трудом Фролу удалось успокоить и развести спорщиков. Но их схватку уже увидели все члены экспедиции.

Сделав пару шагов, Анисим Мануйлович обернулся и негромко, но четко сказал:

- Вы еще вспомните меня, господа!

- Да-а, - протянул Фрол, когда Анисим Мануйлович отошел на почтительное расстояние. - Подсказывает мне чутье, что не миновать нам неприятностей от этого человека. А может быть и вправду не будить лихо, а отдать ему сейчас его долю, а, Георгий Иванович?

Георгий ухмыльнулся.

- Фрол Силыч, неужто поджилки затряслись?

- Зачем вы так, Георгий Иванович?

- Да ладно, ладно, пошутил я, приношу извинения. Если серьезно, то нам даже взвесить-то золото нечем, чтоб вычесть его пять процентов. А по по-

воду урядника, так он сам себе беду ищет. Помяните мое слово - ждет она его, горемычного.

После полудня, когда все участники похода в шахту достали свои мешки с рудой, Очир подошел к Фролу.

- Знаешь, Фрол, - тихо заговорил он, - мешки у вас с рудой приметные шибко. Надо избавиться от них.

- Как это избавиться? - изумился Фрол. - Выбросить предлагаешь?

- Нет, нет, - замотал головой Очир, - зачем выбросить? Надо почистить золото. Зачем таскать такой груз? Чистое легче спрятать от плохого глаза.

- Отделить от кварца?

- Да, да.

- Но как и где мы можем это сделать?

- Я помогу. Через четыре дня свернем на север. Пройдем два перехода, там будет старый брошенный рудник, где все осталось от рудокопов. Вот и почистим золото.

Предложение Очира Фрол обсудил с Георгием и Михаилом Никитовичем. Анисима Мануйловича приглашать не стали. Тот подумал, что обсуждают его поступок и, нахохлившись приготовился давать отпор, если начнут поучать или выговаривать.

С тем, что нужно очистить золото, согласились все. А вот то, что для этого придется потерять около недели, никого не устраивало.

- Если мы не последуем совету Очира, - убеждал товарищей Фрол, - то, попадая амбаню или князю, можем лишиться не только золота, но и свободы. Выбирайте, господа. Лично я предпочитаю продлить на неделю экспедицию.

Судили-рядили, но доводы оказались весомыми. Было принято решение отклониться от маршрута. Анисим Мануйлович к принятому решению отнесся на удивление спокойно.

Единственное, что внесло корректировку в планы - это природа. Вместо пяти-шести планируемых дней, из-за дважды разыгравшихся бурь, задержались на восемь.

Глава 14

Переход за переходом, день за днем были похожи один на другой. У всех, невесть отчего, упало настроение. И Фрол забросил дневник, отдавшись созерцанию окрестностей страны, которую, всего скорее, он больше никогда не увидит. Было жаль, что сама экспедиция тоже через несколько дней окончится. Разведутся они в разные стороны осуществлять свои заветные мечты. И кто знает - пересекутся ли когда их жизненные пути еще раз. Если нет, то жаль. Фролу особенно не хотелось расставаться с Георгием Ивановичем, потому как в душе испытывал к нему чувства больше, нежели товарищеские - дружеские. Михаил Никитович тоже хороший человек. И даже Анисим Мануйлович, при всех его недостатках, не такой уж и плохой. С ним тоже бы интересно было встретиться годика, так, через два-три, поговорить, узнать, как у него сложилась судьба. Но, вряд ли это возможно... вряд ли...

После двухдневного перехода от Кобдо, на очередном привале, Очир подошел к Фролу.

- Все, дальше я не могу с тобой идти.

- Почему?

- Домой пора. Сыновьям домой надо. Мне. Неохота, шибко неохота мне от вас уходить, но - надо... Жена во сне приходила, назад звала. А ты, Фрол, книгу мне пошли, - вдруг вспомнил он об обещании Фрола.

- Ну, да, да... - растерянно пробормотал Фрол. - Если напишу.
- Хорошо бы, - заулыбавшись, закивал Очир. - Я всем ее показывать буду.

Фрол знал о том, что иностранцам удается вывозить сокровища с такими трудностями и преградами, что не приведи Господи. Потому, чем ближе они подходили к границе, тем тревожней становилось у него на душе. Ожидал: вот-вот что-то произойдет, и спокойный ход экспедиции нарушится или оборвется вовсе. Неприятности могут нагрянуть отовсюду - со стороны и от своих, ведь золото способно сделать врагами не только друга, но даже близкого родственника. В истории примеров этому - тьма тьмушая. Единственным, кому Фрол доверял - это Георгий. А почему, Фрол и сам не понимал. Но интуиция подсказывала, что от Георгия не нужно ожидать подвоха или подлости. Хотя разумом понимал, что не стоит доверять и ему полностью.

Из-за постоянного нервного напряжения и ожидания чего-то нехорошего, Фролу стало мниться недоброе в своих спутниках все - взгляды, разговоры тихие. Подозрительным стала и дружба нанятых в Бийске мужиков - раньше они, вроде бы, так не общались. И Михаил Никитович стал все чаще заговаривать с Анисимом Мануйловичем. Иной раз и держатся вместе по долгу и поодаль ото всех.

Опасается Фрол не столь за золото, которое могут отнять, нет. Больше он боится за находки, которые были теперь его гордостью и оправданием малодушного поступка.

Когда до границы оставалось около двух дней ходу, Михаил Никитович, во время привала подсел к Фролу и Георгию.

- Как думаете идти, господа: по закону, через таможенную, или другим каким путем? Ежели через таможенную, то как? Ведь то, что в ваших мешках, вывозится отсюда - незаконно. Сумеете ли договориться с таможенной? Связи-то есть хоть какие-нибудь?

Фрол с Георгием переглянулись. То, что сказал сейчас Михаил Никитович, мучило каждого из них не один день. Но вслух об этом они не говорили. Ибо не знали и не могли найти ответа на этот вопрос. Но в глубине души они надеялись, что это решит Михаил Никитович. Зря, оказалось, надеялись. Им же самим договориться с таможенниками вряд ли получится. Нет у них опыта в таких делах. Связей также никаких нет. Значит, остается искать обходной путь. Кроме Михаила Никитовича им здесь никто не поможет. И он понимает это. Потому и сидит - спокоен и уверен. Георгий решил схитрить.

- А ты, Михаил Никитович, разве не должен провести нас и договориться с таможенной? Мы тебе за это и платим.

- Отчего ж не смогу? Смогу, конечно, - пожав плечами, не сразу и пряча взгляд, протянул Михаил Никитович. - Договориться-то можно хошь с кем, но у каждого - своя цена. Да только, уверен я, обернут вас там, как медведь липку. И получится тогда ваша экспедиция пустой.

- Хорошо. Твой совет? - глядя в упор, спросил Георгий проводника.

Тот ухмыльнулся.

- Мой совет? Уговор у нас был сводить вас в Тохто-Хото и обратно. А решать вопрос с таможенной, обходить ее или нет - того не было.

Стало ясно - Михаил Никитович начал вытягивать дополнительную плату.

- Хорошо, - Георгий взял на себя решение вопроса. - Идем через таможенную: если уж терять, так будем терять все!

Михаил Никитович, видимо, не ожидал такого поворота и глянул на Георгия исподлобья.

- А я не собираюсь терять добытое собственными руками.

- Так как же ты его через таможенно-то пронесешь, позволь полюбопытствовать?

- То мой вопрос...

- Не соглашусь с тобой.

- Думаю - настал час, когда наши дороги должны разойтись.

- Позволь, позволь, - Георгий встал, - как ты сказал... иль мне это послышалось?

Фрол заспешил подключиться к разговору:

- Михаил Никитович, но ведь есть правда и Георгия Ивановича. Да и потом, самое главное, вы же слово давали, у нас же договор есть. А за дополнительную услугу мы позволили вам заработать. Вы же опытный проводник и прекрасно понимаете, что справедливость на нашей стороне. Давайте искать согласие. Вы же наверняка знаете, как выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями для экспедиции. А потому давайте дополним наш договор. Согласны?

Георгий порывался прервать друга, но тот одергивал его. И увещевания Фрола подействовали на проводника, он пошел на попятную.

- Надо подумать... тут с кондачка-то не возьмешь...

- Думай, Никитич, думай. Только недолго, - судя по тону, Георгий был зол страшно.

К окончанию привала Михаил Никитович вновь подошел к Фролу.

- Обмозговал я, господа, все и порешил: хоть и был промеж нами уговор, а за решение прибавочной доуки, вы уж не сердчайте, а выложить по четвертному с человека - будьте добры. Это у всех проводников так.

Видя, что Георгий вновь вознамерился оспорить, выставил вперед ладони:

- А ежели нет, то воля ваша, я ни на вершок не подвинусь, лучше сам лишуся золота, но закона нашего, проводников, не нарушу, а не то мне опосля все пути-дороги закажут, и на всю оставшуюся жизнь обсмеют.

Фрол хотел было принять условия, но Георгий остановил его.

- Погоди, Фрол Силыч, надо прежде с урядником оговорить, а то неровен час, он воспротивится, и придется потом нам с тобой за него платить.

И как бы не хотелось друзьям обсуждать этот вопрос с Анисимом Мануйловичем, а пришлось.

Анисим Мануйлович пришел в неопишемую ярость.

- Это ж какую наглость надо иметь! - негодовал Анисим Мануйлович, - чтоб запросить с головы по четвертному, за... за что? Был уговор проводить туда и обратно, а уж каким путем, так то его работа. А? Я вас спрашиваю, господа?!

После долгого и горячего спора, Фролу все-таки удалось убедить компаньона, что предложение проводника нужно принять.

- В противном случае, - убеждал он, - мы рискуем потерять все из-за хитрости одного и собственной жадности. Неужели для вас двадцать пять рублей огромные деньги? Лично я не могу позволить себе за двадцать пять рублей потерять несколько тысяч. Хотя понимаю, что Михаил Никитович занялся грабежом, но пусть Бог с него спросит за это.

К Михаилу Никитовичу, для окончательного разговора, пошли Фрол с Георгием.

- Так вот, - самодовольно ухмыльнувшись в усы, сообщил им Михаил Никитович, - обмозговал я вашу беду и что думаю: договориться с таможеней у нас вряд ли получится, а вот обойти ее можно. Знаю я тут одну тропку...

Тайная тропа пролегла в трех днях ходу на запад, через перевал Индэргинк-Даба. Путь оказался малохоженным, а перевал более трудным, нежели тот, через который шел официальный путь. Но тем не менее экспедиция преодолела его.

Стычки между членами экспедиции, произошедшие в последние дни, действовали на всех удручающе, отношения разладились окончательно, а потому шли в основном молча. Фрол большей частью вел дневник, уже без радости и желания, так, лишь бы чем-то заниматься. Анисим Мануйлович и Михаил Никитович держались поодаль. Хотя первый вдруг на каждом привале стал сам разводить костер, помогать в приготовлении чая и еды.

Георгий в который раз почувствовал, как сильно соскучился о Натахе. Ведь прошло столько времени, как он оставил ее одну-одинешеньку в далеком городе.

«Как она там, без меня? - думалось Георгию. - Ждет или пробует забыть-ся с кем?».

И мысленно представлял, как осыплет Натаху ласками, окружит заботой и больше никогда, ни на день не отлучится от нее.

Фрол же на спуске с перевала вспомнил Янколь и с удивлением отметил, что она не приходила в его сны несколько последних дней. Словно вырвала ее чья-то рука из его памяти. А сейчас вернула.

«Интересно, - подумал Фрол, - появится ли она?».

И не то ему почудилось, не то действительно вдали, у холма, мелькнул всадник на белом коне.

Глава 15

Встали на ночлег. Едва успели разложить костерки, как подкралась ночь. - Большие огни не распалайте, - предостерег Михаил Никитович. - Их издалека видно.

Было неуютно и холодно. Кутаясь в тулупы, все жались к костеркам. Вокруг одного собрались Фрол, Георгий и Анисим Мануйлович. Второй костерок окружили Михаил Никитович и рабочие.

Высокое, чистое, густо усеянное звездами небо зачаровывает и отгоняет мысли о земном и бренном, окунает в думы о вечном и возвышенном.

Фрол и Георгий, укутавшись по самые подбородки, утопили взгляды в звездной бездне, думая каждый о своем.

Фрол - о скором возвращении в Москву, о матери, о дальнейшей работе в науке.

Георгий ни на минуту теперь не сомневался, что в Бийске он задержится ровно на столько времени, сколько понадобится для сборов для отъезда в первопрестольную. А уж там-то они с Натахой развернутся - будь здоров!

Анисим Мануйлович ворочал свои мысли, уставившись на языки бьющегося пламени. А правая рука сжимала карман с мешочком от Чомора. Предчувствие скорой развязки вносило в мысли сумятицу: когда пускать в дело снадобье Чомора - сейчас или позже? Ежели сейчас, то как же потом одному из этой глухомани выбираться, неровен час заблудишься и при полной котомке золота сгинешь или зверь какой задерет. А если подождать, то кто знает, выпадет ли более подходящий случай? А если нет? От таких мыслей Анисим Мануйлович время от времени тяжело вздыхал. Благо, что Фрол с Георгием были заняты своим и не слышали этих вздохов.

Ближе к полуночи вокруг костерка Михаила Никитовича разговор смолк и бодрствовать остался только один из рабочих, чтоб поддерживать пламя.

Георгий проснулся от грубых и настойчивых тычков в бок.

- Какого черта! - недовольно пробурчал он, видя что еще ночь, но повернув голову в сторону, с которой его толкали, оторопел.

На расстоянии вытянутой руки, направив ему в лицо ствол ружья, одетый во все темное, с повязкой на лице по самые глаза, стоял некто крепкого телосложения.

Георгий испуганно отпрянул.

- Тише, не дрыгайся! - раздалось позади.

Георгий обернулся. Сзади, точно так же направив на него ствол ружья, стоял, похожий на первого как две капли воды, еще один некто.

Георгий покрутил головой. Оказалось, что их стоянка была окружена четырьмя неизвестными.

«Разбойники!» - мелькнуло в голове.

- Буди дружков-то, да только тихо мне, не балуй, у меня жакан заряжен, - негромко, но властно потребовал один из окруживших.

Георгий машинально потряс за плечо Фрола, затем Анисима Мануйловича.

Их перевели под прицелом к костру Михаила Никитовича.

- Теперь все ложитесь лицом вниз, а руки за голову! - скомандовал все тот же из разбойников, который, видимо, был главарем шайки.

Прижавшись щекой к холодной земле, Фрол понял - грабят.

Резко кольнула страшная догадка, и, вскинув голову, он глянул в сторону своего костра. Но в ту же секунду его придавили к земле стволом ружья. Однако он успел заметить, что один из грабителей вскрывает их мешки.

- Чего дрыгаешься, али жизнь не дорога? - зло пробасил грабитель, надавливая ружьем в шею.

- Нет, не дорога, - горячо выпалил Фрол, - если вы нас ограбите подчитую, то мне все одно жить будет незачем.

- Заткнись!

- Еще кто дрыгнется, стреляйте без задержки! - приказал главарь, и в следующую секунду щелкнули взводимые курки.

А еще, спустя минуту, всем связали руки.

- Эдак-то будет и вам лучше, и нам спокойней.

Спротивление никто не оказал - жизнь дороже любого золота.

Плененным показалось, что обыск их вещей длился очень долго. Так долго, что они успели промерзнуть до костей и их начало трясти. Хотя опытным разбойникам потребовалось всего чуть более четверти часа, чтоб обшарить все мешки и тюки. Огромное удивление у них вызвали вещи, которые предназначались для музея.

- Скажите, кладоискатели, - спросил главарь, разглядывая один из черепков, - а для чего вы тащите тайной тропой этот хлам?

- Бога ради, оставьте хотя бы это, ведь оно вам без всякой пользы, - взмолился Фрол.

- Так это твое? - обернулся к нему главарь.

- Да, мое. Я историк, собрал это и везу для научной работы. Вам за них, поверьте, и гроша ломаного не дадут.

- Разве? - в голосе разбойника просквозила ирония. - А я вот думаю - дадут. И первый, кто мне выложит за них деньги, это будешь ты. Я вот их сейчас увезу, а через месяц-другой предложу тебе за них выкуп и ты их купишь, тысячи эдак... за две-три, или, думаю, за пять. Или как?

Фрол промолчал и, тяжело вздохнув, про себя попрощался со своими находками.

«Все, - заняло в душе, - прощай честь, труд и научная работа... Не поверит Наталья Евлампьевна, что меня ограбили, решит, что я просто прокутил деньги и не стал выполнять волю Старосветского, не поверит... Прощайте и вы, мама, не вернусь я к вам, не для чего... Второго позора мне не вынести...».

- Не переживай, историк, - словно подслушав его мысли, успокоил разбойник, - не нужно мне твое старье, - и, задумавшись на несколько секунд, неуверенно, добавил. - А ну-ка, поди сюда.

С трудом встав, Фрол подошел к сидевшему у костра разбойнику.

- Просвети меня, темного, что это такое, - попросил разбойник, поочередно доставая находки.

Фрол рассказывал о каждой вещи вкратце, а разбойник при этом смотрел ему в лицо пристально. От его взгляда Фролу стало неудобно: уж больно тяжелый у того был взгляд и пронизательный.

- Хорошо, - через некоторое время прервал разбойник Фрола, - это все я оставлю тебе.

Потом дал команду рассадить связанных вокруг костров и, отступив на несколько шагов в темноту, сказал:

- Мы сейчас уйдем, а вы до рассвета не вздумайте вставать со своих мест. Помните, что я оставляю своего человека смотреть за вами, и если вы нарушите мой наказ, то он продырявит нарушителю глупую голову. Ясно?

Разбойники растворились в ночи и через несколько минут откуда-то издалека донесся лошадиный всхрап.

Около получаса возле постепенно угасающих костров царило молчание.

- Ну и что, мы так и будем сидеть до утра? - объявился голосом Анисим Мануйлович. - Надо бы развязаться и костры подновить.

- Если хочется дырку в голове занять, можешь встать, - зло ответил Георгий.

Анисим Мануйлович усмехнулся.

- Поверили, что они с нами охранника оставили? Была им охота, - и, пренебрежительно посмотрев на Георгия, встал.

И в эту же секунду сзади, не с той стороны, куда ушли разбойники, а с противоположной, грохнул выстрел и возле уха участкового пристава пролетел заряд.

Анисим Мануйлович рухнул, как подкошенный.

- Что, господин пристав, не изволите ли приказать подать вам сухие портки? - съязвил Георгий.

Анисим Мануйлович молча зыркнул на него и отвернул испуганное лицо.

После такого предупреждения подняться осмелились только при полном рассвете.

Первым делом Фрол, Георгий, Михаил Никитович и Анисим Мануйлович осмотрели свои мешки. Золото было изъято. Хотя это и так было ясно.

Фрол, обхватив голову, застонал.

- Ты чего, Фрол Силыч? - испуганно подскочил к нему Георгий.

- Убили, убили, - простонал тот.

- Да что, что?

- Все... все унесли: бурханы и чохи... золотые... с чем я теперь появлюсь в Москве, что скажу? Сколько же я буду еще рассчитывать за свой грех невольный?!

Удар, конечно, самый сильный был по Фролу и понимал это только Георгий.

- Ладно, Фрол Силыч, не убивайся ты так... что ж теперь. Ну, ограбили, на тот год сходим еще раз. Умней будем.

- Что вы, Георгий Иванович, где же нам денег-то взять? - и, переведя дыхание, добавил. - Это мне наказание, это мой крест и я его вынесу...

- Господа! - вскрикнул Анисим Мануйлович, и все обернулись на него, - вы только посмотрите на Мишку-то, а!

- Что? - настороженно спросил Георгий.

- Поглядите на него! - глаза Анисима Мануйловича светились злостью, точнее сказать - яростью. - Вот теперь-то до меня дошло кое-что! Почему он нас повел окольным путем? Да это ж он нас ограбил, это ж его люди были! Ай, да молодец, ловко все обстряпал! И стоит спокойненький... А чего ему страдать-то? Придет в Бийск и там со своими сообщниками поделит все. Ну, ежели, конечно, доживет, - и, вытянув руки с растопыренными пальцами, Анисим Мануйлович двинулся на Михаила Никитовича.

- Эй, эй! - побледнел тот. - Ты чего несешь?.. Ты чего? - и попытился, а завидев, что его хотят избить, выхватил из-за голенища нож.

- Не подходи, Анисим, слышишь, не подходи!

При виде ножа Анисим Мануйлович замер, мгновение подумал и стал шарить взглядом в поисках более сильного орудия, чем нож.

Дело бы бесспорно закончилось хорошей потасовкой или того хуже - убийством, если бы Фрол с Георгием вовремя не пришли в себя и не остановили его.

- Ну-ка, ну-ка, Анисим Мануйлович, погоди малость, - преградив дорогу, попросил Георгий, - поясни-ка свои мысли, а то я что-то не совсем понял, о чем это ты.

- Да чего же тут пояснять-то? - рычал Анисим Мануйлович, - тут же все ясно. Он же убедил нас пойти воровской тропой, где, по уговору с ним, нас поджидали его сообщники.

- Побойся Бога! - кричал Михаил Никитович. - Чего ты несешь, Анисим? Какие сообщники?

Фрол с Георгием насторожились. Предположение Анисима Мануйловича им показалось вполне реальным. Ведь действительно, ограбление прошло как по нотам. Теперь и они жестко стали наседать на Михаила Никитовича. Тот запаниковал. Оправдываясь и доказывая свою непричастность к ограблению, он и клялся и божился, и крест свой нательный целовал. Бесполезно. Не доказал, не убедил. Уж слишком велика была для всех потеря, и слишком много оказалось совпадений. Георгий не помнит случая, чтоб кого-то из бийских купцов грабили по возвращению домой. Михаил Никитович начал было приводить примеры, но тщетно, Георгий о них не слышал.

- Если ты знал, что тут могут обобрать, для чего нас повел этой дорогой? - спрашивал Георгий.

- Так... другого пути я не знал... - оправдывался проводник.

Не поверили. Решили вести проводника в Бийск, а там будет видно. Может и дорогой какая мысль придет, как заставить его сказать правду. Забрали у него нож и дальнейший путь он продолжил со связанными за спиной руками - чтоб чего не натворил.

Глава 16

Единственный, кто из членов экспедиции сильно не переживал, это Георгий. Он думал о Натахе. Встреча сулила радость с одной стороны, а с другой - пугала: хотел осыпать подарками, а возвращается с пустыми карманами. Еще гнетет мысль о расчете с Михаилом Никитовичем. Да и на какие деньги ехать в Москву? О планах совместного дела с Натахой придется и вовсе забыть.

Михаил Никитович умом понимал, что обвинить его в сговоре с разбойниками Георгию и его друзьям вряд ли получится, а все-таки, опасался их, и больше всех - Анисима Мануйловича. Тот вон как смотрит на него: будь его воля, лишил бы жизни без колебания. В благополучном исходе дела, если обвинения с него снимутся, он надеялся получить с Георгия сумму по уговору, тем самым остаться при изначальном интересе. Но от сознания, что пришлось лишиться нескольких фунтов золота, разбирала досада.

«Вон как можно было бы развернуться! - сокрушался Михаил Никитович. - На всю бы оставшуюся жизнь хватило!»

Анисим Мануйлович проклинал все и вся. И ни на минуту не сомневался, что ограбление подстроено Михаилом Никитовичем.

«Молодец, сукин сын, - косил он на проводника, - грамотно дельце обстряпал... На наше золотишко он теперь любого первогильдейца за пояс заткнет, молодец! А эти слюнтяи, - зыркал на Фрола с Георгием, - так и не хотят мне верить. А послушай они меня, так мы бы прижали этого прохвоста и вмиг бы он во всем сознался».

Кроме этого его мучил вопрос, как бы теперь, по возвращению домой, восстановиться на службе. Семью-то надо кормить.

Тяжелей всех было Фролу. Ибо все планы - научная работа, устройство достойной и беззаботной старости матери - рухнули. Осталась только возможность очистить свою совесть перед профессором - уцелевшие находки передать музею.

На последней ночевке перед Ангудаем Анисиму Мануйловичу приснилось, что сидит он в каком-то шикарном ресторане, прислуживают ему с почтением, и он этому даже не дивится. Вроде как так и должно быть. Потом он будто лежит где-то и с неба на него несется, словно коршун, настоятель их городского храма, протоиерей Максим. В вытянутой вперед руке протоиерея крест. Смотрит он на Анисима Мануйловича грозно и вопрошает:

- Откуда такие богатства? С нечистой силой спознался, хриstopродавец?! В аду гореть хочешь?!

Анисим Мануйлович пытается осенить себя крестным знаменем, но руки плетью повисли и нет силы их поднять.

И вновь смена картины. Небеса вместе с протоиереем померкли и вовсе пропали, а сам Анисим Мануйлович около огромного дерева стоит спиной к стволу и видит, как из-за дерева, с одной стороны выходит огромная, черного окраса псина, а с другой, с черным петухом под мышкой Чомор. Анисим Мануйлович обомлел. А Чомор склоняется к уху Анисима Мануйловича и говорит:

- Че, милок, забыл рассчитаться-то? Ну, не беда. Я сам расчет-то возьму, но не деньгами - душой твоей.

И хватя лапищей Анисима Мануйловича за грудь. От страха тот вскричал так, что сам проснулся и весь стан переполошил.

- Ты чего блажишь-то? - заругался Михаил Никитович, вновь укладываясь, - эдак людей до родимца доведешь. - Это Бог тебя наказал за возведенную напраслину на честного человека.

Анисим Мануйлович пропустил его слова мимо ушей. Он еще долго приходил в себя и больше не смог заснуть.

Фролу же Анисим Мануйлович своим кошмаром нарушил сон, в котором была Янколь. С перепугу он не запомнил, что говорила Янколь. А она что-то говорила. Фрол попытался заснуть, с надеждой, что сон возвратится и он сможет продолжить общение с девушкой. Но Янколь больше не явилась.

Из Ангудая вышли с рассветом. И путь не был таким безмолвным и угрюмым, каким был после ограбления. Каждый как-то смирился со случившимся и решил для себя, что жизнь - дороже всего. А ее им оставили.

На первый привал встали за Туектой, на берегу речки Урсулы. Михаил Никитович, как всегда, первым делом и самолично принялся разводить костер, Анисим Мануйлович взял на себя роль его надзирателя.

Фрол уединился на берегу, чтоб записать события последних дней и впечатления. На какое-то время Фрол задумался и вернулся в реальность оттого, что его кто-то негромко окликнул. Вздвогнув, он обернулся - в шаге от него стояла Янколь. Глядя на Фрола, она улыбалась.

- О чем ты думаешь? - спросила Янколь.

Фрол встал.

- Ты?!

- Я.

Фрол взял ее за руки.

- Я ждал тебя на перевале через границу, ждал тебя в Кустонаре, искал на Чуе...

- Знаю, - улыбнулась Янколь.

- Почему же ты не шла? Я очень хотел тебя видеть...

- А теперь не хочешь?

- Да что ты, хочу, - смутился Фрол.

- Хорошо у воды, - устремив взгляд на реку, Янколь прошла к самой кромке воды.

Фрол встал рядом. С появлением Янколь на душе стало покойно, светло и радостно. Переживания ушли, стали вроде бы чужими. И он совершенно по-другому посмотрел на горы, деревья, неторопливый бег воды.

- Мы идем домой, - нарушил молчание Фрол. - В Бийске я буду недолго, потом поеду в Москву, домой...

- Я знаю.

Помолчали.

- А тебе не хочется уехать в большой город?

- Зачем? - Янколь посмотрела Фролу в глаза. - Мне здесь хорошо. Высокие горы, густая тайга, большие реки. Мой дом здесь.

- Да-а, - с легкой печалью проговорил Фрол. - Здесь хорошо...

Мелькнула мысль: «А что если махнуть на все рукой и остаться с Янколь? В ее земном раю».

- Знаешь, Янколь, - заговорил Фрол решительным тоном. - В Москву я поеду ненадолго - закончить начатые дела, а потом, на следующее лето, вернусь сюда... к тебе.

При последних словах сердце его заволновалось. Их взгляды встретились. Янколь улыбнулась.

- Зачем ты взял у мертвых столько вещей? - спросила Янколь.

- У каких мертвых? Что я взял? - не понял Фрол.

- Там, - кивнула Янколь в сторону Монголии. - Ты взял много из земли и везешь с собой. Зачем?

- А... это, - непонятно почему, вдруг опять смутился Фрол. - Это... для научной работы. Понимаешь, Янколь, эти вещи, ну, те, что мы везем, могут ученым определить, как люди жили, какими они были, что с ними происходило...

- Зачем?

- Видишь ли, - Фрол не знал, как точнее объяснить все, - есть...

- Ладно, пусть узнают. Ты только домой это не бери, хорошо?

- Что ты, Янколь, это нужно науке.

- За вами идет много теней тех, кому это принадлежало. Они недовольны, они не хотят, чтобы вы увозили то, что они взяли с собой в тот мир. Если ты хоть что-нибудь оставишь себе, будет плохо. Они могут забрать тебя к себе.

- Нет, нет, Янколь, не волнуйся, я ничего себе не возьму, - Фролу стало приятно, что Янколь за него переживает.

- На, возьми это, тени этого будут бояться, - с этими словами Янколь вложила в руку Фрола камень. - Мне надо ехать.

Янколь удивительно легко и быстро вскочила в седло, и конь рысью пошел вдоль берега вниз по течению.

- Янколь! Я приеду! Обязательно! Как и где мне тебя найти?

Она не обернулась. Фрол смотрел вслед, пока Янколь не скрылась совсем.

- Что ты там высматриваешь, Фрол Силыч? - поинтересовался Георгий, подходя.

- Что? - растерянно переспросил Фрол.

- Интересно знать, что ты там увидел занимательного, что даже не слышишь, как я тебя зову.

«Он не видел Янколь? - удивился Фрол, - ведь до стоянки нет и пятидесяти саженьей?».

- Гостю провожал, - спокойно ответил.

- Гостю? - удивился Георгий. - Какую?

- Янколь.

- Как? - изумился Георгий. - Разве она была тут? Почему я не видел?

- Была.

Во взгляде Георгия сквозило недоверие.

- Когда? - спросил Георгий.

- Сейчас. Только что скрылась там, - Фрол указал вдоль берега. - Ускакала на своем белом коне...

- Фрол Силыч, а ты, часом, не разыгрываешь меня? - усомнился Георгий.

- Для чего? Она мне подарок оставила, вот: - и показал камень, подаренный Янколь.

- Дивно! - Георгий увидел на нем лик девушки, созданный самой природой. - Дивно, - повторил Георгий, - будем считать, что это тебе Янколь фотографию на память оставила.

Позднее оказалось, что никто из членов экспедиции не видел прихода Янколь. Не будь подарка, Фрол бы и сам засомневался в нем. Но с плоской стороны камня на него глядела она - девушка, которая провела его через все испытания, сохранила ему жизнь и указала ту дорогу, где он уже не заблудится, и выйдет к цели, судьбой и матушкой ему определенной.

Глава 17

Бийск встретил экспедицию дождем, ветром и разбитыми дорогами. Дойдя к Котельниковым пришли далеко за полдень. Хотя правильной будет сказать - прибрежи, промокшие до нитки и в грязи. От пристани до дома - менее двух верст по улицам и закоулкам, но этот путь они прошли более чем за час. После дождей улицы Бийска практически непроходимы. Для Фрола такие пути - истинное испытание. Анисим Мануйлович, видимо, доведенный неудачей до крайней степени ярости, выказывал свое раздражение не стесняясь, каталажной бранью.

Елена Федоровна поджидала сына и его друзей у ворот.

- Я уж все глаза проглядела, - запричитала она, обнимая сына. - Мы еще прошлый день вас поджидали. Сказали, что вы уж вот, рядом. А вас ни вечер нету, ни утро... и уж обед минул, а вас все нету. Ну, слава Богу, дома.

Сына и гостей Иван Петрович встретил с прохладцей. Не любит он чужих в своем доме. А потому, едва они переступили порог, Иван Петрович приказал сыну:

- Переоблокайся и заходи до меня в кабинет... разговор имею.

В кабинете отца Георгий пробыл долго. И претерпел там столько, что не приведи господь! Оказалось, что Иван Петрович от кого-то узнал, что его сын ходил в Монголию большей частью за золотом. А наука - только прикрытие, так сказать, для отвода глаз.

Для начала Иван Петрович разнес сына за то, что он скрыл от родного отца истинную цель экспедиции. После заговорил о привезенном товаре.

- Ну и сколько же вы золота добыли?

- Нисколько, - не поднимая взгляда, ответил Георгий.

- Как это нисколько? - растерялся Иван Петрович. - А-а! Понятно, понятно. Ты это мне не хочешь говорить. Ну да и правильно. Пока жил за родительской спиной на всем готовом, так и почтительный был и уважительный, а как только фунт золота в руки попал, так и захорохорился! - лицо Ивана Петровича побагровело. - А вот ежели я предъявлю тебе за все, что ты растранижил в Москве, счет, тогда что, а? Чем выплатишь-то: золотом или билетами?

- Воля ваша, но видит Бог, золота я не привез. Не верите мне, справьтесь у Фрола Силыча.

Терпение Ивана Петровича иссякло и он, грозно указав пальцем на дверь, повелел:

- Чтобы завтра духу твоего не было в моем доме. И дружков твоих! И помощи тебе моей не будет, покуда не вразумишься!

Из-за ссоры с родителем отъезд из Бийска пришлось ускорить. Но для этого нужно было найти денег на дорогу и рассчитаться с Михаилом Никитовичем. Это вызвало у Анисима Мануйловича бурю гнева. Он был категорически против.

- Вы с ума сошли, господа! - кричал Анисим Мануйлович. - Мало того, что он нас ограбил и теперь будет жировать за наш счет, так вы еще хотите ему дать денег для полного счастья?

Но Георгия поддержал Фрол. Они почему-то засомневались, что ограбление дело рук Михаила Никитовича, а после и вовсе уверовали в его непричастность.

- А ну вас! - в сердцах махнул Анисим Мануйлович. - Делайте что хотите!

На следующий день Георгию пришлось взвалить на себя массу трудных дел: в первую очередь подыскивать жилье, потом добывать денег на отъезд.

Но на удивление, решались дела у Георгия быстро и складно.

Приютить на несколько дней любимого племянника с его товарищами согласилась крестная - купчиха Рождественская Пелагея Спиридоновна. Она же дала денег для всех на дорогу. А крестный - Соломин Иван Прокопьевич - дал денег для расчета с Михаилом Никитовичем. И Елена Федоровна из заначки, тайком от мужа, дала сыну триста рублей. Теперь можно было спокойно добраться до Москвы и некоторое время прожить там особо не бедствуя.

По-прежнему мрачным оставался только Анисим Мануйлович - ему не давала покоя мысль о Чоморе. С ним же нужно было расчет произвести.

А чем? Тут самому приходится жить и уезжать за чужой счет. Но самое главное, что мучило Анисима Мануйловича, это вопрос: за что рассчитываться-то? Ведь применить снадобье не довелось. Но как об этом сказать Чомору? Он же не поверит. С другой стороны - он-то свое дело сделал, значит, должен получить плату. А если вернуть ему мешочек со снадобьем и объяснить все? Нет, на такой шаг у Анисима Мануйловича храбрости не хватит. Не тот человек Чомор, чтобы с ним можно было вот так легко обойтись - не заплатить. И метался Анисим Мануйлович в поиске решения, боясь высунуть нос за пределы усадьбы купчихи. По несколько раз на дню он подходил к Георгию и поторапливал его с отъездом.

Пойти к Чомору Анисим Мануйлович так и не на смелился. Решил спастись бегством. Но не получилось. В день отъезда, когда казалось, что через несколько часов Чомор останется в прошлом, как кошмарный сон, встреча состоялась.

На пристань поехали на двух нанятых пролетках. В одной - Георгий, в другой - Фрол с Анисимом Мануйловичем. Елена Федоровна провожала на своем выезде. Все чинно и покойно. Анисим Мануйлович уселся первым и мысленно перекрестился. Их пролетка шла головной, но вскоре конь вдруг остановился, выгнул шею и стал пятиться вбок. На пути пролетки стоял Чомор. Анисима Мануйловича пот прошиб. Извозчик зная, кто ему преградил дорогу, притих и натянул вожжи, удерживая коня.

Чомор не спеша подошел к пролетке со стороны Анисима Мануйловича и, с усмешкой глядя должнику в глаза, спросил:

- В путь-дороженьку собрался, мил человек?

Анисим Мануйлович сидел, словно закаменелый.

- Ну, что ж, поезжай, только уговор-то наш памятуй, - и легонько шлепнув по пролетке, неторопливо зашагал прочь.

- А вы говорили, что у вас в Бийске нет знакомых? - спросил Фрол, но Анисим Мануйлович его как бы не услышал. Он вообще сейчас ничего не слышал, не видел и не соображал. И скажи Чомор про долг напрямую, с ним бы точно удар сделался.

Извозчик понукнул коня и пролетка вновь захрохотала к пристани.

- Напасть какая, а! - негромко и сильно расстроенным тоном произнес извозчик. - Теперь жди беды, чтоб ему ни дна ни покрышки! Тьфу-тьфу, упаси Господи. И на кой хрен я вас повез. Стоял бы себе на бирже, так нет...

- А кто этот человек? - спросил его Фрол, не дождавшись ответа от Анисима Мануйловича.

- Это не человек, - не оборачиваясь и нехотя ответил извозчик, - это... это хуже любого черта!

Фрол с удивлением посмотрел на Анисима Мануйловича. А в последней пролетке Елена Федоровна читала молитву.

Глава 18

Тягостным был отъезд из Бийска.

Анисим Мануйлович сразу зашел на пароход и забился в свою каюту. Фрол Силыч, попрощавшись с Еленой Федоровной, некоторое время побыл рядом и тоже удалился в каюту. Георгий пробыл с матерью до первого гудка, потом взошел на палубу и оттуда отвечал на ее помахивания, пока мог различить ее в толпе.

До самого Новониколаевска компания жила врозь: Анисим Мануйлович практически не выходил из каюты, Фрол занялся обработкой дневника и

тоже редко бывал на палубе. Лишь Георгию не сиделось: то и дело он поднимался наверх и подолгу смотрел на волны, бегущие за судном.

Но как-то и Фролу захотелось подышать свежим воздухом, и, опершись на поручень, он взялся смотреть вниз. Потом его что-то забеспокоило, он оглянулся и увидел стоящего поодаль мужчину, видно - тоже пассажира. Тот отвел от Фрола взгляд и, повременив немного, отошел вовсе.

Странно, но Фрола его взгляд встревожил, хотя ничего такого, что могло бы ему не понравиться, не было. Наоборот - лицо незнакомца казалось красивым, одежда - богатой. Вот только руки, как у простолюдина - загрубевшие и загорелые. Еще, видно, он долго носил бороду и сбрил совсем недавно - четко виднелись ее следы на загорелом лице.

В Новониколаевске, при посадке на поезд, Фрол, случайно глянув в голову состава, заметил, как незнакомец поднимался в вагон первого класса.

«Состоятельный», - мелькнуло в голове Фрола.

Незнакомец, поднимаясь в вагон, повернул голову и тоже заметил Фрола.

В целях экономии денег Фрол, Георгий и Анисим Мануйлович ехали вторым классом.

Анисим Мануйлович был мрачнее тучи. С Фролом и Георгием практически не разговаривал. Большею частью смотрел в окно и думал, думал. А думы, судя по тому, как осунулся и потемнел лицом, у него были безрадостные.

Георгий же с Фролом смирились с потерей золота. На пароходе, и первый день пути в поезде, каждый из них был со своими мыслями наедине.

После станции Пермь, когда паровоз набрал ход, в купе Фрола смело постучали.

- Войдите! - пригласил он, не отрываясь от дневника.

Дверь распахнулась, Фрол поднял взгляд и удивился: в дверях стоял тот самый господин, который плыл с ними на пароходе из Бийска, и сел в поезд в Новониколаевске. Только костюм на нем другой - дорожный.

- Позвольте нарушить ваш покой? - голос у него чистый, сильный и властный.

Казалось, он не спрашивает разрешения, а просто уведомляет о своем приходе.

- Извольте.

Гость вошел и сел напротив Фрола.

- Разговор у меня к вам самый что ни на есть серьезный, а, значит, и не скорый. И не хотелось бы, чтоб его нарушили. Ваш попутчик не мешает нам?

- Да... - растерялся Фрол, - по чести сказать, не знаю. А вы часом, ни с кем меня не спутали? Я думаю, что прежде мы не были знакомы, также и на сию минуту. А потому вряд ли у вас до меня имеется серьезный разговор.

- Вы правы, - подтвердил гость, - мы с вами не знакомы. И я даже не знаю вашу фамилию. Но это дело поправимо. Имею честь представиться: князь Рюмин Илья Георгиевич, - при этом гость встал и сделал легкий поклон. - К слову замечу, наша фамилия в пятой части* родových книг Орловской губернии.

Фрол встал.

* Родословные книги имелись в каждой губернии и были разделены на шесть частей. По иерархии первыми стояли пятая и шестая части. Их привилегии были шире.

- Потомственный дворянин Рыбин Фрол Силыч, - о том, что его фамилия во второй части родовых книг, Фрол не счел нужным говорить. - Позвольте знать, чем обязан? - спросил Фрол, теперь уже с интересом глядя на гостя.

- Думаю, что как дворянин с дворянином, полагаясь на вашу честь, я могу быть предельно откровенным и спокойным за секретность всего здесь сказанного?

- Несомненно! - слегка обиженным тоном уверил Фрол.

- А могу ли я заручиться тем, что на полнейшую мою откровенность я буду иметь с вашей стороны таковую же?

Фрол удивленно вскинул брови.

- Не удивляйтесь, - предотвратил его вопрос гость, - дело, с которым я пришел, архиважное не только для меня, но и, в большей степени, для вас. Итак, будете ли вы со мной взаимно откровенны?

- Если это не касается чести моей семьи.

Напористость со стороны гостя и полное неведение сути предстоящего разговора насторожили Фрола.

- Ни в коем разе, - заверил гость. - Это только лично ваше и мое.

- Тогда приступайте.

- С какой целью вы ходили в Монголию?

Тому, что гость знает о его экспедиции в Монголию, Фрол особенно не удивился. Он выехал из Бийска, а там много кто знал об этом. Но вот для чего он желает знать? - подумал Фрол и решил рассказать правду.

Гость слушал внимательно и почти не отрывал взгляда от лица рассказчика. Когда Фрол замолчал, в купе слышался только перестук колес.

- Так, - произнес гость, - с золотыми монетами и истуканами, все понятно. Для науки, долг перед учителем. А где же вы взяли золотую руду? Попутно? Я спрашиваю не из праздного любопытства, а для дела.

Фрол потерялся в догадках - откуда он узнал о золоте? Ведь его у нас отняли в тайге? Неужто Михаил Никитович успел разболтать по городу? Или кто-то из рабочих?

- Ну, что же вы замолчали, Фрол Силыч? Мы же договорились об откровенном разговоре.

- Да, вы правы. Золото мы взяли попутно, благодаря случайно подвернувшемуся проводнику монголу. Что же касемо дополнительного обогащения, как вы подумали, то здесь вы ошиблись. Видит Бог - моя доля предназначалась не для этого.

- Верю. Вам, Фрол Силыч, верю.

- Коли у нас с вами ведется откровенный разговор, то не оставьте без ответа и мой вопрос: откуда вы все знаете?

Гость задумался на несколько секунд.

- Ну, что ж... хорошо. Отвечу. О золоте я узнал от людей, которые его у вас забрали.

- Как!? - не сдержался Фрол. - Вы знакомы с теми бандитами?

- Ну, что вы, Фрол Силыч. Зачем же вы называете так людей, которых совершенно не знаете. Если бы они были бандитами, то ни в коем разе не оставили бы вас живыми. Таким свидетели не нужны. А тайга бы навеки похоронила тайну их налета вместе с вашими телами.

- Возможно, вы правы. Но для меня любой, кто отнимает у другого имущество - бандит.

- Ошибаетесь. А теперь, давайте, перейдем к делу. В какую сумму оценивалась ваша доля золота?

- Трудно сказать, - не сразу ответил Фрол, - да и для чего это нужно?
- Если я спрашиваю - значит нужно.
- Не могу сказать, несведущий я в этих делах.
- Ну, хотя бы скажите, сколько его было в вашей доле.
- Около двадцати шести фунтов.
- Неплохо... неплохо... Для одного захода неплохо. Давайте договоримся так: вы будете считать, что вложили свою долю в мое дело под проценты, которые обсудим в Москве. Я же, в свою очередь, профинансирую нашу с вами экспедицию в Монголию в следующем году. Для того чтоб вы могли спокойно работать на благо науки и готовиться к экспедиции, я вам выплачу ваши проценты за год вперед. Но сразу оговорюсь, что делаю это не бескорыстно. В качестве платы вы покажете мне место в Монголии, где набрали руду. Ежеминутного соглашения я от вас не требую. Думайте. Вот моя визитка, в Москве буду ждать по этому адресу в следующую среду после полудня.

Когда гость вышел, Фрол долго не мог прийти в себя.

«Вот уж воистину неисповедимы пути Господни, - думал он, глядя на проплывающие за окном поля и редкие деревья. - За последний год столько событий, столько знакомств... голова кругом. Не сон ли это? Такое чувство, что судьба со мной играет: то даст надежды на хорошее, то заберет их. Потом снова даст и снова заберет... Теперь появился этот князь и не существующее золото, за будь здоров, в свое дело определяет, предлагает проценты ежегодные и собирается оплатить новую экспедицию. Даже не верится...

ЭПИЛОГ

О знакомстве и разговоре с князем Рюминым Фрол не стал рассказывать Георгию. Побоялся спугнуть замаячившую вдали удачу.

А история князя такова. Он действительно знатного рода князей Рюминых. Родитель его весьма и весьма состоятельный. И молодой князь жил до 1905 года ни в чем себе не отказывая. Это его и сгубило. Во время очередного кутежа Илья Георгиевич влюбился в молодую цыганку и решил на ней жениться. Родителям, естественно, желание сына показалось безумным. Они пытались отговорить наследника, но тщетно. И тогда Рюмин-старший лишил непослушного отпрыска не только содержания, но и наследства. Так сказать, оставил на полном самообеспечении. Думал, поживет сынок впроголодь месяц-другой, одумается. Ошибся. Молодой князь в тот же день принялся искать способ сколотить собственный капитал и завести свое дело. А в кругу его близких друзей был унтер-офицер Степан Лукич Бахтин, уроженец города Бийска, который, к стати, так же имел отказ в средствах от папаши-купца. И вот однажды, за вечерним столом, Бахтин подкинул молодому князю идею: мол, у них, в Алтайском округе, за зиму, можно добыть не одну тысячу штук пушнины. Если этой пушниной торговать за границей, то прибыль будет стопроцентная. А если прибавить к пушнине сливочное масло с Алтая, она еще многократно увеличится. Князю идея понравилась, и они немедля выехали на Алтай. А уж там, в тайге, Бахтин и вовсе разохотился, предложил ограбить пару контрабандных купеческих караванов. Из-за них, мол, купцы шум поднимать не станут, побоятся сами пасть под закон. И это молодому князю пришлось по душе.

Так одним из караванов, на который напали люди молодого князя, оказался караван Фрола с товарищами.

Тогда видя, как Фрол искренне переживает за то, что у него, помимо золота, могут забрать и находки с раскопа, князь проникся к нему уважением. Он и сам когда-то, в первой молодости, увлекался науками, потому дело Фрола ему было понятно, и его печаль - тоже.

После ухода от костра князь решил, что обязательно найдет Фрола и поможет ему.

В Москве все сложилось так, как о том ни Фрол, ни Георгий и мечтать не могли. Фрол получил от князя три тысячи рублей наличными и подписал договор на экспедицию в Монголию. Георгий, который опять поселился у Натахи, и, похоже - надолго, вместе с ней были приняты князем во вновь образованную торговую фирму «Илья Рюмин».

Анисим Мануйлович с большим трудом, но все-таки смог вернуться на службу, в должности участкового пристава.

А весной 1907 года, как и было запланировано, экспедиция, возглавляемая князем Рюминым в составе Фрола, Георгия и Натахи, вновь выехала в Бийск.

Впрочем, это уже следующая история.

Электронная библиотека Акулиной akulina.electlib.ru

Людмила КОЗЛОВА

Людмила Козлова родилась в г. Никольске Вологодской области. Закончила Томский государственный университет. Автор 20 книг поэзии и прозы, лауреат краевых литературных премий, Международной литературной премии им. Сергея Михалкова (2008 г.). Стихи и проза публиковались в краевых литературных журналах, центральных периодических изданиях, международном журнале «Клаузура» и за границей (Дания, «Новый берег» - 2010 г., журнал «Современная литература мира» - Нью-Йорк).

Член Союза писателей России.
Живет в Бийске.

* * *

Защити меня, Господи, от этого мира
Занавескою тюлевой маревой -
От этого мира,
Где пулями разговаривают,
От этого мира - животного пира,
Где день и ночь кипит
Первобытное варево!

Защити меня, Господи,
Занавескою тюлевой,
Жарой июлевой,
Касанием тонких зеленых ветвей
Березовых,
Десницею правды Твоей!
Зарею рассветной розовой!

Имеющих душу,
Стражников нив -
Защити, Господи, всех Живых!

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Что-то там транслируют масс-медиа,
Выпадая в транс или кураж.
Кто-то серый на велосипеде
Делает по городу вояж.

Шумный дух качается на ветках,
Тормоша березовую вязь.
Метка солнца -

Желтая конфетка -
На асфальте плавясь,
Разлеглась.

И насквозь пронзает жало света
На асфальте человечью тень,
Обещая рай
В аду планетном
Пережившим этот судный день.

ЦАРЬ МОЙ, ДРУГ МОЙ

Памяти сына

Ветер времени воет в трубе
Вселенской печи.
О тебе печаль моя, о тебе,
Не молчи!

Через вихри звезд,
Всепожирающий сон Огня,
Слышишь, милый мой, слышишь
Меня?

Через все океаны
Пылающих прошлых Лун
Я пою тебе вещью птицею
Гамаюн.

Льется голос мой -
Выгорает беда.
Никогда не скажу я себе
«Никогда».

АФГАНИСТАН

Зной июля расплавил ночь.
 Зной июля рождает звон -
 Метеорный поток поет,
 Злой койот добавляет нот,
 Шмель песчаный -
 Пустыня, сон.

Здесь афганский мираж
 Насквозь
 Пробивает подземный тир -
 Мак, похожий на ржавый гвоздь,
 В сердце примет незванный гость.
 Южный Крест
 Распинает мир.

ИИСУС

В опасных корчах новый век -
 Страшней чумы,
 Ужасней ада!
 Вот-вот родится Человек
 В чугунных дебрях
 Зоосада.

И даже самой злой из кобр
 Заглянет в Душу на минуту.
 Он будет прост
 И странно добр,
 Но миру станет
 Не до шуток.

СТЕРЕГУЩИЕ ЗОЛОТО ГРИФЫ

Озоновая графика лесов,
 Сосны немой червлёные прожилки
 На снежном теле Азии зимой.
 Ночной дивертисмент каленой вьюги.
 Мы сторожили этот континент.
 Мы жили здесь на севере и юге
 Вдоль хвойных лент
 Реликтовых лесов.
 Мы сторожили. Жили.
 Выживали.
 Нас убивали, мы вставали вновь
 Душой зимы
 На пустоши бессонной.
 В сердцах гудит, рожденная озоном
 Тугая позолоченная кровь.
 Мы вымотали жилы, выживая.
 Мы рвали кожу, прожигая наст.
 Сибирь в снегах - кипящая, живая.
 Она, как прежде, родина для нас.

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ - ВОЙНА

Две девочки прямо среди улицы
 знойной
 Вбивали друг другу пинками
 Подспудное чувство вины.

И воздух застойный,
 Войною пропитанный,
 Вечной, кровавою бойней
 Откликнулся стоном
 Бродячего Духа войны.

Сражаясь за что-то,
 Что спрятано где-то
 Внутри микрокосма,
 За слово, за ноту, за жест
 И за жест неизбежных потерь,
 Они ненавидели мир,
 Ненавидели жестко и просто -

Война на погосте.

А войны -
 Ангел и Зверь.

ГАРМОНИЯ

Вот упаду, засну.
 И пусть шумит
 Разумный тополь, ветром
 опаленный,
 Весну зеленой кожей ощущая.

И запах чая, с розами так схожий,
 Прохожих ароматом угощая,
 Войдет в окно
 От вечного соседа,
 Не спящего с обеда до обеда,
 А, впрочем-то, не спящего всегда.

Звезда взойдет
 И бросит острый луч,
 Как масло, воздух тонкий разрезая.
 Гряда летучих туч -
 Борзая на охоте -
 Догонит лунный колобок на взлете.

Все в мире будут добры и честны.
 А я все буду спать
 И видеть сны -
 Цветные сны.

ЗНОЙ

А что вы хотели? Азийские степи дымят,
Сжигая все то, что должно обиходиться в прах.
Закончилось время глазастых ромашек и мят -
Камням раскаленным
Отныне стенать на кострах.

А что вы хотели? Душе надоели тела -
Ходячие, зрячие, зрящие в раны бойниц -
Вся эта бравурная мелкая «куча мала»!

Душе надоели густые пустые тела
И цепи неволи кровавых и ржавых убийц.

СУГГЕСТИЯ

Дамы в нарядах а ля Вермонт, птеродонт или птерозавр,
Терзая перо... ах, нет, извините... клавиатуру,
Рифмуют эмоции дамские,
Слезы и вопли размазывая на партитуру.

Плотно поужинав, ложатся спать.
А утром, друзья мои, все значительно хуже!
Поэтому дамы напишут опять:
«У нас душа. Нас преследует Рок.
Мы не любим холодных строк».

Не пеняя бесстыжей судьбе,
Чем их, горячих, измеришь?
Они как бы пишут, а ты как бы веришь -
Их любви безграничной
К себе.

* * *

У меня за спиной убегающий мальчик - закат
Развеивает кровавый подбой листопада.
И спускается в красный, неслышно рыдающий сад
Солнце взорванным яблоком ада.

В тихом классе прибывший из прошлого бывший поэт
Рассуждает о важных когда-то и сложных находках.
Два десятка студентов скучают - за давностью лет
Эта лекция, словно ненужная плетка.

Их глаза из осенних кленовых, березовых сот
Простирают лучи на запретную зону заката.
А поэт - что поэт? Он устанет и скоро уйдет
В одиночестве грызть перезрелое яблоко ада.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Когда загудят, завоюют, закричат
Ветра январские,
Чтобы прикрыть собою замерзших зайчат,
Мама будет рассказывать сказки.
Дескать, детки, мороз - этот злобный дед,
Крадет непослушных чад.
А вот на тех, что молчат - на них и суда нет.
Детки верят, стараются - ни гугу!
А мороз на бегу все гуще трещит.
Молчанье, терпение -
Заячий щит!

ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Вот как-нибудь начнешь говорить с гражданином,
И очень он симпатичен -
Самодостаточен, глубок, образован.
Он знает пророка Иисуса Навина,
Правильно произносит слово «импичмент»,
Расскажет при случае историю Азова,
Теорию пассионарности Льва Гумилева,
Да и вообще, любит все лучшее.
Но в конце содержательного разговора
Уронит, словно нечаянно, словно бы про себя -
Что вот жил бы да жил, всех на свете любя,
В рамках душевного договора,
Да только малости не хватает на то,
Совсем чуть-чуть -
Тысячу, две, ну, может быть - сто.

* * *

Пришла пора, пожалуй, друг Людмила,
Изобрести летучий самокат
Или хотя бы способ варки мыла.
Или закат изобрести.
Закат!

Представь себе плакат такого свойства -
Один герой, с позывами геройства
Кусочком мыла моет рамы... Нет...
Он моет страны - под сертификат
Великих устремлений олигарха.
И мыло тает, тает, словно сахар.
А за окном горит,
Горит закат!

Мария ШИПИЛОВА

Мария Шипилова родилась в 1986 г. Окончила Алтайский государственный университет, факультет журналистики. В настоящее время проживает в Санкт-Петербурге. Учится в аспирантуре Санкт-Петербургского государственного университета. Работает журналистом. Много путешествует. Неоднократно публиковалась в журнале «Алтай».

РАССКАЗЫ В ОЖИДАНИИ АНДЕРСЕНА

1

Под вечер пошел снег. Мелкий, робкий, к одиннадцати часам он превратился в настоящую метель. Ветер выл и швырял мокрые хлопья горстями в окно. Борис задвинул шторы и пожегся. В такую погоду ему всегда было жаль тех, кто на улице. Он представил, как ледяной ветер бьет бедолаг в лицо, пробирается под одежду.

- Почитай мне, - донесся до Бориса детский голосок.

Борис перевел взгляд на дочурку, и мрачные мысли сразу улетучились. С белым пушистым медведем в обнимку на кровати лежала его четырехлетняя дочь и ждала, когда папа прочтет ей на ночь сказку. Борис преувеличенно неуклюже, с кряхтением опустился на край ее кровати, чем вызвал веселый смех дочери, выудил из горы книжек на ночном столике самую тоненькую и начал читать.

Это была сказка «Принцесса на горошине» Андерсена.

«Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя замуж тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось, - читал Борис. - Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!»

Борис посмотрел в сторону окна, где так же свирепствовала непогода.

«Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять. У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с ее волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она все-таки уверяла, что она настоящая принцесса!»

«Ну, уж это мы узнаем!» - подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а

еще сверху двадцать пуховиков, - Борис посмотрел на девочку, которая уже начала клевать носом. - На эту постель и уложили принцессу на ночь. Утром ее спросили, как она почивала. «Ах, очень дурно! - сказала принцесса. - Я почти глаз не сомкнула! Бог знает, что у меня была за постель! Я лежала на чем-то таком твердом, что у меня все тело теперь в синяках! Тут-то все и увидали, что она была настоящей принцессой! Она почувствовала горюшину через сорок тюфяков и пуховиков, - такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса. И принц женился на ней».

Борис отложил книгу. Саша, так звали малышку, посапывала, обхватив медведя за шею.

Борис осторожно поднялся с кровати и вышел из комнаты. Он спустился в гостиную, включил телевизор, налил себе виски. Сегодня его жена уехала в командировку в Штаты. Дом без нее казался опустевшим. Не было беспорядка, который Тамара могла навести из ничего, и который так раздражал Бориса. Но сейчас ему его не хватало. Все стояло на своих местах, как в музее. Тишина угнетала. Зазвонил телефон. Борис посмотрел на дисплей. Тамара.

- Привет! Как ты? - услышал он ее далекий голос. - Как Саша?

- У нас все отлично, - бодро отрапортовал Борис. - Я смотрю футбол. Саша спит. А ты как?

- Уже скучаю.

- Я тоже...

Они поговорили несколько минут и попрощались. Только Борис нажал отбой, как телефон зазвонил снова. Это был Данил - его друг и коллега по работе.

- Как поживает мой свободный товарищ?

- Нормально.

- У тебя произошло сегодня что-нибудь странное?

- Почему у меня сегодня должно произойти что-нибудь странное? - не понял Борис.

- Ты на календарь смотрел? - удивился Данил. - Сегодня же 12.12.12. Просто обязано что-то случиться.

- Ну тебя с твоими приметами, - полусердито, полушутливо сказал Борис. - Со мной сегодня ничего не происходило. Если не считать того, что утром Тамара улетела в Америку. Но назвать это странным нельзя.

- У меня пока тоже ничего не произошло, - протянул Данил разочарованно, - но я жду двенадцати часов. Наверняка что-то случится.

Борис нажал кнопку отбоя и пошел на кухню. Он взял бутылку, плеснул в бокал виски, бросил несколько кубиков льда и уже потянулся к выключателю, как услышал, будто в окно кто-то стукнул. Борис остановился и прислушался. Тихо. «Наверное, снег», - подумал он. Мужчина выключил свет, но в это мгновение в окно за его спиной кто-то снова отчетливо постучал.

- Что за чертовщина, - пробормотал он, подходя к окну. Там никого не было.

Подумал, что разыгралось воображение и пошел в гостиную. Когда он миновал входную дверь, то услышал, как кто-то поскребся в нее.

Борис замер. Ему стало неприятно. «Чтоб этого Данила!..» - сказал он, вспомнив слова про таинственную и особую дату. Снова кто-то поскреб в дверь. Борис поставил стакан с виски на столик, зажал в руке бутылку, пошел к двери и решительно распахнул ее.

На пороге стоял черный дог и пристально смотрел на хозяина дома. Мужчина почувствовал, как по спине поползли мурашки.

Собака чихнула, и чары вмиг рассеялись. Борис громко выругался, чтобы избавиться от страха.

- Что тебе надо, грязный пес?

Пес вел себя беспокойно. Топтался на месте, потом отходил на небольшое расстояние в темноту и оглядывался на Бориса, будто звал его за собой.

- Нет, дружище, я с тобой не пойду, - сказал он и собрался захлопнуть дверь.

В пару прыжков дог снова оказался на пороге. Потоптался и, выжидаясь глядя, сделал пару шагов.

- Что за черт! - снова выругался Борис. Он достал из шкафа, который стоял рядом с входной дверью куртку, набросил ее и ступил в темноту. Дог зашпешил вперед. Все было, как и предполагал Борис. Ледяной ветер пронизывал насквозь, мокрый снег залеплял лицо. Собака завернула за угол дома и резко остановилась.

- Ну? - грубо сказал Борис. - Что ты от меня хочешь?

Собака не двигалась. И тут он увидел, что на земле лежит человек. Прямо под кухонным окном. Значит, стук ему не почудился. Наклонился и дотронулся до бедолаги рукой. В темноте ничего не было видно. Попытался приподнять человека, но он не держался на ногах. Пришлось подхватить его на руки и донести до ступеней, ведущих в дом, потом осторожно положить пострадавшего. Сначала нужно было разобраться с кем он имеет дело.

- Что за... - в который раз за сегодняшний вечер пробормотал Борис.

Перед ним лежала женщина. Очень замерзшая женщина. Пальто ее вымокло от снега и покрылось коркой льда. В длинных мокрых волосах запутались льдинки.

Борис быстро занес ее в холл и опустил на диван. Пес вошел следом. Вообще-то Борис был против животных в доме, но, как он понял, собака не оставит эту женщину. Осторожно освободил незнакомку от мокрого пальто и увидел, что на ней было лишь тонкое платье, которое не могло защитить от холода. Снял сапоги. Ноги женщины были ледяные. Борис сбегал в комнату, принес плед и укутал незнакомку. На столике все еще стоял стакан с виски. Борис схватил его и, приподняв голову женщины, попытался влить напиток в ее сжатые губы. Жидкость полилась по подбородку, но несколько капель все-таки попало в рот, потому что незнакомка начала кашлять.

- Вы очнулись? Я сейчас вызову врача.

- Нет, нет, - пробормотала она. - Не надо. Мне нужно немного согреться. Андерсен, где Андерсен?

«У нее бред, - понял Борис. - Нужно вызывать врача». Он достал телефон из кармана. Но тут женщина распахнула глаза и схватила его за руку.

- Нет, нет, - сказала она. - Андерсен!

И тут мужчина увидел, как дог, до этого сидевший неподвижно, поднялся и подошел к ее ищущей руке. Наткнувшись на собачью голову, женщина удовлетворенно замолкла.

- Андерсен? - спросил Борис, глядя на собаку.

Дог поднял на него по-человечески умные глаза.

Борис вспомнил сказку, которую он читал полчаса назад.

- Подумать только, - тихо проговорил он.

Борис по-прежнему не знал что ему делать. Для начала решил не торопиться и внимательно осмотреть непрошенных гостей. Хоть сейчас они и выглядели плачевно, но не напоминали бродяг. Собака была ухоженной, с блестящей шерстью, в кожаном ошейнике. Женщина..., пожалуй, красивая.

Стройная. Длинные волосы, большие глаза. На пальце поблескивало кольцо с прозрачным камнем, возможно, бриллиантом. Борис поднял с пола пальто - черное с меховым воротом. «Не бродяга», - сказал он себе. Наклонился к женщине. Она дышала ровно. Похоже, спала. «Ладно», - решил он. Утро все расставит на места. На всякий случай закрыл на ключ двери гостиной, заглянул к дочери. Саша мирно спала. Закрыл и ее дверь тоже. Зашел в свою комнату. Долго ворочался в постели, прислушиваясь к окружающим звукам.

Ветер прекратился. На улице шел снег. В холле было тихо. Под утро Борис заснул.

* * *

Разбудил его громкий стук в дверь. Он соскочил с кровати, наспех натянул брюки, путаясь в штанинах. Как только он распахнул дверь, огромный кулак врезался ему в глаз. Борис повалился на пол. Залаяла собака.

- Вот ты где? - раздался чей-то рык. - Я знал, знал!

Борис поднялся с пола, зажимая глаз рукой, другим глазом пытаясь разглядеть, что происходит в его доме. Огромный детина грозно нависал над диваном, на котором съежилась женщина. Даже одним глазом Борис разглядел, что она очень испугана и очень красива.

- Как ты мог!? - услышал Борис ее взволнованный голос. - Этот человек помог мне. Я бы замерзла на улице.

- Не ври мне! - рявкнул мужчина. - Я не позволю делать из меня дурака. Вставай!

С этими словами он одним рывком поднял женщину с дивана. Швырнул ей пальто.

- Одевайся! - приказал он.

Женщина неловко пыталась продеть руки в рукава пальто.

- Минуточку, - пробормотал Борис, не зная что следует предпринять.

Мужчина обернул к нему свое перекошенное злостью лицо.

- Еще раз пальцем дотронешься до моей жены, убью!

С этими словами он пнул стакан с виски, который стоял рядом с диваном и, схватив женщину за руку, поволок к выходу. Андерсен замыкал шествие.

Борис опустил на диван. Вот и разгадка тайны. Итог - синяк под глазом. Мужчина подошел к зеркалу. Вокруг глаза начало краснеть.

- Вязался! - буркнул Борис.

Он попытался привести себя в порядок и пошел будить дочь.

Весь день Борис страдал. Он чувствовал на себе любопытные и одновременно насмешливые взгляды коллег на работе. В историю про то, что он поскользнулся и упал в ванной, естественно, никто не поверил. Все знали, что вчера у него уехала жена, а на следующий день он пришел с синяком. Вывод - куролесил где-то всю ночь.

Борис еле дождался конца рабочего дня, забрал дочь из детского сада, которая, единственная, верила, что папа упал, и жалела его. Покормив и уложив ребенка спать, он спустился в гостиную. Включил телевизор. Глаз болел. Позвонила жена. У нее было много работы, и голос звучал устало. Борис сказал, что у них все стабильно. Про незнакомку и синяк под глазом он решил промолчать. Через две недели, когда придет Тамара, все пройдет.

Посмотрев передачу, Борис пошел за виски и, когда проходил мимо двери, услышал... царапанье.

«Мне это просто мерещится», - подумал он. Царапанье повторилось. Борис раздраженно распахнул дверь. На пороге стоял Андерсен, в зубах у него был конверт.

Борис взял послание, и собака, вильнув хвостом, убежала.

«Вы спасли мне жизнь, - писала женщина. - Не оставили замерзать на улице. Простите за то, что случилось утром. Я хочу поблагодарить вас. Завтра выходной. Если вы не против, Андерсен придет за вами в первой половине дня и приведет ко мне. Анастасия».

2

Утром приехала мама Бориса, чтобы отвести Сашу в зоопарк. Борис сначала хотел присоединиться к ним, но в последний момент передумал. Он убеждал себя, что у него много дел, но в глубине души знал правду. Знал, что ждет встречи со странной женщиной, которая неожиданно ворвалась в его жизнь. Когда мама с Сашей ушли, Борис стал ходить по дому и ругать себя. «Да ты просто больной! - сердито выговаривал себе Борис. - Ждешь собаку! Это же смешно».

Борис бурчал себе это под нос, но не прекращал прохаживаться мимо двери - из гостиной на кухню и обратно, посматривая на часы. Стрелка миновала отметку 10.00, потом 11.00. Борис в очередной раз обругал себя и решил заняться делом, когда раздалось царапанье в дверь. Он даже подпрыгнул. Мигом оказался рядом с ней и распахнул. Андерсен приветственно махнул хвостом. Мужчина набросил куртку и вышел за собакой.

Дог, видимо, был прекрасно обучен или потрясающе умен. Он не побегал по главной улице коттеджного поселка, а воспользовался узенькой тропинкой за домами. Борис не отставал от собаки. Только, когда Андерсен юркнул в щель под воротами, мужчина остановился. «В этот коттедж недавно въехали», - вспомнил он. О жильцах Борис практически ничего не знал. Говорили, что дом купил какой-то бизнесмен, владелец сети ресторанов.

Борис на минуту замешкался. Потер синяк. Получить еще один ему не хотелось, тем более, если мужчина обнаружит его в своем доме, одним синяком Борис уже не отделается. Андерсен по ту сторону решетчатой ограды выжидающе смотрел на него. Борис решительно вошел в калитку. Андерсен остановился у черного входа. Мужчина открыл дверь и оказался в узком коридоре с лестницей, ведущей наверх. Свет проникал через маленькие оконца, поэтому в помещении царил полумрак. Борис поднялся по лестнице и уперся в еще одну дверь. Обернулся, собаки рядом не было. Борис толкнул дверь и зажмурился.

В комнате было необыкновенно светло. Она располагалась так, что утреннее солнце заливало ее своими холодными лучами. На белоснежном диванчике сидела женщина. Увидев Бориса, она встала, направилась к нему, но потом остановилась посреди комнаты. Робко улыбнулась. Борис понял, что она смотрит на его подбитый глаз.

- Я., - начал он, но сбился. - Вы звали.

- Да, здравствуйте. Проходите.

И она указала ему на хрупкое белое креслице рядом с диванчиком.

Борис неуверенно сел, боясь сломать или испачкать его. Анастасия расположилась напротив. Она казалась ему совсем юной. По-девичьи свежее лицо, большие глаза и розовые губы. Или это розовое простое платье делало свое дело. Ее серьги с темно-зелеными камнями на тонкой цепочке покачивались, когда она чуть наклоняла голову.

Анастасия придвинула гостю вазочку с шоколадным печеньем.

- Я позвала вас, чтобы поблагодарить, - сказала она, смущаясь.

- Меня зовут Борис, - представился Борис невпопад, чувствуя себя неловко в этой гостиной с этой девушкой, которая собралась его благодарить.

- Понимаете, мы с мужем повздорили. И я выбежала из дома. У меня очень вспыльчивый характер. И упрямый тоже.

Анастасия улыбнулась.

- Я думала вызвать такси и уехать к подруге, но забыла в доме телефон. Хотела поймать машину, но это сложно сделать в таком немногочисленном поселке. В итоге я замерзла и оказалась под вашими окнами. Даже не помню как. Если бы вы меня не приютили...

Анастасия вздрогнула.

- Да что вы, я...

- Простите за... - женщина снова глянула на синяк Бориса. - Мой муж очень вспыльчив и ревнив.

- Нет, ничего. А где он сейчас?

- Не беспокойтесь, его нет. Он рано утром уехал в Н-ск. Будет поздно вечером или завтра. И... если вы не торопитесь, я хотела пригласить вас на завтрак, или уже обед, - сказала она, посмотрев на часы.

- Я не тороплюсь.

- Отлично. С минуты на минуту должны прийти мои друзья - очень интересные люди. Идемте.

Борис следовал за Анастасией. Комнаты, которые они проходили, были пустыми.

- Мы недавно переехали, так что еще не совсем обустроились, - объяснила молодая женщина.

Борис смотрел на большие коробки, расставленные по углам, мебель в целлофане, какие-то доски, видимо, разобранные шкафчики. Анастасия распахнула дверь столовой, и запах лимона ударил Бориса в нос.

- Я испекла пирог, - с гордостью сказала она.

Столовая была большая. Окна располагались вдоль всей стены. Анастасия подняла жалюзи, и комнату наполнил свет. Посреди столовой стоял длинный стол и стулья с мягкими сиденьями.

В доме раздались мужские голоса.

- Это мои друзья, - сказала Анастасия Борису.

- Я в столовой, - прокричала она. Ее голос эхом разнесся по дому. Минуты через две на пороге появились гости - мужчина лет пятидесяти и молодой человек лет двадцати.

- Это Глеб Васильевич, - представила Анастасия гостей Борису. - Талантливый литературный критик. А это Максим - талантливый художник.

- Это Борис, мой хороший друг, - обратилась Анастасия к гостям.

Она сказала это так уверенно и непринужденно, будто они действительно с Борисом были хорошо и давно знакомы.

- Присаживайтесь. Сейчас будет пирог.

Все расселись за большой стол. Борис чувствовал себя неудобно. Анастасия стала выносить из кухни, которая примыкала к столовой, тарелки с треугольниками от пирога, облитыми сверху лимонным сиропом. Потом внесла чайник, чашечки и бутылку шампанского в ведерке со льдом.

Гости приступили к пирогу.

- Потрясающе, - восхвалял Глеб Васильевич.

Максим сдержанно улыбался.

Борис ел пирог и посматривал на пришедших. Глеб Васильевич выглядел странно. Он напоминал стареющую кокетку, молодость которой уже прошла, но она не осознает этого. На нем был надет пиджак с павлинами, рубашка с пышным жабо. Волосы зачесаны назад. Глаза смотрели с хитрым прищуром, губы всегда улыбались, даже когда он жевал пирог. Максим был ему немного более симпатичен: одет сдержанно, однако лицо его выражало смесь высокомерия, разочарованности и усталости, что не соответствовало молодому возрасту. «Такое лицо могло быть, например, у Онегина», - вспомнил Борис школьную программу по литературе.

- Над чем ты сейчас работаешь? - спросила Анастасия Глеба Васильевича.

- О... - глубокомысленно выдохнул он. - Над новым и старым.

- Что же это? - поинтересовалась она.

- Пишу рецензию на роман «Последний день наступит завтра». Может видели в книжных магазинах? Ники Грейс. Прекрасная проза.

- Это мужчина или женщина? - спросила Анастасия.

- Это интрига, - сказал Глеб Васильевич. - Но тебе я скажу, дорогая Анастасия. Это мужчина.

- Ники Грейс, - повторила молодая женщина.

- Его настоящее имя Павел Лавочкин.

Анастасия расхохоталась.

- Зачем же такой псевдоним...

- Привлекает внимание.

- А что же старое...

- Пишу статью «Самоубийство Сильвии Плат - случайность или необратимость?»

Борис напряг память. Кто такая Сильвия Плат? Но на память ничего не приходило.

- Это американская писательница, которая покончила жизнь самоубийством, - сказала Анастасия, слегка нагнувшись к Борису.

- Я считаю, - проговорил Глеб Васильевич, отправив кусок пирога в рот, - что ее самоубийство - предопределено. Она истеричная женщина, страдающая депрессией, болезненным влечением к смерти.

- Ее можно было спасти. Но никто не протянул руку помощи, хотя состояние ее было очевидно, - возразила Анастасия.

- Помочь?! - Глеб Васильевич пожал плечами. - Зачем? Она была обречена. Не в этот раз, так в другой она засунула бы голову в газовую духовку.

- Всем своим видом, всеми своими действиями она взывала о помощи, но никто ее не слышал, - сказала Анастасия с жаром. - Люди глухи, люди равнодушны. Она была на грани, она цеплялась, но никто не подал руки...

- Давайте прекратим эту грустную тему, - высказался молчавший до сих пор Максим.

Анастасия перевела на него взгляд.

- Ты принес нам что-нибудь новое? - спросила она.

- Конечно, - равнодушно отозвался Максим.

Он встал из-за стола, вышел из столовой и через минуту внес картину, запакованную в бумагу. Развязал веревки, освободил полотно и с гордостью продемонстрировал собравшимся.

На ядовито-зеленом фоне был изображен человек. У него не было кожи, вместо костей - железки, которые соединяли между собой болтики и гайки. Вместо сердца был нарисован лимон. Картина называлась «Современный Адам».

- Превосходно! - захолопал в ладоши критик. - Современный человек - механистический, робот без чувств, без переживаний.

Борис глянул на Анастасию. Ему было интересно, какое впечатление картина произвела на нее. Но лицо молодой женщины ничего не выражало.

- Друзья, - сказала она через несколько минут, - на улице чудесный зимний день. Я хочу предложить развлечение - прогулку на лошадях. Парк рядом.

Все согласились. Анастасия ушла переодеваться, Борис остался с гостями, которые приступили к шампанскому.

- А вы чем занимаетесь? - спросил его Глеб Васильевич.

- Я юрист в строительной фирме, - ответил Борис.

Мужчины разочарованно посмотрели на него. Они, наверняка, ожидали, что он окажется писателем, музыкантом или актером.

- А как давно вы знаете Анастасию? - спросил Максим, и Борис уловил нотки раздражения в его голосе.

- Недавно.

Послышался звук шагов Анастасии, и Борис был избавлен от вопросов.

Компания вышла из дома. Андерсен трусил рядом с молодой женщиной, которая шла впереди с Максимом. Борис с Глебом Васильевичем держались позади и молчали.

Через пятнадцать минут они добрались до конюшен. Каждому выдали по лошади. Анастасия проворно вскочила в седло. Борис нерешительно подошел к своему коню. Он не помнил, когда последний раз сидел в седле, это было когда-то в юности. Мысленно перекрестившись, вставил ногу в стремя и - оказался на лошади. Первую минуту он испытывал страх, потом погладил животное по шее, чтобы успокоиться самому и направил его тихим шагом. Максим ехал впереди вместе с Анастасией. Рядом с ними бежал Андерсен. Глеб Васильевич с огромным трудом влез в седло. Улыбка на минуту сошла с его лица, и тогда появилось множество морщин, которые гармошкой собрали его кожу. Борису стало неприятно. Он тронул поводья и ускорил шаг лошади. Пахло хвоей, морозным воздухом, и мужчина начал получать удовольствие от прогулки. Впереди то и дело мелькали из-за деревьев фигуры Анастасии и Максима. Но вскоре он перестал наблюдать за ними, погрузился в свои мысли, предоставив лошади выбирать маршрут.

Когда он снова вернулся к реальности, то увидел, что конь, которого звали Рубин, идет по узкой тропке. Борис обернулся. За спиной были ели.

- Куда ты завез меня, дружище? - спросил Борис.

Рубин не реагировал и продолжал неторопливо идти вперед. Зимнее солнце спряталось. Стало сумрачно. Борис хотел повернуть, но не знал, как это сделать. Тропинка была очень узкой. Внезапно он увидел впереди черное пятно. Потом - снова.

- Андерсен! - радостно воскликнул Борис и дернул вожжи.

Лошадь пошла быстрее. Сосны поредели, и Борис выехал к замерзшему озеру, где уже была Анастасия. Максима и Глеба Васильевича не было.

- Я уже решил, что заблудился, - сказал Борис с облегчением.

Анастасия резко обернулась. Выражение ее лица было непонятно.

Борис подъехал ближе и тут увидел, что она стоит не у озера, а на льду озера.

- Я бы не стал прогуливаться там, - предостерег Борис. - Лед тонкий. Может в любой момент провалиться.

Анастасия сделала еще несколько шагов вперед.

Андерсен заскулил.

- Эй, - окрикнул Борис. - Что это вы делаете? Вернитесь!

Борису не хотелось слезать с лошади. Во-первых, он не совсем знал - как. Забраться ведь всегда легче. Но положение женщины вызывало у него опасение.

Чертыхаясь, он кое-как начал спуск. Его нога запуталась в стремях, и Борис упал. С трудом высвободился и поднялся. Женщина делала медленные шаги вперед.

Борис подошел к хрупкому льду. Недавно была оттепель.

- Анастасия, - позвал он. - Не шутите так. Идите сюда.

Она обернулась.

- Где ваши друзья? Они наверняка вас ищут.

- Они мне не друзья, - услышал он ответ.

- Ваш муж скоро приедет. Я боюсь схлопотать еще один синяк, - попытался пошутить Борис.

- Вы видели сегодняшнюю картину. Это портрет моего мужа.

- Анастасия, вернитесь обратно, - сказал Борис уже строже.

Он боялся сам ступить на лед, потому что от двойного веса он бы точно провалился.

- Вас ждет Андерсен, - сделал еще одну попытку Борис. - И ваша красивая лошадка. Ваш верный пес очень волнуется.

Анастасия минуту не двигалась, казалось, она находится перед мучительным выбором, потом обернулась и сделала неуверенный шаг к берегу. Пока она медленно приближалась, Борис не издавал ни звука. Казалось, природа тоже замерла. Стояла неестественная тишина.

Но вдруг раздался противный скрежет. Лед провалился, и Анастасия оказалась в воде.

Бешено залаял Андерсен и побежал к хозяйке. Заржала лошадь. К счастью у берега было не глубоко. Анастасию скрыло по пояс. Борис бросился к женщине. Лед разошелся и мужчина тоже оказался в воде. Сначала он не почувствовал холода, но через секунду будто сотни игл впились в его тело. Он схватил Анастасию за рукав и потащил к берегу.

Она плакала. Борис прижал ее к себе.

- Никто не протянет мне руку, никто не спасет меня. Я буду кричать, но никто не услышит, - всхлипывала Анастасия.

- Я спасу, я услышу, - бормотал Борис, глядя ее по выбившимся из-под шапочки волосам и мокрым щекам. - Нужно вернуться домой.

3

Два дня прошло без вестей от Анастасии. Сколько бы Борис не ходил мимо двери и не выглядывал в окно, Андерсен не появлялся. Третий день не принес изменений. Борис старался убедить себя, что ему все равно - придет Андерсен или нет, но это ему не удавалось. Перед ним стояла загадка, и, похоже, трагическая. Нужно было найти ответ и спасти девушку. Вечером Борис поиграл с дочкой, почитал ей, и когда она заснула, спустился вниз. В привычный час позвонила Тамара.

- Я очень скучаю, - глухо и как-то незнакомо звучал ее голос. - Постараюсь закончить дела и приехать быстрее.

- Не торопись, - вырвалось у Бориса. - То есть я хотел сказать, чтобы ты сделала все, что нужно, и тогда спокойно летела обратно. У нас все в порядке.

Закончив разговор, Борис пошел по привычному маршруту - гостиная - холл - кухня и там... увидел в окно Андерсена с конвертом в зубах. Борис стрелой бросился во двор. Выхватил у собаки послание, распечатал и прочитал: «Завтра у Максима выставка. Не хочешь присутствовать? Начало в семь. Адрес...»

Когда Борис оторвался от бумаги, Андерсена не было. Мужчина вошел в дом и сразу поднялся в спальню. Он хотел, чтобы скорее наступило завтра.

На следующий день Борис попросил маму забрать дочь из детского сада. В семь вечера он был в галерее. Первым Борис заметил Глеба Васильевича. Его было трудно не заметить. Литературный критик выделялся сливового цвета фраком, белой рубашкой и фиштаккового цвета брюками. Он разговаривал с женщиной, и она внимала ему, словно божеству. Борис усмехнулся. А вон и Максим. «Как денди лондонский одет», - снова пришли Борису на память строки из «Евгения Онегина». А где же?.. Вот она! Анастасия поймала взгляд Бориса и улыбнулась. Затянутая в черное вечернее платье, с высокой прической и с каким-то невообразимым ожерельем из перьев - она не была похожа на себя - хрупкую беззащитную девушку в утренней комнате. Борис хотел подойти к ней, но Анастасия уже отвернулась, взяла под руку Максима.

- Друг мой, - услышал Борис над ухом сладкий голос Глеба Васильевича. - Не знал, что вы так интересуетесь живописью.

- Да я... - Борис огляделся. На картинах были люди. Страшные люди. Изуродованные туловища, собранные из пластиковых бутылок, оберток от жвачек и шоколадных батончиков... И у всех - лимон вместо сердца. У Бориса закружилась голова.

Официант ходил между гостями с подносом, уставленным бокалами с шампанским. Борис взял бокал и сделал глоток. Ему стало трудно дышать. Картины словно давили на него. «Зачем она позвала меня?» - подумал Борис.

- Как вам картины? - будто через слой ваты дошел до Бориса вопрос Глеба Васильевича.

- Очень хорошо, - пробормотал мужчина.

- Вам нравится? - возник рядом с ним Максим. - Правда нравится?

Борис посмотрел на высокомерно-заискивающее выражение его лица.

- Правда.

- Тогда едемте в мою мастерскую. Я покажу вам еще и другие работы.

Борис хотел отказаться. Но к ним подошла Анастасия.

- Я пригласил твоего друга в мастерскую. Ты с нами?

Молодая женщина согласилась. Борис - тоже.

Глеб Васильевич, Анастасия, Максим и Борис сели в такси и поехали в мастерскую. Она располагалась в мансарде многоэтажного дома недалеко от галереи.

Мастерская Борису не понравилась. Внутри царил беспорядок. Спертый воздух вызывал желание распахнуть окна. На стенах висели изображениями таких же изуродованных людей, что и на выставке.

«Современный человек превратился в робота, - тоном экскурсовода говорил Максим, вода Бориса от картины к картине. - Это не его вина. Таким его сделала цивилизация. Бездушный человек с пустым сердцем».

Когда экскурсия закончилась, Глеб Васильевич сказал, обращаясь преимущественно к Анастасии:

- Уже двенадцатый час, пора.

- Я остаюсь.
- Дорогая, подумай....
- Я остаюсь, - сказала Анастасия с вызовом.
- Ладно... Идемте, Борис, - Глеб Васильевич потянул мужчину за рукав. Борис не хотел оставлять Анастасию наедине с Максимом, не хотел, чтобы она находилась в этой неприятной мансарде, но он не мог придумать предлога, чтобы увести ее. Пришлось подчиниться настойчивости Глеба Васильевича.
- Они вышли на улицу. Дул холодный ветер. Борис поднял воротник пальто.
- Она ведет себя очень опрометчиво, - сказал Глеб Васильевич, качая головой. - Поговорите с ней. Я заметил, она о вас очень высокого мнения. Максим пустой, как те человечки, что он рисует. Она думает, он скала. Она сможет спрятаться за него, но это мираж. К тому же ее муж...
- Глеб Васильевич поежился. Борис тоже поежился, вспомнив про синяк, который уже начал сходить.
- Едет! - выкрикнул Глеб Васильевич, когда свет фар ударил им в лицо.
- Вы так заботитесь о ней, - сказал Борис, глядя в расстроенное лицо своего спутника.
- Машина остановилась. Глеб Васильевич открыл дверцу и плюхнулся на сиденье.
- Естественно, она же моя дочь. Ну же, садитесь скорее.
- Глеб Васильевич хлопал своей пухлой рукой рядом с собой по сидению.
- Я... пройду. Что-то шумит в голове, - глухо проговорил Борис.
- Глеб Васильевич пожал плечами, захлопнул дверцу.
- Дочь?! - воскликнул Борис, когда машина отъехала. - Да что же это такое? Что это за история?
- Он чувствовал, что попал в лабиринт. В лабиринт, в котором не должен был оказаться. И теперь плутает в нем.
- Борис! - раздался женский голос. Мужчина повернул голову. К нему бежала Анастасия.
- Я передумала. Я хочу домой. Увези меня отсюда.

4

Прошло несколько ничем ни примечательных тусклых дней. Борис не был романтиком, но впервые, с момента знакомства с Анастасией, чувствовал себя по-особенному. Будто попал в таинственную сказку. И он не просто наблюдатель, а действующее лицо. Борис понимал, что ему нужно возвращаться к реальной жизни. Нельзя каждый вечер ждать Андерсена, нельзя пускать в сердце эту странную трагичную женщину. Но так не хотелось этого делать. Снова быть собой - скучающим мужчиной с женой и ребенком, который уже ничего не ждет от жизни, да ничего ему больше и не нужно. И вообще, в последнее время он даже запустил работу. С этими мыслями Борис поднялся в свою комнату, вытащил из портфеля договоры и решил поработать перед сном в гостиной. Он устроился в кресле, придвинул к себе журнальный столик и принялся перечитывать договоры, вносить карандашом правки. Он даже увлекся.

«Мне не помешал бы глоток виски», - подумал Борис через час. Пошел на кухню, мысленно повторяя себе, что с мечтаниями об Анастасии покончено. Налил себе виски, не удержался, взглянул в окно. И... увидел Анастасию.

Ветер тербил ее волосы. На секунду Борису показалось, что это призрак, так неподвижно женщина стояла. Но тут она подняла руку. Борис бросился открывать дверь. Молодая женщина вошла.

- Я выбралась из дома, - сказала она.

Борис помог Анастасии снять пальто. На ней было кремовое платье, от-деланное стеклярусом. Очень странное. Борис не был знатоком моды, но, помнится, видел такие платья в старых американских фильмах. Пока Борис вел Анастасию в гостиную, он заметил, что в некоторых местах ткань вы-терлась, стала совсем прозрачная, кое-где не хватало нитки стекляруса.

Анастасия перехватила его внимательный взгляд и усмехнулась.

- Это платье моей мамы, - пояснила молодая женщина. - Она была тан-цовщицей. Я храню этот наряд, но иногда, когда мне грустно, надеваю.

- Тогда нам нужны старые американские песни и вино.

- У тебя есть? Я имею в виду старые американские песни.

- Есть. И песни, и вино.

Борис подошел к полке с CD-дисками.

- Конечно, это не пластинка, но тоже подойдет.

Борис включил музыку, церемонно раскланялся перед молодой женщи-ной и пригласил ее на танец.

Анастасия плавно скользила по полу. Борису нравилось танцевать с ней, хотя он не был любителем. И вновь им овладело чувство нереальности про-исходящего. Он попытался представить на миг Анастасию своей женой, но не смог. Это было так же нереально, как представить своей женой героиню какой-нибудь пьесы. Ему казалось, что Анастасия - женщина-муза, которую возможно на минуту задерживать в объятиях, но не более.

Музыка закончилась. Анастасия села в кресло. Борис смахнул договоры со столика и поставил вино. Что-то грустное появилось в выражении лица гостыи. Борис осторожно присел рядом. Минуту длилась тишина, если не считать американской музыки.

- Я знаю, что Глеб Васильевич твой отец, - произнес Борис.

Анастасия молчала. Мужчина решил, что она не намерена поддерживать эту тему, но тут раздался ее голос.

- Он всегда стремился к творчеству. Брался то за сочинительство, то за живопись, то за музыку, то окунался в театральную жизнь. Он был не-сколько раз женат. Одна из его спутниц жизни - моя мама. Она умерла. Я ее плохо помню. Когда мне исполнилось восемнадцать, он выдал меня замуж.

- За того человека.

- Это была сделка. Он меня ему, а мой муж финансирует выпуск его рома-на. У меня не было выбора.

- А Максим?

- Подопечный отца. Он любит опекать таланты. Но это - просто сделки. Кругом - сделка.

- Тебе не приходило в голову, что все могло быть по-другому? - спросил Борис.

- Что, по-другому?

- Твоя жизнь. Тебе уже не восемнадцать лет. Если невыносимо быть с мужем, оставь его. Никогда не поздно начать все заново.

- Это невозможно, - Анастасия покачала головой. - Это значило бы про-жить не свою, а чью-то чужую жизнь.

Разговор был медленный, зыбкий. Вдруг Анастасия поднялась.

- Мне пора.

- Но на улице ночь.

- Меня проводит Андерсен. Он ждет.

Борис не стал задерживать Анастасию. Та медленно растворилась в ночной темноте, оставив в душе мужчины осадок болезненной грусти.

Утром Бориса разбудил телефонный звонок.

- Я в аэропорту, - услышал он голос Тамары. - Я прилетела.

- Прилетела... - пробормотал Борис.

- Ты, кажется, не рад. Я хотела сделать тебе сюрприз.

- Я рад. Очень рад. Просто это так неожиданно. Мы с Сашей сейчас приедем за тобой.

Борис встал, быстро оделся, разбудил дочь, и они поехали за Тamarой.

Саша визжала от радости, когда увидела маму. Тамара целовала попеременно то дочь, то мужа.

Борис отвез семейство домой, потом поехал в офис.

- Что такой убитый? - спросил его Данил, встретив в одном из коридоров офиса.

- Тамара приехала, - сказал Борис и тут же спохватился. - Рано встал, ездил в аэропорт. Совсем не выспался.

Данил недоверчиво хмыкнул. Борис пожал плечами. Он никому не обязан ничего объяснять.

Вечером возвращение Тамары отмечали за семейным ужином. На улице бушевала метель.

- Почему ты такой молчаливый? - спросила Тамара, прервав рассказ о своей поездке.

- Просто устал сегодня.

- Хорошо, что я прилетела до этой жуткой непогоды. Смотри, как бьет в окна и скребет в дверь.

Борис подскочил на стуле.

- Принесу еще бутылку шампанского из холодильника, - сказал он и бросился на кухню.

В дверь точно скребли. Борис быстро отворил ее. На пороге стоял Андерсен с письмом. Борис выхватил конверт, развернул промокшую от снега бумагу. «Мне необходимо твое присутствие. Я на краю», - было написано прыгающим почерком.

Борис быстро нашарил в столе обломок карандаша и на этом же листе написал: «Не жди меня. Тамара приехала». Потом открыл дверь. Андерсен выжидающе смотрел на Бориса. Мужчина сунул ему конверт и вернулся к столу.

Борис сидел как на иголках. В каждом шорохе и завывании ветра ему чудился стук в окно или скрежет в дверь. «Если Анастасия придет сюда?» - думал Борис. Он еле дождался окончания ужина и поднялся в спальню. Долго не мог заснуть, ворочался и прислушивался к затихающей природе.

5

Андерсен не приходил уже три дня. Борис продолжал осторожно, втайне от Тамары, поджидать его. Он ждал его со страхом и с нетерпением одновременно.

- Что с тобой происходит в последнее время? - спросила супруга, когда Борис в десятый раз за вечер прошел на кухню, чтобы заглянуть в окно.

- Наверное, на меня действует погода. Чувствую себя нервно.

Тамара прошла по гостиной. На проигрывателе лежал диск.

- Ты слушал музыку?

- Да, ностальгировал, пока тебя не было.

Тамара запустила диск, который Борис слушал вместе с Анастасией. Заиграла та же мелодия, но она казалась Борису такой неуместной сейчас, искусственной, фальшивой. Он вышел из гостиной, прислушался у двери, потом поднялся в спальню.

Утром, направляясь на работу, Борис медленно проехал мимо дома Анастасии. Все окна были зашторены. Двор занесен снегом. Мужчина заглушил двигатель, вышел из автомобиля. Увязая в снегу, обошел вокруг коттеджа, но нигде не было ни одного следа.

Шли дни без вестей от Анастасии.

...Борис был в офисе, когда секретарь принесла корреспонденцию, адресованную на его имя. Мужчина лениво перебирал конверты с договорами, счета, пока не наткнулся на плотный лист картона - приглашение в галерею на открытие новой выставки.

«Она может быть там, - тут же подумал Борис. - А если она не захочет со мной говорить?»

Борис вертел приглашение в руках. «Пойти или нет, - мучила его мысль. - Если пойти, то зачем? Увидеть ее. И что? Просто увидеть. Услышать ее голос, встретиться взглядом. Хотя... Это нужно прекратить. У меня семья. Пройдет время и воспоминания поблекнут, желание увидеть ее притупится и все прошедшее превратится в приятное воспоминание, невинное, полное очарования приключение».

Несмотря на принятое решение, Борис поехал в галерею. Он так и не смог внятно объяснить себе, зачем. Обменяться ничего не значащими фразами, еще раз почувствовать себя втянутым в какую-то иную жизнь, где он совсем другой, где все вещи и события предстают в особом свете.

В галерее было много народа. Борис стал искать знакомые лица. Вот Максим! С женщиной в черном вечернем платье. Сердце Бориса учащенно забилось. Максим прошептал что-то на ухо своей спутнице. Она засмеялась, слегка откинула голову. Сердце Бориса подпрыгнуло и снова упало. Не она! Борис обвел взглядом присутствующих и наткнулся на Глеба Васильевича. Он шел по направлению к Борису, но, казалось, не замечал его. И вообще, сегодня он выглядел как рыба, выброшенная на берег. Потухший, сжавшийся, даже костюм на нем был простой серый, небрежно застегнутый на две пуговицы.

- Глеб Васильевич, здравствуйте! Рад видеть, - приветствовал он знакомого. На самом деле Борис вовсе не рад был его видеть, но эта встреча - возможность узнать что-нибудь про Анастасию.

- Как вы? Как ваша дочь?

Глеб Васильевич окинул Бориса таким удивленным и вместе с тем испуганным взглядом, будто он сказал что-то крайне неприличное.

- Вы не знаете?

- Нет. Что-то случилось?

- Анастасия погибла, - упали его слова, словно огромные камни, на душу Бориса. - Выпрыгнула из окна. Я думал, вам известно.

Глеб Васильевич махнул рукой, словно не понимая, что толку об этом говорить. Отвернулся и собрался уходить.

- Подождите! - остановил его Борис. - А что с Андерсеном?

Глеб Васильевич еще более удивленно посмотрел на мужчину.

- Его никто больше не видел. Думаю, он не вернется.

А ЗА ОКНОМ ДОЖДЬ...

Я подглядывала за ним в замочную скважину. Как он красив! Бледное лицо, высокие скулы, прямой нос. Глаза как льдинки. На лоб падают пряди темных волос. Я впивалась в него своим цыганским взглядом. Вбирала весь облик, всю его фигуру. Какие длинные и худые у него руки. И пальцы. Как у пианиста. Он похож на ангела. Ангела-пианиста. А за окном дождь. Льет и не знает, что где-то на земле есть мужчина-ангел. И я смотрю на него из темноты. Тучи такие серые и тяжелые. Мне двадцать лет и сегодня я увидела мужчину своей мечты.

Я в вечернем платье сижу за столом. У меня глубокое декольте и, опустив глаза я могу увидеть свою грудь. У меня красивая прическа, на пальце сверкает бриллиант и я, наверное, счастлива. А за окном дождь. Льет и не знает, что где-то есть я. Я делаю глоток шампанского, закрываю глаза и представляю вишневые деревья в цвету. Земля от лепестков вся розовая. И воздух кажется тоже розовым. Я распускаю волосы и... Мне мешает сосредоточиться звон столовых приборов. И мой муж, а по совместительству ангел-пианист, который разговаривает рядом. Я недовольно хмурюсь в его сторону и делаю еще одну попытку. Я на острове. Предположительно в Греции. Горячий ветер гладит мое лицо... Боже мой, но почему дождь все идет, а муж все говорит. Мне тридцать лет и я хочу помечтать.

Я хожу по большому дому в шелковом платье цвета изумруда. С бокалом мартини. А за окном дождь. Льет и не знает, как я лежала под простыней, улыбалась и чувствовала себя невероятно счастливой. Если протянуть руку вправо - ухватишь пустоту. Если влево - коснешься Его. На полу валялось платье. И кольцо. Кажется, оно мне больше не понадобится.

Он приготовил пасту. Наполнил бокалы красным вином. Целовал мои плечи. Мне тридцать семь и, кажется, я влюбилась.

Я плотно сжимаю накрашенные губы. Надеваю плащ и темные очки. А за окном дождь. Льет и не знает, что песня ангела-пианиста окончена. В пустом доме холодно. Или этот холод во мне. Я подхожу к зеркалу. На меня смотрит Женщина. Красивая. Сильная. Наверное, счастливая. Одинокая.

Борис БОНДАРЕВ

Борис Бондарев родился в Змеиногорске в 1945 г. Окончил Алтайский политехнический институт им. И.И. Ползунова. Печатался в газете «Прогресс», журнале «Алтай» и других периодических изданиях. В 1996 году издал первый сборник стихов «На изумрудном озере». Сотрудничает с алтайскими композиторами. Песни на его стихи звучат по радио, телевидению.

Живет в г. Барнауле.

ЛЮБЛЮ МОЙ КРАЙ

Я люблю изнеженные зори,
Облаков бездомный караван,
Колки белоствольные в дозоре
В окружении цветных полян.

Дымкою подернутые дали,
Свист литовки, сочную траву,
Ключевой изгиб булатной стали,
Шелестящую на ветерке листву.

Костерок у свежего покоса
Под негромкий говорок ручья.
Потеряшки - бисерные росы,
Переливы в трелях соловья.

А еще - алтайские просторы,
Шири неоглядные полей.
Зазывной гармошки переборы,
На пролете всхлипы журавлей.

Озерки предгорной Кольвани,
Вычурные изваянья скал.
Пихты, словно рать на поле брани,
И Глядена горный перевал.

Я люблю мой край светло и свято.
Отовсюду я к нему стремлюсь,
Как и мои прадеды когда-то,
Видя в нем таинственную Русь!

* * *

Там, где ручей у дороги
Моет холодный песок,
В грусти и вечной тревоге
Стонет пастуший рожок.

Вот одряхлевшая хата,
Скрытая кроной ветлы,
Здесь ли я в детстве когда-то
Видел волшебные сны.

Юношей здесь длинноногим
Встретил я радость свою...
Нынче на пыльной дороге
Вновь, как и раньше, стою.

Вот этот дом, это место.
Ты здесь когда-то жила,
И на скамье, под навесом,
В полночь мальчишку ждала.

Помнишь ли тихие зори?
Снова вздыхаю: «Приди».
Губы сомкнутся до боли,
Вырвется стон из груди.

Что же ты счастье пророчишь,
Месяц, играя в ручье?
Милая, ты не захочешь
Выйти сегодня ко мне...

СПОР КАТУНИ С ТИШИНОЙ

Необычайно чистый воздух
Звенит, как тонкая струна.
День суетный спешит на отдых,
А ночь в истоме прочит сна.

И тихий колыбельный шепот
Ведет кедрач в разливе трав.
Одна Катунь в водоворотях
Грохочет, тишину поправ!

На шиверах водою пенной
Гранит шлифованный обдав,
Несется, вырвавшись из плена,
Вдали свободу увидав.

Извечная борьба Катуня
Идет с таежной тишиной,
Ее волна - полет лазури -
Смешалась с краскою ночной.

Никто из них понять не хочет,
Кто должен в споре уступить,
Катунь задиристо грохочет,
А тишина немая спит...

И я запомнил: как в единый
Размерный ритм сплелись враги -
Катунский бубен переливный
И тишина ночной тайги.

ИЗМЕНА

Закат за лесом заплутал,
Повис над миром сонно-мгlistым.
Я верность нынче потерял
В глазах доверчиво-лучистых.

Гитара поздняя звенит,
Роняя песнь во мгле незримой.
И горькой правдою налит
Бокал любви неповторимой.

Чего-то я не доглядел,
Спеша в кипучей круговерти.
Выводит совесть на расстрел
И мне с ухмылкой в сердце метит.

Прощаясь, слышу за спиной,
Мол, наши чувства устарели...
И горько мне, и не смешно,
Что ты своей добила цель...

БАБЬЕ ЛЕТО

Осень красит в тональности желтого цвета
Листья белых берез и лесную траву,
Бродит солнечный день в царстве бабьего лета,
Я как будто во сне в этой сказке живу.

Перебор ручейка. Солнце в заводи тинной
Отражается матово в сонной воде.
Ветви тонких рябин дарят кисти - рубины,
И плывут облака по большой синеве.

Я немного грущу, когда клин журавлиный
В перелете внезапно прорвав тишину,
Тронет сердце мое, прокурлыча ранимо,
Устремившись на юг, покидая страну.

Далеко-далеко, окаймив Синегорье,
Дремлет призрачный лес, в серой дымке застыв.
Ветер свеж и прозрачен, доволен привольем,
Кружит, палой листвою поляны прикрыв.

Я осенние шорохи бабьего лета,
Подвенечный наряд золотистой листвы
Завяжу узелком в светлой памяти где-то,
Заплету в кружева паутинной канвы.

БЫЛЬ-ДЕРЕВНЯ

Бабье лето тепло унесло,
Блики льда в придорожной канаве,
Здесь когда-то стояло село,
Но реформы его доконали.

Бьет неистово ветер в лицо,
Снег в озябших ладонях не тает,
Солнце с мраморно-бледным венцом
То появится, то исчезает.

Быль-деревня и мертвая даль -
Ни кола, ни двора и ни пашни,
Лишь гонимая ветром печаль
Кружит, выюжит над полем вчерашним.

Как Мамай по Руси прошагал,
Опустела кормилица наша,
И пестрит через снежный прогал
Вся бурьяном заросшая пашня.

Вот такие теперь времена:
Умирают село и надежда.
Что ты думаешь, горе-страна?
Что ты ждешь, своенравный невежда?

Вновь пронзительный ветер завыл,
И с покоем прощаются кроны.
Над крестами забытых могил
Черной стаей взлетают вороны...

Анатолий КИРИЛИН

Анатолий Кирилин родился в 1947 году в г. Барнауле. Автор нескольких книг прозы. Издавался и печатался в Барнауле, Новосибирске, Москве.

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР*

Маленькая повесть

ЭТО, СКОРЕЕ, КОНЕЦ ПОВЕСТВОВАНИЯ, А НЕ НАЧАЛО, ЭПИЛОГ НА МЕСТЕ ПРОЛОГА. ТАК БЫВАЕТ? НЕ ЗНАЮ. МОЖЕТ БЫТЬ, ЗНАЕТЕ ВЫ...

Я так и не получил от тебя письма. Не понимаю - почему?

Даже не знаю, в чем дело... Почему-то наши почты несовместимы, может, это знак? А я отправляла несколько писем. В одном из них было то, что я бы хотела, чтобы Вы услышали. Сейчас вот снова пишу и думаю, дойдет ли? Читаю стихи Верстакова, - мы с Вами говорили о нем, - и они меня в большинстве своем не впечатляют. И все-таки... Прочитайте вот это, в нем почти то, что я хотела сказать в одном из недошедших до Вас писем.

* * *

Был дождь со снегом в праздник Покрова.
Листва была сыра, а крыши белы.
Мы говорили глупые слова
и в лужи попадали то и дело.

Она умна, красива, молода -
зачем я ей? Да и она мне тоже...
Пройдет октябрь, наступят холода.
Ну а пока гуляем иногда,
снег на ресницах, на щеках вода, -
на дождевую, впрочем, не похожа.

ТЕПЕРЬ ТЫ НЕ ОТВЕЧАЕШЬ НА МОИ ЗВОНКИ. Неужели все действительно так страшно? Жаль. Я думал, Высокий Промысел на моей стороне.

* Публикуется в орфографии автора.

Все не ТАК страшно, но... Я должна кое-что сказать Вам. Простите, что не сказала раньше. Я действительно сожалею об этом... Но... мы не можем быть вместе. Может быть, потом, когда-нибудь попозже, я расскажу в чем дело.

Это не означает, что я не могу говорить с Вами, писать Вам, но ведь это так мало... А я... я не смогу дать Вам то, чего Вам, наверное, хочется и чего Вы достойны. А если смогу, то это меня разрушит.

Простите и поймите меня.

Вот и вся наша история в письмах. Да, пожалуй, с тем и конец всей истории вообще. Я, правда, ответил ей что-то наподобие: мол, такова жизнь, и здесь трудно что-либо добавить. Сожалеть? Конечно! Но жизнь проистекала по своим законам задолго до наших встреч, дальше будет двигаться тем же порядком. И вот еще что - она никогда не бывает неуместна. Неуместными бывают люди, их соединение. Можно к этому относиться как ко временным неудобствам. Собственно, так оно и есть. И еще одно. Громкие выводы, определения, заявления со временем теряют не только свою силу, но и вообще самый смысл. Они чаще всего меняются на собственную противоположность. Но проверить справедливость этого может только время. На него и полагаемся. Будь счастлива!

Один освободил свою измученную душу, другой упражняется в познании родного языка

В общем, я не удержался, чтобы не высказать обиду, и тем самым поставил себя в положение побежденного. Да какого черта! Положение... Положение... Изложение... Мне сейчас слова надоедают еще до того, как они произнесены. Мне они действуют на нервы. Какой-то идиот придумал их, с тех пор нет больше ничего, только они. ВНАЧАЛЕ БЫЛО... Ха-ха! Это так, всего лишь фраза, привычное звучание, а на самом деле оно - и в середине. И в конце! Сумеете - проверьте!

Один мой знакомый принял смерть, сидя в кругу семьи, в полном сознании. Неожиданно для всех потребовал бумагу и карандаш. Написал, - причем заметьте - ровным почерком! - ВСЕ! МНЕ КОНЕЦ! И умер. Я бы отнесся к этому жесту с пониманием, если б он говорить не мог, если б ему вдруг захотелось запечатлеть на бумаге свою последнюю волю, начертать что-то сокровенное, может, греховное, стыдное... А вот так... Смерть неповторима в каждом отдельном случае, надо ли ее украшать? Впрочем, о каких это украшениях идет речь? Все те же слова! Разница - что на бумаге. А на месте родственников я бы использовал их в качестве надписи на надгробии. Представляете подобную эпитафию? Загадка! Прочел прохожий и задумался: вроде как здесь покоятся все, кто в разное время уже принял свой конец. Какой смысл возвещать миру без того очевидное? Или речь идет о каком-то ином измерении КОНЕЧНОСТИ? Может, кончилась чья-то бессмертная душа - возможно ли такое вообще? Измыкалась, истощилась, отваливая грехи того, в чьем теле была постояльцем...

Все началось намного раньше. За ее столом сидела другая, я был чуть моложе и до дня нашего знакомства думал, что свобода - это самое главное в жизни. Мне казалось, будто ОНА, та, другая, думала так же.

Более дурацкой конторы, чем наша, наверно, найти было трудно.

Я сижу за своим столом, изучаю сообщения в Интернете и в печатных изданиях, где упоминается наша продукция или фирма. Либо то и другое вмес-

те. ОНА за столом напротив занимается тем же самым. Начальница отдела, удивительно красивая стерва, сводит наши отчеты и отправляет в другой отдел. Ну, сводит и сводит, - не особенно задумывался я. Наивный дурак! ОНА объяснила мне, когда я показал число на моей зарплатной фишке... - 16.

- У тебя на столько сообщений меньше, чем у меня. Или бредятины напустил.

- С чего бы это - бредятины? - обиделся, было, я, но тут же отбросил эту глупость - обижаться - и уточнил. - Значит, что - мы контролируем друг друга?

- Вроде того.

Разговор этот состоялся давно, когда мы еще не были вместе, да и вообще имели друг о друге отдаленное представление. Но с тех пор у меня ни разу не было числа с «плюсом». Может, и раньше не было, откуда мне знать? Фишки стали выдавать на руки не так давно... Ох-хо, многие знания - многие печали! А ОНА, сколько ни просил, никогда не показывала мне свою фишку. Скорее всего, щадила, поскольку у НЕЕ наверняка начисления были выше.

Я определил начальницу стервой еще до того, как узнал про свои «минусы», а после - утвердил это звание. В толковом словаре мне не очень понравилось значение столь звучного и многозначительного слова - падаль, мертвечина, дохлятина. Что-то где-то напутано, - решил я. И еще больше уверился в этом, когда прочитал в каком-то романе, как русский эмигрант объяснял своему немецкому другу, что стерва - это чисто русская характеристика женщины, ее не перевести, не объяснить.

Начальница сидела в одной комнате с нами, но была далека, как крайний флажок на карте продвижения нашей продукции. Вон там она, где-то на Курильских островах.

- Как думаешь, кто такая - стерва? - спросил я однажды у НЕЕ.

- Думаю, женщина, которая умеет обращаться с мужчинами. Они и придумали это слово, вкладывая в него самый различный смысл. В отместку.

Еще в те времена, когда ОНА не была моей, я заметил эту ЕЕ особенность отвечать. Да и вообще разговаривать. Говорит, говорит, потом раз - и закончит фразу одним словом. Иной раз и мысль оборвет, ЕЙ это ничего не стоит.

Сейчас я с трудом вспоминаю ЕЕ лицо, даже не верится: как это я мог - взять и забыть? Иногда мне кажется, что ОНА была точь-в-точь похожа на нашу начальницу, те же длинные пепельные, - у МОЕЙ чуть темнее, - волосы (нарощенные, - сказала мне ОНА, а у меня фантазии не хватало представить, как это - приклеить волосы к волосам?), тот же немного удлинненный породистый нос с горбинкой, чуть раскосые лазуритовые глаза с пиритовыми искрами, чувственные губы, застывшие в полуулыбке... А главная примета в этом замечательном лице нашей начальницы - широко расставленные скулы, что делает ее похожей на монгольскую княжну из далеких веков.

Да нет же! ОНА совсем другая - и волосы темнее, и скулы - хотя и выдаются, но не так сильно, - и глаза серые с запрятанным в глубине светом - как прозрачный обсидиан. При чем тут лазурит? Совсем другое! И губы... Никакой заранее придуманной улыбки, они у НЕЕ чуть приоткрыты и ослаблены - будто всегда готовы к поцелую...

- А если я тебя соблазну, - спросил я однажды. Просто так спросил, от нечего делать.

- А если я?..

Об умении внезапно исчезать, ненаписанном романе и тяге к здоровому образу жизни

Встала и ушла. И больше в этот день не возвращалась. И начальница, вернувшись из главной конторы, ни слова не сказала по поводу ЕЕ отсутствия. Будто бы ЕЕ и не было никогда, и стол напротив меня пустовал изо дня в день. Лишь некоторое время спустя я задумался об этой ЕЕ способности исчезать, словно растворяясь в небытии.

Все-таки ЕЕ работа отличалась от моей. Хотя бы тем, что ОНА часто ездила в командировки. В Москву, например, или в Питер. Что ОНА там делала - мне было неизвестно. Раз спросил - ответа не получил. Зато ОНА присылала мне по электронной почте письма, скорее - записочки. К примеру.

В Москве с утра такой плотный туман, что солнце похоже на подзорную трубу Бога. Он наблюдает за нами, а мы этого не замечаем... Бабушка всегда говорила: Он сидит наверху и все видит... Вспомнила, как несколько лет назад написала стихи про возраст. А еще - про дерево, которое никак не хотело желтеть. Ну, тогда я была немножко влюблена, и получился еще один небольшой стишок - просто как ассоциация с весенним перелетом птиц. Это так красиво и чем-то напоминает любовь... А вообще - интересно наблюдать за тем, что происходит вокруг. Вот, к примеру, ехала вчера в метро, по воздушке между Киевской и Смоленской и увидела, как утомленное солнце (именно утомленное - жарой!) медленно сползло - точно лифт, по окнам Белого дома в Москву-реку. Красота - обалдеть!..

- Ты не поэтка? - спрашивал я ЕЕ, специально избегая слов «поэт» и «поэтесса».

- Нет, - отвечала ОНА серьезно, - я пишу роман.

Я рассказал ей историю про своего давнего знакомого, творческого человека, работавшего в толстом журнале, а потом - в издательстве. Дома у него постоянно толклись писатели, художники, критики, и все ценили его мнение по любому предмету искусства, который вдруг начинал обсуждаться. Больше всего он разбирался в литературе. Человек вел затворнический образ жизни. Принимая гостей у себя, сам он никуда не ходил. И все думали, что однажды из-под его пера выйдет нечто значительное, роман-эпопея, к примеру. Даже его жена несколько в этом не сомневалась. Чем еще мог заниматься знаток слова, закрывшись у себя в кабинете, не гася свет до пяти утра? И вот однажды человек умер. Вдова перевернула все его бумаги, которых, кстати, оказалось совсем не много, и ничего толкового не нашла, так, почеркушки ни о чем, заготовки редакционных отзывов и несколько рецептов, как солить капусту. Не было намека ни на роман, ни даже на повесть или рассказ. Не было ничего. Вдове выпало на всю оставшуюся жизнь гадать, что же происходило в часы ночных бдений в кабинете у мужа, а вечные завистники - писатели - тихо похихикивали, вспоминая своего товарища.

Однажды к концу рабочего дня мой старый приятель прислал за мной машину. В конце восьмидесятых чего только он не перепробовал, чтобы приспособиться к новой жизни! На тот день у него была баня. Так он называл оздоровительный центр с тренажерным залом, боксерским рингом, сауной, массажным кабинетом. Там был даже бар с несколькими столиками. В предыдущей жизни мой друг служил в милиции, потому знал, как обходить запреты, ограничения и прочие помехи подобному бизнесу.

- Могу подвезти до центра, хочешь? - предложил я ЕЕ.

ОНА молча свернула программу и пошла за мной.

- Может, пойдём оздоравливаться вместе? - спросил я, когда машина остановилась.

Вряд ли ОНА поняла, о чем шла речь, тем не менее, все так же молча ступила на асфальт и отправилась за мной следом.

Оставив ЕЕ за спиной, я заглянул в кабинет приятеля.

- А, привет! - бросил он, едва глянув в мою сторону. - Отдыхай. Попозже должны подвезти классных...

И тут он осекся. Я всегда удивлялся его необыкновенному чутью. На мой вопрос, не специально ли их, ментов, этому обучают, он отвечал, что этому никого и нигде не научат. Таких на пару сотен один, и все они нынче ушли со службы. Лучше, по его словам, босоножками на рынке торговать. Как бы там ни было, он поднялся со своего места и распахнул дверь на всю ширину.

- Прошу, - указал на мягкое кресло у противоположной стены. - Владимир.

ОНА тоже назвала себя, и они начали болтать с непринужденностью старых знакомых. Меня вроде и нет поблизости. Про рабочие места на рынке труда, про цены, про челночников и частных извозчиков... Когда они дошли до книг и мой друг потянулся к своему шкафу, я не выдержал.

- Не мешаю?

- Не-а, - последовал простодушный ответ. - А ты, если хочешь, можешь пойти в зал, мышцы помять.

- Мы вообще-то собирались в сауну, - сказал я, как о давно решенном.

ОНА удивленно вскинула глаза, но промолчала.

- В сауну так в сауну. - Моего друга ничем не прошибешь. - Где полотенца, простыни, шлепанцы - знаешь. Печка нагрета, вода в бассейне свежая. Отдыхайте!

И, водрузив на нос очки, уткнулся в бумаги.

Каждый в своей раздевалке мы обернулись простынями, я от пояса, ОНА от подмышек. Я все ждал, что ОНА заговорит, но ОНА молчала. Поди угадай, что у человека на уме? Так же молча мы зашли в парилку и взобрались на полоч.

Разница температур при сложении дает необыкновенный результат

- Ноги надо поставить выше, чтобы тепло одинаково грело все тело.

Других познаний в банном деле у меня не обнаружилось, и мы опять погрузились в молчание.

- Жарко! - вымолвила она наконец.

- Если хорошо прогрелась, можно в бассейн.

Бассейном назывался лягушатник размером четыре на три метра, зато вода в нем всегда была проточная - чистая и холодная.

- Не в простынях же туда залазить, - высказал я сомнение, - могу окунаться лицом к стене, а ты - к другой.

ОНА опять ничего не сказала, лишь тронула свою простыню и... Я был уверен, что сейчас ОНА резко пригнется, прикрывая себя руками, повалится как-нибудь неуклюже, боком в воду или, по крайней мере, отвернется. Ничего подобного! ОНА стояла передо мной открытая и безумно красивая - трепетная, прохладная и жаркая одновременно. Бог свидетель, я повидал обнаженных женщин, но сейчас передо мной открылось нечто особенное. Почти мальчишеская фигура, плоский живот, маленькие груди, темные волосы, рассыпанные по прямым плечам, темный треугольник внизу живота - вроде ничего необычного, но я в тот момент видел необычным все. Потом понял - всему виной была какая-то сумасшедшая сила, внезапно потянувшая к НЕЙ.

Не буду лгать, я растерялся и не нашел ничего лучшего, чем, сорвав с себя простыню, с криком «и-й-ех!» бултыхнуться в ледяную воду.

ОНА прыгнула следом, но тут же, охнув, стала выбираться обратно. Вода оказалась чересчур холодной.

Потом мы грелись в сауне, уже без простыней, не стесняясь друг друга. Так, во всяком случае, мне казалось. Потом мы устроились на диванчике в комнате отдыха, и я протянул руку к ЕЕ груди.

- Можно?

ОНА смотрела на меня, и из глубины ЕЕ обсидиановых глаз проливалась загадочная, завораживающая темнота.

Грудь у НЕЕ прохладная, упругая, мне хватило легкого прикосновения, чтобы закружилась голова, и возникло ощущение, выплывшее издалека, от первой близости с женщиной. Да что же это со мной! - думал я, нежно обнимая ЕЕ, зарываясь лицом в темные волосы, которые никогда и ни у кого так не пахли.

Мы долго ласкали друг друга, едва соприкасаясь телами, а потом... как-то незаметно, естественно и легко мы соединились. Мы, точно дети, заигравшиеся в песочнице, увлеклись и забыли, что пирожные и пирожки из формочек ненастоящие. Впрочем, сравнение это здесь неуместно, все было на удивление настоящим. А мне вообще ничего путного в голову тогда не приходило. И это было так похоже на счастье - болтать глупости, хохотать над ними, снова и снова любить друг друга.

Лишь некоторое время спустя я подумал, что нас никто ни разу не побеспокоил, очевидно, мой деликатный приятель перекрыл все подходы к сауне и бассейну. И понес немалый урон. В недоговоренной фразе при нашем появлении содержалось следующее: ...должны привезти классных девушек. Все знают, что оздоровительные центры предлагают и такие услуги. Мой друг сам не пользуется ими, но подбирает для своих гостей состав утешительниц с особой придирчивостью.

- Навезут страшил! - часто жаловался он. - С обочин, что ли, собирают!

ТАК ВСЕ И У НАС И НАЧАЛОСЬ - НЕОЖИДАННО И ПРОСТО.

Я снимал комнату в бывшем общежитии, где из прошлого осталась только коридорная система. Кто пошустрей сумел приватизировать несколько комнат и превратил их в квартиру со всеми удобствами. У меня тоже были все удобства, только располагались они на чересчур малой территории. Для жилой комнаты осталось всего двенадцать квадратных метров.

Излюбленным местом ОНА сразу же избрала подоконник, благо, в кирпичных домах были они широченными. ОНА могла часами сидеть и смотреть на улицу, где, честное слово, никогда ничего не происходило. Окно выходило во двор, сплошь засаженный тополями, их кроны закрывали все обозримое пространство. В эти минуты ЕЕ здесь как бы и не было, и мне казалось, что ОНА в моей комнате не насовсем, не всерьез. Я тогда не задумывался, а надо ли - насовсем? И вспомнил стишок для НЕЕ, автора только никак не мог припомнить.

Тень метнулась у окошка,
И взмахнули два крыла.
То ли птица, то ли кошка,
То ли женщина была?

Но все это случилось немного позднее - моя съемная малосемейка, сумка с ЕЕ вещами, окно с видом в никуда...

После той нашей бани ОНА не пошла на работу, а я сидел, опасаясь смотреть на начальницу, и ждал, что та вот-вот заговорит о НЕЙ.

**«Резеда» - духи из прошлого столетия.
А еще были «Серебристый ландыш», «Сирень»...**

Ничего подобного не произошло, но когда я, наконец, поднял глаза, то обнаружил в кресле начальницы ЕЕ. Мне показалось, что я схожу с ума, потому что этого попросту не могло быть, никто из кабинета не выходил, никто новый не появился. Но сомнений не было: хотя и похожи чем-то - не перепутать. Да и вообще...

Теперь я смотрел во все глаза не отрываясь, боясь пропустить мгновение, когда произойдет... А что должно было произойти? Я ни о чем не догадывался, представить себе не мог ничего такого. И ведь произошло. Это было, как в некоем слайд-шоу, когда меняется не вся картинка, а постепенно замещаются детали - волосы, лицо, глаза, одежда... У меня появилось ощущение, которое я испытал, когда в детстве читал Конан Дойла. Помните, в одной из новелл человека-невидимку избили до смерти, и все невидимые части его тела начали поочередно проявляться... И вот - передо мной сидит та, кто и должна была сидеть, кто и сидел все это время. Никакого сомнения! Просто я задремал. А что, со мной это уже случилось, и не раз: пялюсь, пялюсь в монитор и вот те на - закимарил. Большой у меня монитор - двадцать два дюйма, за ним легко спрятаться.

Объяснить-то я себе объяснил, но вот чтобы поверить до конца - не больно-то.

Вечером мы отправились гулять. А дело было, как сейчас помню, в конце июля или, может, в самом начале августа. Городок наш так себе, обыкновенная провинция в глубине Западно-Сибирской низменности. Но вот правители - все, сколько помню, отличались особенным пристрастием (то ли это по наследству передается вместе с должностью!) к веселеньким краскам. Дома по центральным улицам, - а речь идет именно о центре города, - выкрашены в розовые, голубые, светло-зеленые тона, оранжевые - просто майский праздник колеров. А еще цветы, множество цветов, посаженных в клумбы самых замысловатых форм.

Несколько раз мы обошли клумбу в виде огромной запятой с красными революционными цветами, очевидно, посаженными здесь по старой памяти - площадь Революции, так называется это место. Клумбу опоясывает неширокое кольцо мелколистных белых цветочков - резеда. Не люблю сильных запахов, но этот всегда волнует меня, напоминая, что лето в разгаре, что еще не съездил в горы, не сходил на рыбалку. Когда думаю об этом, предупреждаю себя: так, гляди, и кончатся теплые деньки. И ничего не успеешь!

- Пахнет, - сказала ОНА, и было непонятно, нравится ЕЙ это или нет.

- Слушай, - решил я на вопрос, - а если б не было вчерашнего дня? То есть - вообще не было. Или случилось когда-нибудь потом-потом, много дней спустя.

- Я думаю о том же самом, только почему-то говорить об этом не хочется. Да вот, случилось... Только не спрашивай, пожалуйста, понравилось ли мне. Я потом тебе скажу, ладно?

И опять этот взгляд - обжигающий, прозрачный и тонущий где-то за пределами понятного.

- Хочешь, я подарю тебе камень обсидиан? Это вулканическое стекло, оно бывает самых разных оттенков - от желтовато-коричневого, до дымчато-серого и совсем черного. Твои глаза напоминают его, и они меняют оттенки в разное время дня и при разном настроении.

- Мне кажется, не стоит дарить человеку то, что напоминает ему его самого. Это все равно, что старая фотокарточка. Она всегда врет... А ты про камни откуда знаешь?

Я пожал плечами, мало ли что мне известно, жизнь позади большая. И тут ОНА заставила меня вздрогнуть.

- Жизнь позади большая, да?

В ответ я сказал первое, что пришло в голову.

- Чтобы узнать камень, увидеть рисунок, надо его распилить, отшлифовать, отполировать.

- Отполировать, - задумчиво повторила ОНА, и отбросила незаконченную мысль. - Видишь, ты и про камни знаешь, и, судя по всему, еще много чего. Странно, что ты сидишь в нашей конторе, с этой работой любой школьник справился бы.

- А ты? - Я далеко не высокого мнения о своей работе, но за школьника стало немного обидно. - Меня вот, к примеру, карьера не интересует.

- А меня - работа, вообще всякая. У меня, как я считаю, нет амбиций домашнего формата... (впрочем, уже и профессионального - тоже... выветрились!), мне уже просто неохота ничего доказывать кому-то, я вполне самодостаточна... Но мне также неинтересно взирать на чьи-то амбиции... Просто не вижу смысла в этом. Может, потому и было - вчера... Ты свой, без стула, приросшего к заднице. Хотя... Вполне вероятно, я ошибаюсь.

Я слушал ЕЕ, смотрел на НЕЕ и не чувствовал никакого сближения. А ведь, честное слово, я хотел этого. Я полночи провел у окна, и сейчас уверен, что ловил в воздухе привязчивый запах резеды, я думал о НЕЙ, я не хотел скорого расставания. Даже удивительно: подумаешь - переспали!

- Ты ведь знаешь, что я почти вдвое старше тебя...

- Знаю, конечно. И что? Я же не собираюсь за тебя замуж...

Завтра ОНА летит в Питер, а он приглашен на свидание с борщом и горилкой

- Не собираешься. Ну да, конечно...

Сорок восемь и двадцать пять, - высчитал я про себя, и в эти минуты мне казалось, что я больше всего на свете хочу, чтобы ОНА была рядом. Это я-то, распутивший по белу свету все, развеявший по ветру сущее и святое - лишь бы остаться одному! Быть одному! Наслаждаться одиночеством! И вот... Снова заводить отношения...

- Отношения, говоришь? - опять заставила ОНА меня вздрогнуть. - Знаешь, я хочу, чтобы у меня были красивые отношения, а не как у всех. И если они не получаются таковыми, так уж пусть лучше вообще не будет отношений... Я, к сожалению, как черно-белое кино... либо все, либо ничего. А всеми другими «ОТНОШЕНИЯМИ» я сыта по горло... и даже больше... И повтора не переживу. Впрочем, даже пробовать не стану.

Вечер уже, но в это время года разницы дневных и вечерних температур почти нет. Разве что запах резеды становится еще более насыщенным.

- Завтра лечу в Питер.

Вот так. Между прочим. И язык мой не поворачивается спросить - зачем?

- Зачем? - ОНА расстегнула свою сумку и тут же закрыла вновь. - Понятия не имею.

Событие есть - и события нет. Во всяком случае, говорить не о чем.

- Хочешь, я пока поживу у тебя? - неожиданно предложила ОНА.

- Пока?

- Ну да, пока мы не надоедим друг другу.

- Нет, не хочу. Не хочу - чтобы пока.

ОНА рассмеялась, закрыв глаза. А мне так хотелось заглянуть в глубь этих таинственных осколков и получить хотя бы один ответ на бесконечное множество вопросов. Завтра же спрошу у начальницы, решил я.

И спросил.

- Где ОНА? - повторила мой вопрос светловолосая красавица, являвшая всем своим обликом женское совершенство. И как дополнение - пренебрежительный взгляд, мельком скользнувший по мне. - Понятия не имею.

Стерва! Стерва! Стерва! - рвалось из моей груди, но вместо этого я спросил как можно спокойнее.

- Вам муж не изменяет?

Последовала весьма странная реакция. Она вытянула перед собой тонкие пальцы с модно обработанными ногтями, внимательно посмотрела на них и сказала так же спокойно. - Я вас не уволю, вы мне нравитесь. Так разве - подкорректировать чуть-чуть. Но это потом.

- Как бы там ни было, в ресторан я вас не приглашу, - совершенно обнаглел я.

- Ах, какой отгадчик! Я именно это только что собралась сделать - пригласить вас в ресторан. Для начала - пообедать.

- Для начала?

- Ну да, ужин у меня занят.

- И я, конечно же, немедля подпрыгнул и побежал: до туалетной комнаты вас проводил, креслице придвинул, официанту щелкнул пальцами...

- Вот как здорово! И учить ничему не надо! - Она потянулась, как кошка со сна. - Вперед!

И я, - Боже правый! Когда ты лишил меня разума? - пошел вслед за ней. На полшага позади - такое расстояние, решил я, говорит о том, что идем мы вместе, но близких отношений между нами нет.

- Вы что, молвы боитесь? - опять отгадала она мои мысли. - Я чувствую себя подконвойной.

А хороша, черт возьми! Все в этой синеглазой блондинке как-то ладно - прическа (приклеенные волосы! - напомнил я себе), фигура без малейшего изъяна, костюм, крой которого можно отнести и к деловому стилю и к фасону для прогулок, даже длина юбки и высота каблучков сочетаются, я убежден, в результате тщательного подбора.

Станным образом мы оказались возле знакомой клумбы с резедой. Днем цветочный аромат не такой резкий, но все-таки не заметить его нельзя. Кстати, мою начальницу зовут Марией. На работе Сергеевн, а здесь... Уж и не знаю.

- Как повелите обращаться к вам? - спросил я с издевкой.

И только тут обратил внимание, что она стоит, прикрыв глаза, и ловит трепетными ноздрями запах резеды.

- Нулевой километр. - Она кивнула на стоящий поодаль гранитный столб с этим самым обозначением - нулевой километр. - Подойди, сделай шаг - и началась новая жизнь! Может, так и надо? Ведь на самом деле все очень просто. Даже отмерено за тебя!

В ресторанчике под названием «Печки-лавочки» нам принесли борщ в глиняных горшках, к нему - плоски со смальцем, горчицей, хреном и горячие булочки.

- Украинская кухня. Не хватает горилки, - заметил я.

- Но-но, мы на работе.

- Совсем забыл, вам же еще надо дожить до ужина. А я, пожалуй, хлопну граммов сто.

В меню и вправду обнаружилась горилка, бог знает, какого качества, но назывался напиток именно так.

Борщ оказался по-домашнему вкусным, я наслаждался едой, но это не мешало мне мучиться над вопросом: чего же хочет эта женщина? Вспомнил фильм с похожим названием, попытался оживить в памяти некоторые из своих многочисленных попыток ответить на этот вопрос - чего же? Увы, как всегда, ничего путного в голову не пришло.

Следующим номером ресторанной программы была сковорода с шипящей бараниной (сорт мяса она согласовала со мной) на деревянной подставке.

- А называть вы меня можете... Марией Сергеевной, вам прекрасно известно мое имя.

Вот так, - отметил я про себя, - Мария Сергеевна - даже и вне работы.

- Думаю, это никак не повлияет на наши отношения. Хотя я прекрасно знаю, что моложе вас. И прилично.

Мне захотелось надерзить ей.

- Во всяком случае, в дочери вы мне не годитесь.

- Да, здесь у НЕЕ изрядное преимущество!

Я сразу понял, что речь идет о моей напарнице. Вот так! Получи!

С бараниной мне пришлось расправляться одному. Я ел и думал, что калорий теперь хватит на неделю, так сытно мне вообще-то поесть не удастся. Я нахваливал блюдо и что-то говорил ей насчет экономии места в ее желудке для предстоящего ужина, который, судя по всему, обещает быть судьбоносным. Я так и сказал - судьбоносным. И еще добавил, что, разумеется, он будет проходить не в этой забегаловке. Тут я перебрал, ресторан, где мы сидели, называется простенько, но считается вполне приличным местом. И не дешевым.

- Официант! - позвал я. - Еще двести горилочки! Дюже гарна самогонка!

В сорок восемь забывают про любовь. В сорок восемь влюбляются, как в двадцать

Странное дело, почему-то в этот момент я абсолютно выпустил из головы мысль о состоянии моего кошелька.

Она потягивала брусничный морс, - фирменный напиток заведения, - и смотрела на меня не отрываясь. И не было в этих лазуритовых глазах прозрачной глубины, в которой я так недавно купался и тонул. Передо мной - стена, твердыня.

- А муж мне изменяет. Вас, кажется, не так давно интересовала эта тема? И знаете, почему он это делает? Да по той же причине, из-за чего изменяет своим женам половина из вашего племени. Это своего рода оборона, если хотите - превентивная мера. Он убежден, что я изменяю ему, и вот - достойный ответ господина, властелина, хозяина...

- А на самом деле вы...

- Только собираюсь. Но соберусь непременно, можете не сомневаться.

Ну, и какая мне после всего этого работа? Я простился с ней у входа в ресторан и, сделав круг по площади, вернулся к нулевому километру. Надо же, здесь проходят тысячи людей, у которых нулевая отметка находится где угодно, только не на этой площади. Моя, например, в одноэтажном сером бараке, общаге для вчерашних зеков, и случилась она в тот час и миг, когда только что вернувшийся из лагеря сосед Кривун зарезал другую нашу соседку тихую Петуню. От любви. Чтобы, говорит, никому больше не досталась, а его, Кривуна, жизнь все равно пропащая. Загубил одного, загубил двоих, троих, а потом - какая разница? Я смотрел на каменный столб с отметиной, и дурной голос блажил в глубоком моем нутре:

- Начни сначала!

Песенка дурацкая, вроде, известно откуда, из каких времен, а про что?

Итак, мне сорок восемь лет. Я работаю в фирме, которая никакого значения для экономики и в целом для жизни нашего замечательного Отечества не имеет. Впрочем, масса народу приложила массу усилий, чтобы никто и ничто вообще никакого значения для этой самой жизни не имел. Поначалу я, признаться, думал, что наши предприятия выпускают презервативы. Не успел я отработать неделю - заявляется дама прискорбного возраста и начинает на меня кричать из-за отвратительного качества нашей продукции. В конторе, как назло, кроме меня, никого, а из сумки у дамочки торчит несколько упаковок с презервативами. Я, конечно, растерялся, но решил проявить инициативу и заявил, что мы, то есть фирма, заменит весь приобретенный ею товар на добротный. При этом я как бы невзначай указал на ее полураскрытую сумочку. Я, к сожалению, не отгадал, и что тут началось!.. Не знаю, запомнит ли посетительница меня, но я ее, точно, помнить буду долго.

Про любовь я забыл, когда расстался со своей женой и вслед за тем со спокойной легкостью, - как бы поделикатнее выразиться, - сходил до крайней близости с любой более-менее привлекательной женщиной. Потом это никчемное занятие мне приелось, потом вроде опять возымело некоторое значение для моей пустующей жизни. Но вскоре я стал замечать, что далеко не с каждой могу сходить, чтобы иметь эту самую близость. И тогда я стал задумываться, что дело не только во плоти и ее привлекательности. И я вновь вспомнил... Боже мой! Вразуми чад твоих вовремя или уж отними разум вовсе! Я подумал, что, скорее всего, поначалу мне надо влюбиться, а уж потом затевать плотские отношения.

И вот я влюбился. То есть в той жаркой парной и ледяном бассейне у меня и мысли об этом не было, все началось потом, когда ОНА уехала. Сначала чуть-чуть. А когда ОНА уехала в следующий раз, это чуть во мне многократно разрослось, и я начал тосковать.

Напомню, был разгар лета. Все цвело и зеленело, больше всего хотелось на реку и в горы, меньше всего - на работу.

ОНА явилась в полупрозрачной блузе из белоснежной жатой марлевки и желтых бриджах под цвет сандалий. Или наоборот. Что под цвет чего - запросто могу перепутать. Я прекрасно знал, что ОНА вернулась всего лишь из Питера, и все-таки меня не покидало ощущение, будто ОНА побывала где-то за далекими морями. Когда начальница отвлеклась, ОНА поцеловала меня в висок, и я неожиданно для самого себя выдохнул:

- Аленький цветочек...

После работы мы опять пришли к нашей клумбе. Зачем? Понятия не имею, просто ноги сами привели.

- А зачем ты сказал про Аленький цветочек?

- А зачем ты притворяешься, что не знаешь?

- Ты хочешь сказать, что поцелуй - это был желанный подарок из-за трех морей, из тридевятого царства и тридесятого государства?

- Что-то в этом роде, только я не помню, сколько в той сказке было морей и государств.

Мы купили свежих булочек, сыра с плесенью под названием Дор блю и полдюжины бутылок пива. Я не сразу поверил, что ЕЙ, как и мне, нравится этот подозрительный сыр с плесенью, и даже едва не начал разговор по поводу возможного дисбактериоза от чрезмерного употребления Дор блю.

- А знаешь, вообще-то этот сыр рекомендуется есть с орехами и виноградом, - опередила ОНА меня. - А еще, я думаю, ты должен попробовать французский рокфор, итальянскую горгонзолу и английский стилтон. Эт-то что-то!

Мягко говоря, я был ошарашен.

- А ты что, все это уже пробовала? Я в наших магазинах ничего подобно-го не встречал.

- В наших - да, - уклонилась ОНА от прямого ответа.

Придя домой, мы сняли с себя все, поскольку даже самая мануфактурная малость прилипла к телу, пытаясь его расплавить. Пиво недостаточно холодное, сыр тоже не мешало бы подержать в холодильнике, а булочки... Ну, что может доспеться булочкам! И мы обьяли друг друга, несмотря на жару, несмотря на жажду, ибо другая жажда была попросту невыносима.

- Я больше не смогу так подолгу тебя ждать, обходиться без тебя, слышишь?

- Слышу, милый, но я думаю, только там, за тремя морями, можно понять и почувствовать, что же происходит здесь. Со мной, с тобой, с нами...

С этими словами она откатилась на другой край постели и раскинула руки, точно уставший странник, встречающий долгожданный рассвет. И оказалась настолько чужой и далекой, что у меня даже дыхание сбилось.

А потом мы остужали себя холодным (остывшим за время наших объятий) пивом, и это было божественно - немецкий сыр с плесенью, а вместо винограда и орехов - пиво и булочки.

- Ты знаешь, - сказала ОНА, вот мы вроде употребляем калорийную пищу, а я все больше и больше хочу есть. Странно, да?

- Глупая! Это же так просто - это называется любовным голодом!

Бывший человек хочет возобновить свою бывшую жизнь и вспоминает бывшую любовь на родине предков

- У-у-у-у, а это, - ОНА провела рукой по моей груди, - а это - любовный пот.

- А это, - я резко перевернулся на живот, - любовное ложе. А над нами - любовный свод, там - любовное окно, за стенкой любовный душ... И... У меня замечательная идея! Давай наберем номер какого-нибудь кафе или ресторана и закажем пиццу. И нам принесут ее прямо сюда, в нашу любовную квартирку, и пицца будет любовной пищей...

- Которая не даст нам умереть от любовного голода! Ты хорошо придумал, только это ужасно дорого, у нас не хватит денег.

- Чертовы деньги! - Опять я выпустил это обстоятельство из виду. - Ладно, поступим иначе. Я быстро сгоняю в магазин, куплю сосисок и еще булочек. Будем их есть и думать, что это наша любовная пища. А пиво - это божественный нектар, доставленный нам прямо из садов Семирамиды.

Я так и сделал, а вернувшись застал ЕЕ одетой, готовой к уходу.

- Вот как?

Не трудно представить мою физиономию в эту минуту.

ОНА рассмеялась.

- Я ухожу ненадолго, а до конца наших дней еще целая вечность.

Лучше бы она этого не говорила! Лучше бы не приходила сегодня! Лучше бы не возвращалась из Питера! Лучше бы ЕЕ вообще не было! Я не находил себе места в смятении, я пытался остановить себя: остынь, стань прежним, когда каждая из череды многих не оставляла болезненных ощущений, просто исчезала - из дома, из головы, из жизни... Но у меня ничего не получалось, я даже к зеркалу подошел - я ли это! «Исчезли юные забавы...» - издалека прилетела строчка. А следом - вихрь в голове: уволюсь, уйду, исчезну, уберусь

куда подальше! На черта мне эти испытания, эта унижительная должность и столь же унижительная зарплата, эта с каким-то непонятным вывертом красивая начальница, эта - ЭТА!.. Я же не пропащий, я многое могу, я был человеком уже в восемнадцать. А сейчас тебе сорок восемь, - подсказал я сам себе, - и никому твой диплом, как и все твои знания и умения не нужны. Ты жалкий регистратор и даже толком не знаешь, как твоя должность называется...

Я включил компьютер, пошарил по социальным сетям и наткнулся на одной из страниц на предложение: доставка обедов на дом предлагает дружить. Думаю, если бы дружба и состоялась - на цену заказа это вряд ли повлияло бы. Впрочем, разговор запоздалый.

Маленькие шустрые испанцы победили здоровенных медлительных голландцев.

Вот и завершился чемпионат мира по футболу. Жалко принцессу Беатрикс! Она верила в победу своих... Привет, Беатрикс, не грусти!

Новый день начался как обычно. Я написал ЕЙ на ICQ: как спалось? В ответ ОНА прислала рожу с алым отпечатком губ на щеке - поцелуй. На обед мы с НЕЙ не ходим. Я привык вообще не обедать, ОНА приносит в пластиковом контейнере какую-нибудь готовую еду и разогревает ее в микроволновке, в задней комнате, напоминающей чулан.

- Будешь? - обычный вопрос.

- Нет, - как всегда, отвечаю я.

Начальница каждый день уходит на обед, вернее - садится в свой «ситроен» и уезжает. Но сегодня что-то произошло, она никуда не поехала, вообще не стронулась с места. В общем, я едва дотерпел до конца рабочего дня.

- Пойдем, поужинаем где-нибудь?

- Сегодня не могу, - сказала ОНА куда-то в стол.

Я едва удержался от расспросов.

- Давай хоть провожу немного.

Мы вышли на крыльцо, перегретое дневной жарой.

- Кстати, ты ничего не рассказала про Питер. Что там, как?

- Питер... - ОНА задумалась на минуту. - Я бы никогда не стала жить в Питере. Город-памятник... Чувствуешь себя в нем, в центре особенно, как школьник на экскурсии. Идешь - и кажется: вот сейчас увидишь на доме табличку «руками не трогать!»

- Странно! У меня в Питере были совсем другие ощущения. Правда, это случилось давно...

ОНА будто и не слышала меня.

- Интересно другое - присутствие всех времен... А еще - из Питера трудно возвращаться, и это при том, что я уже сказала: никогда не стала бы там жить. Не знаю, в чем дело, но я думала о тебе, и ты казался таким же нереальным, как встреча где-нибудь на Фонтанке с Пушкиным. А в другие дни, наоборот, я чувствовала тебя ближе, чем здесь, хотя должно бы быть иначе. Я несколько раз видела тебя во сне, смутно, правда, помню, о чем сны, вроде я прикасалась к тебе непонятному, какому-то запредельному и демоническому. И приставала с вопросами - какой ты на самом деле?

Смотрю на НЕЕ и думаю: тот же самый вопрос я уже много раз мысленно задавал ЕЙ. И это было не во сне.

- А где ты живешь? До сих пор не знаю.

- Там. - ОНА махнула рукой в направлении спальных кварталов. - С мамой.

Та-ак, - подумал я, тема развития не получит. А с языка готово сорваться глупейшее из глупого: познакомь меня с мамой.

- А у меня с Питером связано многое, - решил я вернуться к началу разговора, - и неудивительно, что я там являлся тебе в неких представлениях. По адресу Рубинштейна, 33 жила моя матушка, там же родилась моя сестра 5 октября 1941 года. Нетрудно представить, что постигло нашу семью. Блокада, голод, цинга, дистрофия, Барнаул. Так что я, хотя и родился в городе Б., корнями все из того же Питера. Страстно влюбился в начале 80-х в питерскую женщину. Она была замужем и связь наша - греховна, прости господи! Я ведь тоже тогда был женат. Я срывался из любого конца страны и мчался к ней в Питер, и так продолжалось два года. Мой лучший друг Георгий Алексеев, в чью честь я назвал сына, живет в Питере, художник. Я приезжаю к нему, когда могу. Наконец, свой медовый месяц с последней женой я провел в Питере, рванув на самолет прямо из загса. Там и чудеса случались. Идем с молодой женой возле Исакия - навстречу моя родная сестра, которая жила тогда в Рязани. Оказывается, ей, как блокаднице, дали путевку в Питер с разными экскурсиями. У них в автобусе была куча свободных мест, и мы попали на такие экскурсии, куда бы в жизнь не собрались. Вот так, дорогая моя, ничего случайного в мире нет. Как я вообще не свел там тебя с ума своим присутствием?

- А она, та, из Питера, где сейчас? И почему ты не остался с ней?

- Я хотел развестись и жениться на ней, я настаивал, даже требовал, но она сказала, что не может предать мужа. Да, тот не смог бросить весь мир к ее ногам, да, она готова в любой час сорваться и лететь ко мне хоть за тридевять земель, но бросить его она не в силах... Где сейчас? Была в Америке, в Сан-Франциско. Новый муж (заметь, все-таки новый!), американец, увез ее туда и вскоре скончался. Вроде, там наследство приличное. Сейчас, по моему, она снова в Питере.

Я не стал продолжать, иначе пришлось бы рассказывать, что я однажды на удачу взял и набрал старый телефон моей питерской возлюбленной. И - о, чудо! - ответила мне она.

Всему свое время, путешествию с котомкой - тоже. И опять - похожее друг на друга женщины

Ответила после двух десятков лет, после того страшного расставания, когда я настаивал на браке, а она говорила, будто муж не виноват в том, что не смог заполнить собой весь мир. Это сделал я, но не ценой же предательства наслаждаться миром... После Америки, после... не знаю еще чего. Хрипловатый голос курящей женщины отозвался в телефоне:

- Это ты?

Потом мы говорили и говорили. Будто не было всего между тогда и сегодня. А, может, и вправду не было? Вот и адрес прежний и телефон, только голос изменился. Мне запомнились ее слова о желании странствовать по миру всего лишь с котомкой. Мне не хватило этой ночи, этого бесконечного разговора, и я послал ей письмо по электронной почте.

Давно ТАК не разговаривал с тобой. Хотя разговаривал постоянно, годами. Сколько их прошло! Все перед глазами, все близко - потрогать можно. Это аксиома - мы знаем себя только молодыми, мы никогда не признаемся в собственной старости. Да и не случится она, я-то знаю, как человек, проживающий одиннадцатую жизнь. Как не отбивайся - ты в моих объятиях, сильная, смелая, противостоящая и... сдавшаяся. Нельзя прекрасное выбрасывать из жизни, это безнравственно, это бесчеловечно. Мы уйдем па-

ломниками - в Индию ли, в Афон, или на плато Укок - нас никому не догнать. С котомкой, говоришь? Ну, значит, с котомкой.

И все. Ответ затерялся в космосе. Ответа попросту не последовало. День, другой, месяц... Тогда я написал.

Неужели напугал? Поспешу заверить: все мои движения сегодня совершаются, как нынче говорят, виртуально. Иными словами, я дерзновен, не сходя с дивана. Понимаю, за сим должно последовать разочарование - закон жанра. А впрочем - ерунда все. Ох, какая же ерунда!

И опять нет ответа. Я позвонил.

- Наверно, то, мое первое письмо озадачило тебя?

- Ты знаешь, мне кажется, в этом случае ты выразился точно - озадачило.

И больше не было ничего - ни писем, ни звонков.

Остаток дня я ходил по городу, отсчитывая автобусные остановки, пытаюсь измотать себя ходьбой. И вдруг я подумал о том, что они очень похожи, моя питерская подруга и ОНА!

Почему-то раньше мне это не приходило в голову, а ведь сходство просто удивительное. Фигура, волосы, скулы, глаза... Впрочем, разрез глаз одинаков, а радужка у той, далекой, под цвет питерского серого неба, ненастье в глазах. Слово зацепило - далекой, а ОНА разве близкая? И кто же из них дальше?

Я пришел домой, когда начало темнеть. Квартирка моя в этот вечер показалась мне как-то по-особенному неудобной. Из угла в угол, из угла в угол - я не знал, куда себя девать. Мечась по комнате в полумраке, я чувствовал, как у меня закипают мозги, и ничего не мог придумать, чтобы успокоиться. Бухнулся на колени перед образами, выставленными на книжной полке.

- Господи! Ты помог мне, дав возможность снова почувствовать свое сердце, найти его живым, ты позволил мне полюбить. Помогите теперь, прошу тебя, Господи, сохранить обретенное, не спугнуть, не растратить, удерживать ЕЕ, птицу неведомую!

Поднявшись с колен, я приблизился к образам и с изумлением обнаружил, что все они повернуты ликами к стене. Кому это понадобилось, для чего? Кроме НЕЕ за последние месяцы здесь вообще никого не было. Неужели ОНА? Нет, чушь какая-то! Я расставил иконы, как было раньше, задержал в руках маленький образок своего ангела хранителя - мученика Анатолия.

- Угодник Божий Анатолий! Поминай меня в благоприятных твоих молитвах пред Христом Богом. Да сохранит Он нас от искушений, болезней и скорбей. Да дарует Он нам смирение, любовь и кротость... Смирение, любовь и кротость.

Анатолий с иконки смотрит одновременно на меня и куда-то дальше, словно сквозь прозрачное тело... Эту иконку привезла мне дочь из Иерусалима, когда ей только что исполнилось десять лет, и их возили в Израиль с концертами. Она всем привезла их покровителей - и брату, и маме, и мне. Рядом с моим маленьким киотом портрет дочери с обезьянкой на руках. Обезьянка живая, я помню, как мы собирали деньги, чтобы привезли ее в садик, а потом все ребяташки фотографировались с ней по очереди. Дочери здесь пять лет, и она совсем не похожа на свою мать. Сходство появилось гораздо позднее, ближе к окончанию школы, и уж с тех пор никуда не девалось, только усиливалось. У меня защемило сердце, скучать по своим близким и родным я научился совсем недавно. Это произошло как-то незаметно, вдруг, наверно, так же, как подкрадывается старость. Всех раскидало по белу свету, ко всем дороги лежат через тысячи километров, даже вечные поселения тех, кто ушел навсегда, слишком далеки от меня. И сердце не то просится к ним, не то зовет: придите, хотя бы загляните на огонек!

Несколько дней повторялось одно и то же, день на работе, вечер - в пустой квартире. Без НЕЕ. А потом ОНА уехала в Москву. А потом - приехала. Вечером ОНА не давала мне рта раскрыть, рассказывала всякие истории. Как ОНА, к примеру, встретила там свою подругу и они пошли в салон делать прически. (Я еще подумал: какая ЕЙ прическа - гладкие длинные волосы, расчесанные на ровный пробор. И откуда у НЕЕ подруга в Москве?).

- Салон в Китай-городе, на Солянке, - говорила ОНА с каким-то новым возбуждением. - А тут пошел дождь. Наши прически вымокнуть не должны, рассудили мы, и решили переждать дождь в ближайшем кафе... Я вспомнила, что рядом, за углом, знаменитая «Экспедиция», где мы иногда бываем с Иван Егорычем (он и директор ресторана - партнеры по бизнесу), но цены там заоблачные, и нам не по карману... Но Любка захотела именно в «Экспедицию», и чисто по-русски выдала: «гуляем, я получила отпускные»... Блюда там готовятся из самых натуральных сибирских продуктов: лось, медведь, барашки, рыбы-муксуны-нерпы и прочие... И тут Нагаша, наша официантка делает глаза по блюдцу и шепчет: к нам идут ВВП и ДАМ! Не могли предупредить заранее! Зал почти полон, оставалось только два столика, вот они за крайний и сели... Заказали строганину, пиво... Ничего особенного, как все... И тут приходит пара: она... такая, знаете, блондинка, с во-о-от с таким декольте, туда такие вообще не ходят. Но ее кавалер, видно, из богатых. Официантка подала им меню, сидят, выбирают... И тут она что-то стала спрашивать у своего бойфренда и подняла глаза... И как раз за спиной бойфренда сидит ВВП. И она как его увидела, так и окаменела. У нее глаза сделались такими... ну, просто невероятно круглыми, и она замерла. Я конечно, точно сказать не могу, но мне показалось, что она и есть - не ела, и говорить не могла... так окаменелая и сидела... И они быстро ушли. Мы с Любкой прям обхохотались... А тут еще один из посетителей сбегал вниз, в магазин (у «Экспедиции» собственная сеть магазинов, баня, бар, кафе...) и притащил шкуру тигра (или леопарда, не разбираюсь) и подарил ВВП - за автограф. И мы с Любкой, конечно, пошли в магазин... Нет, это не магазин, это целый музей! Чего и кого там только нет! Основное - всякие меха, ковер из песка, соболиные шапки, шубы, муфты, бивни мамонта... в общем, навалом всякой всячины... Мы там сделали фотосессию и довольные собой ушли...

- И это все, зачем ТЫ ездила? - не нашел ничего лучшего спросить я. - И кто такой Иван Егорыч?

Хороший аппетит, мечты о Черногории и месте, где все еще живут умные и чуткие

- Иван Егорыч - старинный знакомый, он старше меня, по-моему, на полвека, и... вообще это все из другой жизни.

- Интересно, сколько у тебя этих других жизней? - Я заранее знал, что не получу ответа, и тут же поинтересовался. - И куда ж мы теперь с тобой пойдем, после «Экспедиции»?

- А давай пойдем в блинную, страшно захотелось блинов.

Заведение, куда мы пришли, называлось несколько по-другому - «Блин-картошка», там, помимо блинов с различной начинкой, давали печеные картофелины, которые тоже начиняли мясом с овощами, тертым сыром, грибами. ОНА заказала себе картошку с овощами и блин с мясом, я взял два блина с начинкой, называемой «деревенской».

- Пиво?

- Пиво.

Мне вспомнился тот вечер, когда тоже было пиво, а на закуску - сыр с плесенью. Тогда все было иначе - и вкус пива и запахи вечера.

За молчаливой трапезой в какой-то момент мы показались мне парой давних сослуживцев, надоевших друг другу на работе, и по чистой случайности оказавшихся за одним обеденным столом. Я посмотрел через ЕЕ плечо за окно и увидел (как разглядел - не пойму!) ускользящее лето. А ведь и вправду, на дворе август, месяц, который у нас в Сибири всегда несет в себе прощальные мотивы. И мне стало грустно и страшно одновременно. Ну, заговори! - мысленно просил я ЕЕ, почему-то не думая о том, что мне ничего не стоило заговорить первым.

- А знаешь, я бы еще съела блин. - Первые ЕЕ слова после затянувшегося молчания.

Ничего себе, аппетит! - подумал я, направляясь к стойке заказов.

- Кстати, - молвила ОНА, сосредоточенно разделявая блин, - в издательство «Олма-пресс» требуется, - уже целый месяц ищут, - главный редактор. Дефицит кандидатов! Мне кажется, ты бы смог. Хочешь в «Олма» работать? Москва, зарплата...

- И ты составишь мне протекцию? - усмехнулся я, удивляясь в очередной раз: откуда ОНА все это знает?

- Ну-у... - ОНА сделала движение рукой, и это могло означать что угодно. - Ты прости меня, я же любя. Ладно, не буду больше будоражить твою жизнь, ты сам все в ней решишь.

Да, - в мыслях сказал я ЕЙ и себе, - знала б ты, в какой далекой стране осталось время, когда можно было все решить - запросто и скоро.

Но вот с блинами покончено, и ОНА сказала:

- Хочу к резеде. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Я прекрасно понимал, только немного удивился, что она тоже запомнила цветы, очевидно, и их одуряющий запах, и то место...

А там ничего не изменилось, и прощальные мотивы уходящего лета пока еще не добрались туда. Не знал, что резеда такой долгий цветок - все никак не вянет.

- А я хочу, чтобы мы поехали куда-нибудь вместе...

От неожиданности я потерял почву под ногами: честное слово, я шагнул - и моя нога будто опустилась в пустоту.

- Ты же всегда едешь одна, это первое, а во-вторых, не поеду же я за твой счет, своих у меня, сама знаешь... Ну, третье...

Господи! Какой же занудой показался я сам себе в следующее мгновенье!

- Ну, а куда, к примеру?

- К примеру... Вот именно с тобой я бы поехала в Черногорию. Съездить - и успокоиться уже. А то эти страсти-мордасти крутят-вертят, покоя не дают...

ОНА будто бы разговаривала сама с собой, во всяком случае, я не понял смысла: что это за страсти-мордасти, почему они покоя не дают?

И тут прорвало плотину, снесло забор... ОНА нежно прильнула ко мне и горячо заговорила.

- Меня иной раз просто тоска душит... Не хуже той старухи, живущей у самого синего моря: хочу видеть тебя - и все, прям башку сносит. Кое-как успокаиваю себя, и мысли приходят, что тебе не место здесь, в этой конторе, ты замечательный, умный, талантливый, ты, может, и сам не знаешь, какой ты, и я вполне допускаю, что ты человек, место которого в другом измерении... Там, где живут умные, с еще не умершими душами... Наверно, это какой-то другой город должен быть... Или та же Черногория, где люди живут спокойно, размеренно, не гоняются за несбыточным... А может, все-таки не в городе дело, заberi тебя отсюда - и что ты будешь делать без своей Оби, Катуня, чемальских сосен? Понимаю, ты видишь себя в этом зеркале... Но это не твое зеркало! И жизнь твоя совсем иная, хоть и чем-то похожа...

Внезапно ОНА остановилась, будто споткнулась, схватила меня за руку и буквально потащила за собой.

- Пойдем скорее к тебе, я больше не могу терпеть! Во мне что-то такое, перезревшее, мне кажется, еще чуть-чуть - и я взорвусь!

Мы не дошли - долетели до моей квартирки. Перед глазами у меня плыл какой-то желто-красный туман, и я мог ошибиться, вспоминая потом, как она стаскивала с себя блузку, еще не переступив порог. Это действительно было трудно - вспомнить тот вечер в деталях, потому что сознание отключилось, потому что мы на какое-то время превратились в дикарей. Нет, дикарь - это все-таки человек, а мы перестали быть людьми. Смесь ярости, страсти и чего-то темного и неопишимо прекрасного - все это билось в нас и вырывалось наружу. Осталось ощущение небывалого - когда нежность переходит все мыслимые и немыслимые границы и становится похожей на убийство. И правда. Первое, что ОНА спросила, едва мы пришли в себя:

- Разве ты не убил меня, любимый?

- Не спрашивай, я сам еще неживой.

- Разве можно так набрасываться на людей?

- На людей нельзя. А ты... И когда ты успела всему этому научиться?

- Сегодня. Только сегодня. Но еще раньше я знала: все, что делается под знаком любви, не может быть порочным, стыдным. А еще... Поскольку тебе не удалось убить меня на нашем преступном ложе, ты выбрал другое - умерить меня голодом. В холодильник можно не заглядывать, так ведь?

Разумеется, в холодильнике у меня было пусто. Да, аппетит у моей девушки отменный. Однако меня неприятно задело это первое, пробудившееся в НЕЙ после нашей любовной схватки. Кстати, который теперь час? Ну, точно, нормальные магазины закрыты, остался один суточный, который днем большинство покупателей обходят стороной. Часто продукты там просрочены и вообще - имеют непонятное происхождение.

Тем не менее, я отправился в ночной поход и добыл - о, чудо! - пиво и сыр с плесенью.

В очередной раз ОНА исчезла, ничего не сказав мне накануне. А через пару дней позвонила на мобильник.

- Привет! Я в Париже. На Монмартре фиалки. Говорят, они здесь цветут почти круглый год. Даже в декабре! Знаешь, такие, как у нас на подоконниках растут. В лесу совсем другие. Тут еще совсем рано, а в кафешках полно народу, то есть народ, в основном, - это тетки, нечесаные, немые, прямо со сна. И все трещат не умолкая, как сороки. Кофе, круасаны... Я в книжке, помню, читала, так и есть. Только про немых и нечесаных там не пишут. А на улице полно негров, черные такие, прямо синевой отливают.

- Ты что там делаешь? - не удержался я, заранее зная, что ответа не получу. Разве что такой.

Утекающее время и уходящее уличное счастье.

А еще - спасительная бутылка пива

- В данный момент стою на площади Этуаль. Жуткий туман, в котором Триумфальная арка кажется безногим и безголовым каменным чудищем. Она плывет в непонятном пространстве и такое впечатление, что вскоре накатит на тебя. Я вспомнила Ремарка, его замечательный роман про эту самую арку, где герой, едва познакомившись со своей возлюбленной, увидел в ней до странности близкое существо. А ведь она была ему чужой. Впрочем,

и он чувствовал себя везде чужим, и это странным образом их сближало... А еще я помню из того же романа вот это. Жизнь - нечто большее, чем свод сентиментальных заповедей. Один знакомый того самого героя, узнав о смерти жены, провел ночь в публичном доме. Проститутки спасли его, а с попами ему было бы худо. Это можно понимать или не понимать. Объяснить тут нечего... Все, пока! Я тебя целую и люблю, не забывай об этом!

На следующий день я пришел на работу полный решимости задать пару вопросов начальнице. Вышел в почту и обнаружил послание от нее.

«Меня не будет несколько дней. Справляйтесь без меня».

Очень интересно! И с чем это я должен справляться? Обязанностей начальницы я толком не знаю да и знать не хочу. Со своими без подсказок разберусь. Из-под меня будто выбили стул. Вот приду и задам вопросы! А запасных вариантов у меня не было!

ЕЕ стол был первозданно чист.

Ко мне явилось ощущение, которое я испытал в день, когда исполнился ровно месяц после моего сорокапятилетия. Время идет, месяц прошел и что с того? Но меня, помню, тогда неожиданно больно уколола безысходность и безжалостность этого незыблемого в веках течения времени.

Надо что-то предпринять! Надо что-то сделать! - вертелось у меня в голове и не находилось ни одного даже самого дурацкого предложения по поводу этого «что-то».

У нас в городе еще осталось несколько летних кафе, где за скромные деньги можно было выпить и закусить. Правда, все закуски упакованы в разовую посуду и обтянуты стрейч-пленкой. Понятное дело, их готовили где-то, возможно, далеко отсюда и, опять же, возможно, не сегодня. Зато ты сидишь безо всяких соглядатаев, называемых красиво - метрдотель, менеджер по обслуживанию, официант. Никто не заглядывает к тебе в тарелку и не ждет, что ты вот-вот удерешь, не рассчитавшись. Взял у буфетчицы, что тебе заугодилось - и ты полный хозяин своего угла и нехитрой снеди. Другой плюс - цены. Думаете, почему уличные забегаловки стали закрывать с таким неудержимым энтузиазмом? Да все просто: понастроили ресторанов, надо же их как-то оправдывать, потратились люди как-никак, вон каких чудес понагородили! А тут сидят себе - за место пять копеек, за воздух вообще ничего. Цены. Да, это, пожалуй, самое важное для меня. Они почти не отличаются от магазинных. Ну, скажем, бутылка вина с романтическим названием «Изабелла» стоит на десять процентов дороже, чем в магазине. Всего-то! Да кто ж из неустанно заботящихся о моем благе с этим смирится! Ни за что!.. Но есть на этих маленьких островках всенародной привязанности еще одна неповторимая деталь, которую я не побоюсь назвать наслаждением. Мимо тебя ходят люди. Не снуют между столиками, а просто идут по своим делам, не имеющим никакого отношения ни к тебе, ни к этому кафе. Они, может, даже и не замечают его, притаившегося в нише между домами. И я могу их не замечать, этих торопливых прохожих. А могу, напротив, выцеливать красивых девушек и, провожая взглядом, долго смотреть им вслед. Могу на скорую руку набросать психологический портрет медленно бредущего человека с пустым взглядом. Могу придумать историю весело болтающей о чем-то пары. Могу сочинить целый роман о жизни человека, горделиво поглядывающего поверх окружения. На нем выношенный китайский плащ, явно опережающий сезон, в руках у него старый кожаный портфель, в каких носит бумаги вымирающее племя ученых и педсостава...

И ТОЛЬКО СВОЕЙ ИСТОРИИ Я НИКАК НЕ МОГУ ПРИДУМАТЬ.

Я на старости лет сошел с ума. Да, по ЕЕ словам я пользуюсь взаимностью. Черт возьми! Нам действительно хорошо вместе! Ну, что тебе еще надо?..

Третья бутылка «Изабеллы». В общем-то, это дрянное вино, изготовленное из отжимков бывшей нормальной продукции, причем не по первому разу. Специалисты придумали подобным напиткам оригинальное название - спиртосодержащий продукт. Судя по всему, содержание спирта в моей «Изабелле» достаточное, я уже подхожу к той блаженной черте, когда сидишь, улыбаешься, и никакими силами твоей физиономии не придать серьезности. Все проплывает мимо меня - люди, автомобили, листья, поднятые ветром. Напротив меня привалился к парашюту молодой человек в ярком световозвратном жилете, на котором крупно выведено: «золото», в руках у него пачка рекламных проспектов. Подзываю его жестом.

- А ты почему мне не предлагаешь свой товар?

Тот подошел и, пожав плечами, сунул мне расцветченную бумажку. А отходя, сказал:

- Вы все равно не купите своей даме бриллианты.

Я долго сижу раздумывая, брать четвертую бутылку или нет. Вряд ли осилю. А в голове все крутится и крутится фраза: вы все равно не купите... Какое чудесное кафе! Как мало денег я потратил для того, чтобы нарезать вдрызг! Какая сволочная жизнь, когда некий сопляк заранее решил за тебя, что ты никогда не купишь... Да я куплю ей остров в Карибском архипелаге!

- Эй! - закричал я ему вслед, вскочив из-за столика и опрокинув стул. - Стой! Ты что-то знаешь, чего не знаю я, так, да?

Слава богу, у меня хватило остатков разума, чтобы понять: я не только не доберусь до разносчика, я не смогу двинуться с места.

- Можно вас? - позвал я мальчика, убирающего грязную посуду. - Вы не могли бы вызвать мне такси?

Очевидно, все в тот вечер закончилось благополучно. Во всяком случае, после мальчика с грязными тарелками я уже ничего не помнил, а очнулся у себя в ночлежке. Я лежал на спине, не в силах повернуть голову и даже повести по сторонам глазами. Мне было плохо, как, должно быть, плохо упавшему с третьего этажа, однако в эту минуту я, как никогда, любил портрет Фицджеральда, засиженный далекими от творчества мухами. Я безумно любил стеклянную половинку дверцы побитого книжного шкафа, соединенного от тесноты с посудной горкой. Я был без ума от вечно включенного утюга на табурете, моего спасителя, потому что он, забытый торопливым хозяином, перед тем, как спалить квартиру, сгорел сам. Я боготворил грязное пятно на потолке, оставшееся после неудачной охоты на комара... Все прекрасно, все на месте, сегодня этот мир меня не предал. Но вот для полного и окончательного счастья мне не хватало самой ничтожной малости, бутылки пива. Превозмогая боль и ужас, вызванный перемещением в пространстве, я дополз до холодильника. И что же? Она там была! Одна в этом страшном белом безмолвии! Первая - дурацкая вполне - реакция: мне стало обидно за нее: это кто же тебя, милая, оставил здесь на съеденье пустоте или на разор случайного упыря? И тут же: спасен! Я спасен! Ты первая счастливая узница самого первого августовского звездопада! И ты залетела ко мне!

Вот дьявол! Когда же я перестану вздрагивать от неожиданности, едва войду в кабинет и увижу начальницу! Иногда я почти уверен, что становлюсь свидетелем какого-то немислимого превращения, происходящего в секунду, в тот самый момент, когда я распахиваю двери. Только что, мгновение назад, за этим столом сидела ОНА - и вот уже передо мной совсем другой

человек. Впрочем, я говорил уже, что они похожи, только цвет глаз, волос, кожи - это все другое. Возможно, постаравшись я обнаружил бы еще некоторые сходства, но сама мысль об их похожести возмущала меня.

- Итак, - начал я, будто наш разговор был прерван совсем недавно. - Где же наша сотрудница? Или я, согласно вашему идиотскому внутреннему уставу, не вправе знать это?

Игра продолжается. Правила по-прежнему неизвестны. И кто-то теряет рассудок

Я ожидал чего угодно - взрыва негодования, презрительного «пшел!», пустого взгляда, наконец, как смотрят на старый табурет. Но начальница ничего подобного не сделала, лишь улыбнулась (ЕЕ улыбкой!), и сладко, этак пошачьи - потянулась.

- После работы, дорогой, хорошо?

И, подхватив со стола несколько папок, стремительно вышла.

Вот тут я точно понял, что схожу с ума. Дорогой! Да, я, очевидно, и впрямь-таки сошел с ума, но не оглох, это точно! Дорогой! Какая, к черту, работа!

И вот очередной звонок.

- Дорогой! (ну, какой идиот придумал это слово!). Ты не удивляйся, так получилось, я в Америке. Думала, меня будут возить по всяким Вашингтонам и Нью-Йоркам, а попадают все какие-то тихие места. Американцы такие потешные, улыбаются все время и говорят, что у них почти нет такой болезни, как гипертония. Господи! У нас от нее помирает каждый третий. А все почему? У них вроде бы проблем нет. То есть они их не принимают близко к сердцу. И само слово это не любят, стараются упускать из разговора. Мы сейчас в местечке, называемом Уэллсли, здесь знаменитый колледж, в котором, представляешь! - преподавал сам Набоков. Вот тут неподалеку полянки, на которых он ловил своих бабочек. Он занимался лепидоптерой, вернее одним ее отрядом - чешуекрылыми и знал о них все - эволюцию, ареалы, таксономию, морфологию... Набоков говорил о бабочке, наколотой на булавку: она переживет свой прах. Помнишь, Пушкин о своих стихах: душа в заветной лире - «мой прах переживет и тленья убежит...» А Набоков о бабочке. И он же ограничивает сроки стихов, которым, как он считает, нужна тысяча лет, чтобы умереть. Какая-то тысяча, Господи! Алло! Ты меня слышишь.

- Я тебя не слышу. Я даже видеть тебя перестал, ты какая?

- Здесь жуткая жара - мозги слипаются, ходишь все время в мокрой футболке, и ужасно хочется пить. Ты не скучай, дорогой! Я скоро приеду и привезу тебе одну замечательную штучку. Пока, пока! Целую!

НАДО ВСЕ ЭТО ЗАКАНЧИВАТЬ!

Твержу себе с самого утра и не знаю, с чего начать. Выбросить из головы - это, разумеется, первое. Уволиться, чтобы не видеть ЕЕ никогда. Уволиться, да... Можно ли излечиться от любви? Есть ли жизнь на Марсе?

Начальница сидит на своем месте, направив взгляд куда-то мимо монитора.

- Меня не покидает ощущение, что все это ваши проделки.

- Я тоже обычно при первой встрече с утра здороваюсь, - молвит она, счастливо улыбаясь.

Я бы убил тебя при первой же возможности! - подумал я, невольно делая шаг в ее сторону.

- Какого черта вы гоняете ЕЕ по белу свету? Что это за командировки, что за вояжи? Вы это назовете производственной необходимостью? А нельзя ли

мне, мелкому клерку вашей унылой конторы, поинтересоваться, в чем эта самая необходимость заключается? Будьте так любезны, откройтесь!

Неожиданно она поднялась, подхватила свою изящную сумку из бежевой замши и, взмахнув ей, как бы прощаясь, обронила на ходу. Некогда, дела, понимаете. Вечером, хорошо? Все вечером. Надеюсь, у вас хватит терпения дожидаться?

Видимо, терпение дожидаться - это то, что придется мне отныне вырабатывать в себе неустанно. Я включил монитор, нашел ЕЕ фотографию - хоть с картинкой поговорю.

- И вот скажи мне, отчего шлюхи всего мира, заряжая свои фотки на Torfaic, обязательно помещают себя на острова, в дорогие машины, экзотические отели? Потому как знают, что сами по себе ничего не стоят? Ты чего делаешь там, в своих Нью-Йорках, Парижах и Венах? Я ездил в свое время... Открытки на память... И ничего больше.

- Ты же не хочешь меня обидеть, правда? Не знаю, мне кажется, я повзрослела уже давно, задолго до тебя. Может, это покажется смешным, но иногда я чувствую себя даже слишком взрослой. Не знаю, что тебе сказать, вот не знаю - и все! Хочется, как в сказке - чтобы все определилось вдруг... Люблю тебя - а о последствиях пока не думала. Мне хочется с тобой разговаривать, разговаривать и не только разговаривать. А то нас иногда заносит в разговорах. Мне кажется, у меня включается какая-то защита, и происходит это произвольно. А ты это вообще уникальный случай - я часто поражаюсь молниеносности твоих реакций на слово, на интонацию. И я боюсь твоей непредсказуемости, хотя мне и хорошо рядом с тобой. А еще я эгоистка и к тому же упрямая. Поэтому без вины виноватой относительно тебя я вряд ли могу стать. И ты же прекрасно понимаешь, что особое отношение между двумя аномальными влюбленными может существовать до тех пор, пока существует между ними эта эфемерная субстанция, непонятно откуда возникающая и непонятно куда уходящая, эта самая непонятная любовь. Захочется ли ей оставаться с нами? С тобой - ленивым и самовлюбленным и мной - упрямой и ветреной.

- Знаешь, мне кажется, что происходящее с нами сейчас - уже было. Не здесь, где-то в другом месте. Что это? Память прошлых жизней? Почему-то я не могу с тобой сдерживать себя, скорее всего, безосновательно злюсь, когда ты исчезаешь. Я верю и не верю тебе, меня пугает лавина моих чувств, я могу не устоять, меня пронзит или сметет вечной болью, если я не приму противоядие. Я понимаю и не понимаю тебя, я уже не понимаю себя...

- Перевернула календарь на несколько недель назад и обнаружила, что мы прозевали замечательный праздник - день поцелуев. Не помню уж теперь, поцеловалась ли я хоть с кем в тот день? Вот решила тебя поцеловать, задним числом. Несмотря на твое необыкновенное упрямство, неординарность, извращенный талант всех шокировать... А еще - ребячество и умение вредить самому себе. Я, наверно, тебя люблю. А почему наверно? Видимо, потому что еще сомневаюсь, уж очень странные чувства я к тебе испытываю. К примеру, когда влюбляются, стараются быть - или казаться? - лучше и всякое такое прочее, всякие женские штучки. А для меня с тобой это совсем не важно. Все! Попытки анализировать решила прекратить, пусть думает сердце. И твое - пусть думает, чувствует и радуется. Спокойной ночи!

Вот это ЕЕ «спокойной ночи!» привело меня в чувство. Во-первых, день-деньской на дворе, во-вторых, пустое и прохладное пространство, окружающее меня, не может ни говорить, ни отделять день от ночи. Я разговаривал? С НЕЙ? Во весь голос? И я вслух порол всю эту ерунду про лавину своих

чувств? Хорошенькая репетиция! Осталось выложить все это ЕЙ при встрече. Можно еще присочинить про слабеющие коленки...

А ЧТО МЫ ЗНАЕМ ДРУГ О ДРУГЕ?

Что-то я уже напридумывал за НЕЕ про себя. Но ведь это я придумал, ОНА-то может думать совсем по-другому.

- И то правда, - сказал кто-то моим голосом, - тем более, что говорить с тобой она в данную минуту попросту не могла.

Я огляделся, проверил звуковые колонки - выключены, как обычно. А голос тем временем продолжал.

- И где, говоришь, она нынче? В Америке? Ну-ну!

Он засмеялся, и смех этот был невыносимо противным. И тут из невидимого динамика послышался ЕЕ голос!

- Сегодня исчезла Москва-Сити. Как-то Рената Литвинова, сама того, видимо, не осознавая, ввела в нашу жизнь афоризм на века: «как страшно жить!» И в самом деле: жара +40 в тени, дымовая завеса, ееееееееее, как будто все находятся на съемках остросюжетного фильма, где в тумане надо выследить преступника. Нынче я не обнаружила Сити. Страшно. Каждый день перед глазами стоял город небоскребов, а тут - пропал... Церковь напротив Таможни стоит, хотя и вся в тумане, а Сити - НЕТУ!!! Есть фото, подтверждающие факт пропажи. Вспомнилось. Как-то давно, еще в пору, когда в проходных стояли вахтеры, один руководитель региональной телевизионной компании приехал ранним утром зимой на работу, и, проходя мимо вахтера, спрашивает бедолагу: «Макарыч, а вышка-то где? Проспал? Сперли вышку-то!» А мороз, туман плотный, телебашни не видно - ни метра... Макарыч, белый от страха, побег глядеть. И вправду: нету вышки! Вот так и со мной сегодня: нету Сити! Сперли!

И тут меня начал разбирать смех - неожиданный и какой-то безудержный - истерика. Нет, меня не разыгрывают, это точно, кому надо? Я не сошел с ума - у меня нормальная реакция, я адекватно воспринимаю окружающий мир. И это все - голоса, звуки, сюжеты - не галлюцинации, это происходит за стеной, отделяющей мой мир от какого-то постороннего, чужого. Этого вообще не было! Сон! Минутная потеря сознания! Сколько раз я засыпал за компьютером, и какой только чуши не привиделось в этих снах!

Нью-Йорк, Париж, Москва-Сити... Милая моя, желанная! Страшная сказка, в которой теряют - находят, теряют - находят. И так - три, девять, двенадцать раз. Тридевятое царство!..

Оставалось всего несколько минут до окончания рабочего дня, и тут вернулась начальница.

- Поехали! - весело объявила она.

Мир перевернулся, хотя вечер оставался вечером...

У меня не было никакого желания ни сопротивляться, ни отговариваться, вообще - предпринимать хоть что-то. Я покорно поплелся за ней, уселся на заднее сиденье ее «ситроена». Почему на заднее? Честное слово, никакой акции протеста тем самым я не выражал. Еще подумал вяло: багаж всегда бросают на заднее сиденье.

Мы остановились, и я даже почти не удивился, когда она подвела меня к подъезду, возле которого висела знакомая табличка: «Оздоровительный центр». Я сразу же по привычке прошел к кабинету своего приятеля.

- Привет! - окликнул его.

Он кивнул, чересчур сосредоточенно копясь в бумагах.

- Проходите в раздевалки, Нина вам все устроит. Нина! - крикнул в открытую дверь. И нам. - Удачного отдыха!

Поначалу я все пытался поймать его взгляд, не решаясь напрямую поинтересоваться: ты чего идиота из себя строишь? А потом понял, что в этой игре правила устанавливал не я, и для каждого роли распределены задолго до моего появления. Мизансцены расписаны. Круг героев строго очерчен. Что ж, посмотрим, в конце концов все встанет на свои места.

И тут в несколько секунд каким-то странным образом все в мире поменялось. Не просто вокруг, около, напротив - а во всем мире. С чем сравнить - не знаю. Или я внезапно переселился на дно морское или, наоборот, вознесся к горным высотам, за облака и выше?.. Нет, все не так, неправильно, неточно. У меня по-другому стали работать все органы чувств, их не то чтобы подменили - наделили другими функциями, возможностями. К примеру, дают тебе понюхать розу - а ты ощущаешь дождь на своем лице, он становится все сильнее и сильнее, и вот уже струи воды заливают рот, глаза, нос... Нет, пожалуй, и это сравнение не очень удачно. Вот другое. Вы полностью одеты - и вдруг ощущаете себя голым. Неудобно, неловко, люди кругом... Момент - вы скидываете с себя все до последней нитки - и неудобства как ни бывало. Вы в обычном состоянии человека среди людей...

Потом мы сидели в баре и пили напитки, которые, как и следовало ожидать, по вкусу совсем не походили на те, к которым я привык или вообще хотя бы раз пробовал. Мария Сергеевна успела переодеться в нечто, напоминающее сари из переливающегося разноцветными сполохами шелка. Наряд был ей к лицу. И еще я подумал тогда: что ни надень на нее - все будет элегантно, красивыми как-то по-особенному дразнящим. Мне не хотелось, чтобы она выглядела столь обворожительно, мне не хотелось, чтобы она в своем наряде являла совершенство, как не хотелось любого совершенства, связанного с ней. Я чувствовал в ней врага, но не понимал, как можно ей противостоять, противодействовать, и что это такое вообще - сейчас передо мной?

- Мария - это значит Маша? - тупо спросил я.

- Мария - это Мария и есть. - Она посмотрела на меня сквозь искрящуюся жидкость в бокале и добавила. - Сергеевна.

И тут я сделал то, что никогда в жизни не посмел бы сделать, будь хотя бы часть окружающего или меня самого - в нормальном состоянии. Я вылил на ее сверкающее сари содержимое своего бокала. Не выплеснул, а именно вылил - ровной, неторопливой струей.

Она не вспыхнула гневом, не охнула, не подскочила от неожиданности... Лишь едва заметно дрогнуло плечо.

- И что теперь с этим делать?

Было непонятно, на что направлен вопрос - на испорченную ли одежду, на ситуацию в целом?

- Марш в бассейн! - заорал я, абсолютно переставая понимать, что происходит и что я вытворяю.

Она покорно двинулась в сторону банного комплекса - через раздевалки, комнату отдыха, мимо парной - будто неоднократно уже проделывала этот путь. Я догнал ее у самой воды, но ничего не успел предпринять: как была - в своем сари, в туфлях она прыгнула в бассейн. Я, не раздумывая, - за ней, и первое, что ощутил - вода вовсе не ледяная, как я думал, как знал, она была шелковисто-теплой и будто не водой вовсе, а ступившимся продолжением воздуха...

Не сговариваясь, мы начали прямо в воде стягивать с себя одежду, что для меня, например, стоило немалых усилий. Когда женщина освободила себя от сверкающих покровов, я с изумлением обнаружил перед собой ЕЕ. Ошиб-

ки быть не могло - темные волосы, скулы, ноги с едва заметными ямочками в середине коленных чашечек, а главное - обсидиановые глаза! Какая ошибка, если я по квадратикам размером в ученическую клетку изучал ЕЕ и в лучах заходящего солнца, и в бархате утреннего света, и при свечах, и во мраке, где видели лишь мои пальцы!..

И мы сплелись в объятьях. Мы тянули друг друга ко дну, но не размыкали ни рук, ни ног. Мы впились друг в друга, глотая воду с соленой приправой наших раскаленных тел. Наши легкие были полны воды, мы уже почти утонули, пока кто-то из нас, наконец, не догадался ухватиться за низкий бортик бассейна. Мы выкатились на мозаичный пол купальни, все так же не отпуская один другого...

Есть несколько вопросов, на которые я никогда в жизни не смогу дать ответа. Один из них - СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ВСЕ ЭТО ПРОДОЛЖАЛОСЬ?

Помню, мы несколько раз возвращались в бар, кутаясь в простыни, грелись возле остывающей печки парной, снова пропадали от жары и нехватки воздуха в прохладной купальне. А в голове у меня едва теплились какие-то абсолютно ничемные, хотя и знакомые мысли: почему нас никто за все это время не побеспокоил? Неужели мой друг специально перекрыл все ходы и выходы, чтобы, не дай бог, нас не потревожили? И вроде бы должна быть какая-то Нина, где она?

Потом как-то вдруг все изменилось. В который уже раз за нынешний вечер! А изменилось следующим образом. Мы сидим в баре, в бокале у меня какая-то бурда из тех, что заказывают девчонки-первокурсницы в дешевых кафешках. Напротив меня Мария Сергеевна, моя начальница, и выглядит она точно так, какой вижу я ее ежедневно с девяти до семнадцати, - подтянутая, модно и недешево одетая, тронутая косметикой, точно отмеренной дорогим визажистом. И смотрит она на меня, как в то самое урочное время - рассредоточенно, размыто, оставляя полвзгляда за своим монитором.

Вот она встает со своего места, вот укладывает что-то в свою сумочку, встряхивает своими светлыми, приведенными в полный порядок волосами.

- Поехали? - приказывает и вопрошает одновременно.

- А можно, я еще посижу здесь?

В эту минуту я напоминаю себе школьника, отпрашивающегося с урока.

Она пожимает плечами и направляется к выходу. В дверях останавливается.

- Кстати. Мария - это Маша и есть.

Лето заканчивается, это видно по всему: листья падают, еще не желтые, но уже сухие, и хрустят, хрустят под ногами. Вечера короче и холодней. Облака размазаны по небу в неуверенности - собраться им в кучу или рассеяться? И только резеда по-прежнему одуряюще кружит голову, не сдается.

Я ловлю себя на том, что делаю круг за кругом около отметки нулевого километра. Будто пытаюсь начать заново отмерять какой-то неведомый путь и сбиваюсь, сбиваюсь... Откуда? Куда? Зачем? Вечные вопросы, самые простые и за малым исключением безответные.

Театральные афиши истребал ветер времен. Нашим актерам афиши не нужны

Меньше всего мне хотелось бы сейчас идти домой, но именно это я и делаю. Так ведь не домой же, - исправляю собственную ошибку, думая следом, что самое правильное в моей жизни - это то, что все у меня временное.

Я никогда не включаю свет сразу при входе в дом, в какое бы время ни появлялся здесь. Сначала пройду в комнату, осмотрюсь. Что я там намерева-

юсь обнаружить - не знаю. Сейчас, благодаря этой привычке, я не разбудил ЕЕ. Она раскинулась поперек нашей лежанки, нагая, хрупкая, удивительно бледная в последнем свете умирающего дня. У меня перехватило дыхание от радости и горя, накотивших одновременно. Так, очевидно, обретают уже ставшую безнадежной потерю. И тут же теряют вновь.

Стараясь двигаться бесшумно, я вышел за дверь. Я не мог сейчас оставаться с НЕЙ, не мог ни будить, ни прикасаться, ни даже обмолвиться словом. Ведь я только что был с той, другой, так похожей на НЕЕ и так непохожей...

И вот я снова у нулевого километра, будто нет в моем городе другого места, другого пути, будто нет у меня выбора.

ЗАНАВЕС

И ПРАВДА. Все - как на театре. Никакой правды. Короткая пьеса - и целая жизнь. Но здесь театр абсурда - жизнь пролетела в мгновение, ее разглядеть не удалось. А что в антракте? Рюмка коньяка в верхнем буфете? Двое-трое знакомых, подчеркнута гордо кивающих: видишь, и мы - театралы? Нет, не вспоминается ничего. Не было никакого антракта.

Не было ни следочка в квартире, ни вмятинки на покрывале, ни запаха духов, которые обычно неделю жили после ЕЕ ухода.

Утро. Контора. Мария Сергеевна. Звонок по межгороду. В трубке жуткий треск, эфирные помехи, непонятные голоса, звучащие на нескольких языках.

- Алло! Алло! - Кричу я в микрофон и вопросительно смотрю на начальницу.

В ответ она машет рукой, что означает: это тебя, тебя.

А сквозь толщу голосов пробивается испанский.

- Diskulpete, nooidobien...

- А я вас не слышу совсем, - кричу в ответ.

- Aguihaymuchotrafiko...

Это же ЕЕ голос, черт возьми! Но почему по-испански? И при чем тут движение?

- Ты на улице, что ли? Зайди в помещение!

- Estonofuncionale...

И все. И тишина.

И вообще - все.

Я несколько раз порывался заговорить с начальницей-Марией Сергеевной-Машей, но что я мог сказать? О чем спросить? Еще раз задать вопрос, где и по какому поводу обретается ОНА? И получить известный заранее ответ?

Спустя несколько дней Мария Сергеевна заговорила сама.

- А почему ты (она подчеркнула - ТЫ!) не хочешь задуматься однажды, что у НЕЕ, к примеру, богатый покровитель, который позволяет ЕЙ бродить по белу свету, где и когда вздумается? Нет, это я так, навскидку, на самом деле я ничего не знаю. Да и знать не хочу, если честно. Мне поступило распоряжение, не трогать ЕЕ и вообще по возможности не обращать внимания. Вот и все, что я могу тебе поведать.

Знаешь ты куда больше! - подумал я. - Но что толку, когда мне дали понять: с тебя хватит. Да, с меня хватит! Того, этого, прожитых лет, впечатлений и любовей... С меня хватит! Я сейчас напоминаю себе путника, который вышел в дорогу с изрядным багажом. И вот я шел, шел, и постепенно оставлял на этом своем пути одно, другое, пятое, десятое... Пока не добрался до некоего пункта, пункта назначения, определенного мне кем-то, кого

трудно назвать союзником. Ни нитки на мне, ни тринки со мной, и жилье, принявшее меня на исходе, чужое, случайное, пустое.

Остановись! Как же быть с великим благом, именуемым одним, но очень важным словом - временное! И наплевать, в каком месте филологический под- сказчик поставит ударение. Временное! Время в тебе, с тобой, вокруг тебя и рядом. Да оно в тебе так же, как ты в нем! Время... Tiempo, tempo, hora... Вот! Ты же не забыл испанский! Английский... Правда, ты в свое время не захотел учить французский, но это не беда, три, нет, четыре недели - и ты его освоишь. С немецким было бы, наверно, проще, Но ничего, ты справишься...

Я ни с кем не хотел ни видетсья, ни разговаривать. Только с ней. Да где же ОНА? И я опять разговаривал с НЕЙ - без НЕЕ.

- Увы, годы не приносят опыта любви. Любовных отношений - да, но это совсем другое. Я и сегодня могу смутить молодую девушку, могу даже при определенных стараниях влюбить в себя, но нынче получается так, что смущен я сам. Как просто все было в прошедшие годы, как трудно и сложно сейчас! Самое главное - сердце не сдастся, голова не подчиняется нормальному расчету и разуму, и я не знаю, что со всем этим делать. Надо как-то облегчить дыхание, что-то предпринять... Твоя мятущаяся душа вряд ли когда обретет покой, по себе знаю, только не ведаю, что с этим можно поделать. Легко сказать: влюбиться окончательно и на всю оставшуюся жизнь. А придти к этому в жизни вряд ли возможно. Не знаю, ничего не знаю, и чем дольше живу, тем знаю все меньше и меньше... Я представляю картинку, как мы с тобой на пару взяли и смылись ото всех - уехали в тайгу, или в другое малознакомое место. И вот избушка, маленькое хозяйство - и мы с тобой. Наверно, пришлось бы некоторое время привыкать друг к другу, а может... Не знаю опять же, трудно представить волков-одиночек в компании друг с другом. Хотя картинка желанная, я ее вижу, как сказочную реальность. Словосочетание, на мой взгляд, употребимо, потому что я не один раз оказывался в подобных состояниях, воспринимая окружающее - как сказку.

- Птичка моя златокрылая! Что молчишь? Мне не хватает тебя. А-а-а! Ты же должна приехать... А вдруг меня не будет? А вдруг я уеду в романтическое путешествие, к примеру, в Павловск, за грибами. Скучно жить на белом свете, господа! И вообще - пушусь в разгул. Я уже, можно сказать, пустился, пью и гуляю. У меня, как ты не успела заметить, день рождения был давеча. А не ты ли как-то мне напомнила, что день рождения празднуют две недели после главной даты, по числу месяцев в году. Я прилежный ученик, и все запоминаю с первого раза. А выводы... Выводы есть, решений нет. Вывод первый - у меня есть хороший человек в некоем месте, которое я никак не могу отследить. Я могу с ним разговаривать без натуги. Второй - этот человек - женщина. И третий - она мне нравится. И нравится настолько, что я притрагиваюсь к ней, как к тонкому хрустальному цветку, не сломать бы, не повредить.

- Наши отношения и чувства я не берусь оценивать и обозначать - все будет неточно и верно лишь отчасти. Но то, что судьба нас свела - это не напрасно. Я, наверно, не очень смелый человек, я боюсь своих болячек, своего вибрирующего на какой-то тонкой грани организма - он меня подводил уже не раз. Потому вряд ли когда решусь хотя бы малой долей взвалить ответственность за меня на кого бы то ни было, на дорогого мне человека - тем более. Но это все ерунда по сравнению с тем, как тает во мне лед в твоём присутствии, как оживает душа, и растягивается в улыбке рот.

- Меня бы обрадовало твое письмо, такое настоящее, с ароматом чистого тела и быстрой реки. Я чувствую себя усталым и не могу тебе высказать всего, что на душе. А там кипит! А там взрывается! А там нейметя!.. Вечер сгущается, а я будто и вне времени... Кажется, я чувствую твою кожу под своими ладонями. Мне иногда просто воздухом подышать одним с тобой - и достаточно. Хотя... Сегодня день семьи, верности, еще чего-то в этом духе. Все - мимо меня. Ну, может, хоть к тебе имеет (будет иметь!) какое-нибудь отношение. Дай бог! У нас вчера дождь лил целые сутки, иногда переходил в обвальную ливень... Смотрю вокруг - и мне кажется, молодые сегодня успешно избавляются от любви, этого наваждения, а мы-то (читай - Я!) всего лишь старые дураки-романтики. Хотя вопрос остается открытым - что хуже, а что - лучше?

- У меня времени нет, как нет и «потом», у меня все сейчас. Ты еще достаточно молода, чтобы иметь в запасе время на «потом». О предназначении женщины и ее случайных ролях я бы поговорил с тобой, если б этот разговор состоялся хотя бы лет 30 назад. Сегодня все иначе! Женщина! Бесполое создание с внешностью Венеры! Вот так я вижу все это, дорогая! А цветы на пепелище и прочая романтика - из области беллетристики. Кстати, в прошлые жизни верю, мне сказали, что я редкий экземпляр и проживаю сейчас одиннадцатую. По-моему, я уже говорил об этом. В бессмертие души верю, но как-то не очень. То есть я думаю, что, оставив брэнное тело, она не самостоятельно путешествует, а переселяется в другое нечто или некто. И тогда уже она вроде как бы и не моя душа. Здесь у меня много сомнений.

Пролетела неделя, другая. Однажды я пришел на работу и увидел начальницу за ЕЕ столом.

- Здравствуйте!..

**Может, пора прощаться? Со сказочным городом.
Со сказочными цветами. Со сказочными звуками...
Только не со сказкой! Прошу вас!..**

Продолжение фразы застряло у меня на языке. Это была не Мария Сергеевна. Незнакомая девушка, удивительно похожая на нее. И, разумеется, на НЕЕ. Некое промежуточное создание между ТОЙ и этой. Волосы чуть темнее, чем у начальницы, но светлее, чем у НЕЕ, скулы выдаются чуть больше, чем у НЕЕ, но меньше, чем у Марии Сергеевны, фигуры, насколько можно разглядеть из-за стола, схожи... Глаза... Я всмотрелся в них потом и был потрясен их способностью меняться в зависимости от времени суток, погоды, освещенности помещения...

- Это наша новая работница, - объявила вошедшая следом за мной Мария Сергеевна.

Она назвала имя, но я тут же забыл его.

И никто ни слова о НЕЙ!

И я не стал расспрашивать, уверовавший вдруг, что ЕЕ уже никогда здесь не будет. И нет смысла задавать вопросы, и ни к чему поминать вслух ЕЕ имя. И забыть. И не было - как не было до сего дня всех моих долгих лет. И... Принести цветы к нулевому километру.

Легко сказать... Шли дни - и я все больше понимал, что продолжаю любить ЕЕ, и от этой любви мне никуда не убежать. Но что удивительнее всего, по-моему, я люблю ЕЕ в той, кто занял ЕЕ место - за прежним рабочим столом, но в новом облике. Люблю, когда она (Как раньше! Как тогда! Как ОНА!) идет по

левую руку от меня к неистово пахнущей резеде. Люблю - в наших ежедневных встречах со знаком, указывающим на вечное начало. Я уже не помню, ждал ли я того дня, когда мы вместе переступим порог моего съемного жилья, подкарауливал ли ту случайность, которая приведет нас в бассейн к моему другу. Может, ждал, а может - и нет. Ведь для меня почти ничего не изменилось. Но как это, оказывается, бывает много - маленькое-маленькое «почти»!

- Мне не хватает некоего сказочного города, где бы мы оказались вдруг, где не было бы ни одного знакомого лица. Я знаю, что через него, через этот город, не раз пролетало перо моей судьбы, так, по нечаянности. А ты в абрисе города-сказки осталась для меня некой фата морганой, мечтой в тумане и девочкой в теплом вечере. Хорошо, честное слово! В общем, я заставаю в сентябре, снова праздную свой день рождения и думаю, что ты надолго останешься со мной.

- *Я тоже люблю сентябрь. Но мне в сентябре иногда бывает настолько же плохо, насколько хорошо. Сейчас как раз такой сентябрь. Эмоциональные качели. Не знаю, отчего это, что это? Осень, ощущение уходящего лета и неизбежность зимы... Есть теория, что ближе ко дню рождения у человека нарастает напряжение, завершается какой-то очередной цикл, а потом все начинается заново. Может, это так и есть, тогда не удивительно, что наши сентябрьские ощущения схожи. Вы меня не знаете, у Вас есть какой-то образ, который Вам нравится. Он не соответствует реальности, уверяю Вас. Но, пока он не разрушится, выкинуть из головы Вы меня не сможете.*

- Все так, все правильно, только у правильности мало красивых одежд. Она - как правда - почти всегда голая. Да, со временем приходит потребность называть вещи простыми именами. Только не надо впадать в заблуждение, что это от приобретенной мудрости. Ерунда! Издержки возраста, возрастной лени, возрастного слабочувствия, даже слабоумия наконец! Мы потому и говорим друг с другом, испытывая наслаждение (я, во всяком случае), что отголоски главного, оттенки и полутона покамест заменяют это самое - главное, вернее, выступают в роли заместителей. Ждать и надеяться - это почти синонимы. Никто не ждет без надежды, иное - лукавство. Можно не дожидаться, это другое дело. Фокус в том, что ожидание чего-то уже что-то и есть.

- *Я с удивлением для себя обнаруживаю, как похожи наши взгляды на мир. И это приятно. Я понимаю все, о чем Вы говорите, во всяком случае, так мне кажется. И я тоже считаю, что ожидание - уже есть что-то, что мы живем ощущениями, пытаемся поймать отголоски...*

- Я люблю тебя, девочка! А это значит, что ты свободна ото всего, что касается меня. Таковы законы любви - жертвовать. К сожалению, слова все делают не просто неточным, но и неправильным. А!.. Я совсем забыл, что слово «любовь» требует особенной подготовки, ситуации и так далее... Что его нельзя произносить всуе... У меня свои законы. Я сильный. Я переживу. Но во всей этой ситуации мне хотелось бы больше всего думать о тебе, не навредить тебе, не ранить. Ты просто скажи себе: вот он, старый маразматик, ищущий приключений напоследок... Ну, и что-нибудь в таком роде... Это не мешает мне нежно прикоснуться к тебе...

- *Я не хочу, чтобы Вам приходилось что-то переживать, и без этого, наверное, многое пережили. Но, похоже, от меня ничего не зависит. Я ценю свободу, которую Вы предлагаете, и, пожалуй, воспользуюсь ею. Не воспользоваться - у меня не хватит сил, кроме того, я считаю, что это*

правильно. Не хочу обманывать Вас. Вы заслуживаете счастья. Я не могу, не знаю, как ответить на Ваше «я тебя люблю». И еще меня расстраивает, что я делаю Вам больно, возможно, каждым своим словом. Берегите сердце от мыслей, которые Вас удручают. И не называйте себя старым маразматиком, это ведь полная чушь.

Голова раскалывается. Природа творит чудеса. День ото дня вокруг становится все красивее и печальнее.

Однажды мы все-таки дошли до моей ночлежки. По дороге купили пива и сыр Дор блю. Я настаивал на красном вине и козьем сыре, дорогом, между прочим, но она потребовала пива и сыр с плесенью. Пытаясь найти хоть какое-то объяснение в глазах моей спутницы, я обеими руками развернул ее лицом к себе и увидел небывалое: в несколько мгновений стылая вулканическая бездна сменилась ртутным отливом предзакатного моря, а тот, в свою очередь перешел в яркую голубизну памирского лазурита. Все так знакомо - и все непонятно чье.

Когда мы расположились за столом, на меня вдруг нашел какой-то ступор - не знаю, о чем говорить. Вроде уже многое сказано - а в жизни ничего не происходит, не меняется. И тогда я сказал, - вот же не придумал ничего другого! - что скоро будет день, который называется «Международным днем борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин».

- Не знала, что есть такой праздник, как борьба с насилием в отношении женщин, - усмехнулась она. - Интересно, кто его придумал? Состоявшиеся или потенциальные жертвы?

- Наверно, это не совсем праздник, - сказал я, - а придумать его могли сами насильники, не обязательно жертвы. Во всяком случае, меня бы это не удивило.

Мы сели за стол. Пока я разливал пиво по стаканам, она крошила сыр. Резать Дор блю не всегда получается. Первый глоток, кусочек сыра - и первое разочарование: пиво оказалось сладковатым, сыр чересчур горчил. Пауза затянулась, надо было о чем-то говорить, и я решил продолжить наш недавний разговор. Или это была переписка по электронной почте? Что-то в последнее время я все путаю...

- Увы, я не по годам влюбчив. Это совсем не значит, что я создан, как заводная игрушка на определенную тему, просто я создан так и не иначе. Порой я боюсь себя, потому что не знаю, как со всем этим справиться. А еще - я старый романтик, и это непростительно.

- Думаете, я себя не боюсь? Страшнее, чем ты сам, ничего не существует. Я - натуральное чудовище... Только вы не подумайте, будто мне что-то от вас надо. Я живу очень обособленно, уединенно, я сама - романтик, а все мои внешние проявления - это своего рода крик в пустыне. Ну, нравится мне орать...

- Вообще не стоит отказываться ни от себя, ни от чего-то своего... Впрочем, ты орешь в своей пустыне, я - в своей.

- Ну, я не всегда ору в своей пустыне. Большею частью я просто там молчу. И живу.

- Чертова ситуация! - взорвало меня. - Мы в каком-то невообразимом тупике, я, во всяком случае. Спроси, чего я хочу, - отвечу с возможной прямоотой - не знаю. Вроде хочу поболтать с тобой, но не всегда знаю - о чем. А интересно, получилось бы у нас просто поцеловаться? Наверно, ты отнесешь ЭТО к области «кому-то опять что-то надо»...

**Не попробовав - не вкусишь.
Не хотелось бы, чтоб расплавленная магма пролилась
на какую-нибудь невинную Помпею**

- Иногда я жалею, что родилась в женском теле - тебя соответственно и воспринимают. Просто поцеловаться? Я не знаю, что ответить. На этот вопрос есть два ответа: либо «да» либо «нет», но пока не вижу никаких дополнительных факторов. Или я чего-то не понимаю.

- Целоваться... Просто... А мне нравится как раз то, что может последовать за этим (или не последовать, эка печаль! Зато попытка была сделана!) Твою нежную душу, в какой пергамент ты ее ни заворачивай, разглядеть не так уж трудно. И не потому что она вся на виду, просто она вопиет о том, что ее гложет. Слова... Я уже говорил, по-моему, - они словами и остаются. Что касается земного пути, он действительно малоинтересен. Но вот есть же пара моих любимых речек и одна гора на Алтае... Людей, к сожалению, совсем не осталось, ради кого стоило бы находиться ЗДЕСЬ. Да и что они, люди? Они вообще неинтересны. Даже самим себе. И даже многие не подозревают об этом... Никогда не думал о последствиях, о результате или вообще о чем-либо подобном. А отношений или «продолжений» я не боялся и не боюсь, напротив, я всегда стремился к ним. И это не огонь коллекционера, это попытка раскрасить ту самую постыльную обыденность или - если хочешь - назови ее жизнью. Я не разочарованный мальчик, я голодный пес. Но что-то странное в мире происходит. Очевидно - в моем мире. Я никогда еще столь сильно не хотел не жить. Никогда не было так плоско вокруг, так замылено и плохо протерто.

Я напрягся, наблюдая, как она медленно, пуговицу за пуговицей расстегивает кофту, стягивает один рукав, другой... Увиденное изумляет меня, и с каждым последующим ее движением изумление растет. Все руки у нее, открытые теперь майкой-безрукавкой, испещрены шрамами. Можно поначалу подумать, будто она побывала в какой-то аварии, где ее исполосовало битым стеклом. Но нет, все жуткие отметины расположены строго поперек руки, так обычно режут сами себя. Вполне объяснимо - область запястий, иногда чересчур чувствительные девушки пытаются вскрыть себе вены, и некоторым это удается. Но у нее все изрезано - запястья, предплечья, плечи. У меня перехватило дыхание и запершило в горле.

- Очень жалею, - продолжила она как ни в чем не бывало, - что Бог дал мне такую ранимую душу, хотя временами она не такая уж и ранимая, как кажется... А шрамы я очень люблю, считаю их лучшим украшением... И как же не вопить о том, что гложет? Между прочим, мне нравятся слова, их смысл, в них можно вложить душу, «оживить», словами можно объяснить, что, казалось бы, объяснить нельзя. А еще люблю цифры, мне кажется, что они лучше слов могут объяснить необъяснимое, но, увы, с математикой у нас непонимание. Я никогда не была в горах, к рекам у меня настороженное отношение (не люблю я воду, у нас затяжной конфликт). Нет, обыденность назвать жизнью я бы не решилась, уж слишком они разные. Я никогда не ценила жизнь, были случаи, когда меня спасали, но благодарности не могли дожидаться. А почему у вас все так плоско и замылено? Замыленное сначала надо хорошенько промыть, а потом уже протирать.

- С помощью тряпочки не прорвешься к ясному дню. Мы все живем в обособленном мире, что лично я считаю вполне нормальным. Однако, для того, чтобы оценить эту манеру жития, этот способ существования, не-

обходимо изредка проклевывать свою скорлупу. А что это там, снаружи? У-у-у-у! Все та же мерзость! Полезли обратно!

- Что ж, приходится жить в собственном мире, хотя я уверена, что мир, который вокруг - лучше (несмотря ни на что). У кого-то скорлупа, у кого-то необитаемый остров, и вечная надежда, что кто-нибудь приплывет и спасет от одиночества, или разделит его (на много-много мелких кусочков, чтобы его уже нельзя было собрать и склеить обратно), а вот не приходит в голову уплыть с этого острова в неизвестность. Вы по ночам спите?

- По-разному, это не важно... Думаю, что ты совсем другая, чем представляешь себя. Скажем, больше похожая на меня. Не знаю пока чем, может, какой-то неопределенной или - точнее - немотивированной жестокостью к себе. Ха! Как это так - человек может быть интересен жестокостью?... Не знаю. Я многого не знаю. И не собираюсь жалеть об этом, раскаиваться или разочаровываться. Мне, может, и интересно покуда в этой гнусной атмосфере, потому что я незнайка! Моя маленькая коробочка - стул, стол с компом, пол-окошка - чересчур часто закрыта для всяческого проникновения. Голова и сердце часто дополняют названный интерьер и ведут себя соответствующим образом. Странно, чем больше хочется замкнуть мир на самого себя, тем сильнее тяга к таким, как ты, неосознанная, впрочем.

- Без таблеток я засыпаю часов в 7-8 утра, а от таблеток я по утрам не очень, как бы выразиться, вменяемая (как зомби, только миролюбивое) - иногда я даже разговаривать не могу. Не хотелось, чтобы кто-то меня видел в таком состоянии, но что поделаешь...

- Мы ушли от начальной темы разговора далеко в сторону. Я не знаток отношений полов, но предполагаю, что за нашей вероятной близостью может последовать самая пестрая гамма чувств - разочарование, возмущение, неловкость, даже злость. Или вообще - пустота. Честное слово, не было задачи вот так взять и завоевать тебя, тем более, что я давно уже понял: завоевать невозможно ни так, ни эдак. Завоеванный человек рано или поздно становится врагом - это аксиома. Лучше - сотрудничество, договор, сговор... Черт знает, что у меня творится в голове, часто я не могу дать себе отчет в этом. Что касается нас с тобой...

И тут меня словно накрыло лавиной тумана. Нечто плотное, осязаемое заполнило всю комнату и стало проникать внутрь моего тела, путая мысли настолько, что я почувствовал, будто некто говорит за меня. И меня тут нет вообще, а представляется мной отделившаяся от моего существа непонятная субстанция.

В этом тумане, скорее напоминавшем липкую вату, словно плавая, она надевала свою кофточку, снимала со спинки стула сумочку, перемещалась к двери... Последнее - взмах руки и странный взгляд, растаявший в тумане. Я сидел, будто парализованный, не в силах ни пошевелиться, ни промолвить слово.

На другой день на работе не было ни ее, ни начальницы. На следующий - то же самое. На третий ноги сами привели меня к оздоровительному центру моего приятеля. Странно, на входе не оказалось дежурного, заходи, кому ни лень. И в коридоре никто мне не встретился, только в конце его через приоткрытую дверь пробивается свет. Там кабинет моего приятеля, очевидно, тот на месте. Что-то подтолкнуло меня, и я, не дойдя до его двери, повернул в сторону сауны и бассейна. И в баре никого, и в комнате отдыха, а вот за ее стеной - голоса. Я слегка приоткрыл дверь, ведущую в бассейн и обмер от неожиданности. В зеленоватой от специальной подсветки воде плескались трое.

ЭТО БЫЛИ ОНИ!

Никакого сомнения! Их сейчас невозможно было спутать, хотя сколько уж раз со мной случалось подобное, когда я видел их порознь. Что же это такое? Зачем они сошлись? Как это вообще могло произойти? Да в реальном ли измерении я нахожусь?.. А почему все-таки я решил, что это не одна из них в трех лицах? Их нагота открывала абсолютно одинаковые фигуры, мокрые волосы не различить по цвету, как и глаза, да и отличий в лицах с моего места не просто разглядеть. Зато хорошо видны шрамы! У всех троих одинаковые - на плечах, предплечьях, запястьях! А еще я увидел - и похолодел! - такие же страшные отметины на груди, на бедрах, по всему телу! В силу какой же такой причины можно эдак истязать себя? Это противится разуму, противится всему сущему и даже выдуманному! Я смотрел на них замороженный, а они резвились и хохотали, как и положено юным купальщицам в подобном месте, в урочный час...

Боже мой! Еще и это свалилось на мою голову, в которой без того давно уже царит беспорядок! Войти или остаться? Войти! Остаться! Войти!.. И что?

Я прикрыл двери и направился к выходу, так никого и не встретив по пути.

Мы подошли к концу истории и началу повести

Мы больше не виделись. Сначала, как объяснила начальница, она заболела. Потом, по истечении нескольких дней, Мария Сергеевна-Маша сказала:

- Она уехала в командировку.

ОНА УЕХАЛА В КОМАНДИРОВКУ!

ОПЯТЬ! ОПЯТЬ И СНОВА!

И добавила:

- Мы с тобой можем отправиться туда, где нам двоим было хорошо. Прямо сейчас.

Я промолчал и только подумал: ключевое слово - «было».

И тут меня обуял страх. Нет, это был не просто страх - в меня вторгался самый настоящий ужас! Я вдруг подумал, что пройдет совсем немного времени - и обязательно явится четвертая! Но и тем дело не кончится - я обречен, я приговорен!

И это не важно, что я давно уже решил расстаться с вами, что я ежедневно, ежечасно посылаю вам вослед:

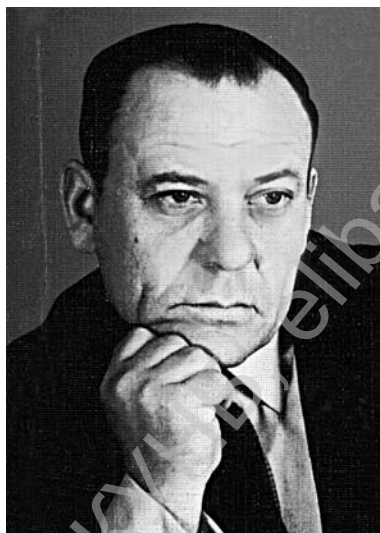
- Принеси им, Господи, удачу и избавь от новых украшений в виде шрамов!

Нет ничего забавнее самой жизни. Лучше ее, заковыристей... Хочу человека. Чтобы не путался под ногами и был рядом, не утверждался и был самим собой, не кричал и был убедительным. И любил бы себя. Меня - не надо, мне хватит любви, оставшейся от любви к себе, к НЕЙ, к тебе... Отраженный свет всегда «правильнее» прямого.

Привычное место - отметка нулевого километра. Я пришел сюда один. И не знаю, куда мне идти дальше. Честное слово, не знаю! Не станешь же спрашивать встречных-поперечных, в какой стороне мой дом? В какую сторону мне надо? Сочтут за сумасшедшего.

Эдмунд ГЮНТЕР

Эдмунд Гюнтер родился в 1922 году в селе Мариенберг Саратовской области. В 1941 году, как лицо немецкой национальности, был выслен в Сибирь, где работал сначала на военном заводе, а затем в совхозе «Каргатский». С 1967 года жил в Славгороде, где работал в газете «Роте Фане».

Стихи печатались в журналах «Сибирские огни», «Полярная звезда», «Огни Казани», альманахе «Алтай». Автор двух поэтических сборников.

ОСЕННЕЕ ПОЛЕ

Пустое осеннее поле.
Сырые и серые дни.
И грусть, и тоска поневоле
Охватят, куда ни взгляни.

Давно ли средь этих просторов,
Что ныне печалят глаза,
Слышны были рокот моторов
И жаворонков голоса...

Все смолкло.
Покой, запустенье
На поле осеннем моем.
Лишь слышится капель паденье,
Роняемых мокрым жнивьем.

И так неприветлива ныне
Ведущая полем стезя...
И все ж предаваться унынью
Я знаю - и нынче нельзя.

Пройдут и дожди, и метели.
И, зиму уйти торопя,
Лучи голубого апреля,
О, поле, разбудят тебя.

И в день ослепительный мая
Дыхание мы затаим,
Веселым и звонким внимая
Весенним напевам твоим.

Перевод Г. Карпунина

ЛИСТ НА ЗЕМЛЕ

Ему бы в вышине
Лететь за дальний пруд,
А он лежит в стерне,
А он остался тут.

А он лежит в стерне -
От инея седой,
У стынущих корней
Березоньки родной.

У стынущих корней,
У зябкого ствола,
Где с первых вешних дней
Вся жизнь его прошла.

Тут он увидел свет,
Тут зеленел и рос,
Был ветрами отпет,
Крещен десятком гроз,

Был ветрами отпет,
Им сроду не понять -
Земли роднее - нет,
Ее не променять
Ни на какой покой.

Где жил он - там умрет,
И рад судьбе такой.

Перевод А. Плитченко

МОРОЗ

Неужто может нравиться кому-то
 Мороз, когда в лесу деревьев стон.
 Как много раз меня он мучил, лютей,
 Как много раз был мною проклят он.

...Шла девушка навстречу мне.
 Красивей
 Не видел я.
 Застенчива. Скромна.
 И щеки - будто яблоки в наливе.
 И взгляд, в котором солнце и весна.

Растерянный, негромко и несмело
 Я задал ей единственный вопрос:
 - Скажи мне, кто тебя красивой
 сделал?

И услышал короткое:
 - Мороз...

Я побывал там вновь,
 где в ту минуту
 Ее случайно встретил на пути.
 Мороз, я все тебе прощаю, лютей,
 Скажи мне только: где ее найти?

Перевод Л. Чикина

* * *

Стихи, если я и затеял,
 То их в тишине не слагал,
 Нет, прежде пахал я и сеял,
 Косил,
 Молотил
 И пахал.

Я эти слова не придумал.
 Они ко мне сами пришли
 От радостной и от угрюмой,
 От вешней и зимней земли.

Пришли и легли неуклюже
 На грубом сосновом столе.
 И пахнут и пашней, и стужей,
 И долгой дорогой во мгле.

И эту дорогу сквозь вьюгу
 Пройду я, когда б ни пришлось,
 Лишь только бы дальнему другу
 От слов моих лучше жилось.

Перевод А. Плитченко

МОРОЗНОЕ ОКНО

Окно морозное.
 За ним пустая степь.
 Пустая улица.
 Безлунный вечер слеп.
 А ты в безмолвье слышишь
 звон ручья...

Да как же это, милая моя?..
 Окно морозное.
 За ним - темны снега,
 И никого -
 Ни друга, ни врага.
 А ты за далью
 Слышишь стук копыт...
 Да как же это я не позабыт?..

Окно морозное.
 А за окном сугроб
 Подставил февралю угрюмый лоб...
 Ты слышишь щебет птиц
 и шелест трав -
 И ты - права,
 А я - кругом неправ.

Перевод А. Плитченко

ГЛАЗА

Ты поглядишь -
 И тяжкий мрак исчез.
 О, милых глаз
 Свет необыкновенный -
 Одно из самых радостных чудес
 Земли моей.
 Да что уж там -
 Вселенной!

Я в трудный час
 С надеждой в них смотрю,
 В них нахожу поддержку и участие,
 И не судьбу - тебя благодарю,
 И твердо знаю,
 Что такое - счастье.

А счастье -
 Это не сойти с пути,
 Под тяготами жизни
 Не согнуться,
 Все выдержать и все перенести,
 К родным глазам
 Губами прикоснуться.

Перевод А. Плитченко

ЖУРАВЛИ

Осенняя тишь после летнего бала.
В горах одиноких и рощах печаль.
У пыльной дороги ромашка завяла.
И степь в свете сумерек - тихая даль...

Неведома мне эта грустная песня -
Я к осени ранней еще не привык.
Но вдруг разорвет тишину поднебесья
И рухнет на землю тоскующий крик -

То крик журавлей. Они здесь бы остались -
На родине, где им на сердце светло.
Печально летит одинокая стая,
Ведь время, увы, расставанья пришло.

Понятен их крик неумемный и слезы...
О, если б позволила дней череда
Вовек не оставить родимые гнезда,
И боль расставаний не знать никогда!..

Цветы отцветают. Печальные стаи
Летят над мрачнейшей ширью степей...
Так люди тоскуют, когда покидают
Родительский дом на отчизне своей.

Перевод Е. Филоненко

НАДЕЖДА

Я видел, я знаю, как жаждут, томятся
Под солнцем июльским безводные степи,
Где травы поникли,
Засохли,
Дымятся,
Где трещины почву схватили,
Как цепи.

Я эти края исходил, обжигая
Крестьянское сердце о бедную землю,
Мне ближе она, чем любая другая,
И беды ее, как свои, я приемлю.

И сон ее давний мне снова приснится,
Приснится пора грандиозных свершений -
Широкое золото спелой пшеницы,
Высокое золото рощи осенней.

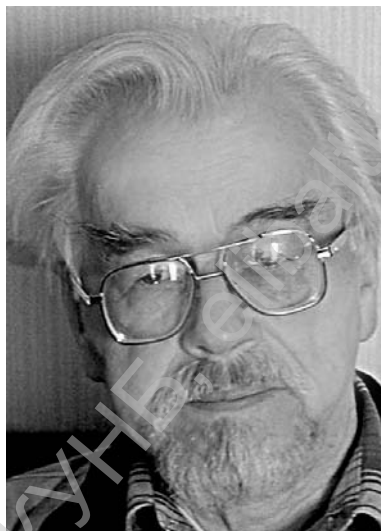
Надеюсь - так будет, и нету поруки
Вернее, чем эти рабочие руки!

Перевод А. Плитченко

Александр ВОЛКОВ

Волков Александр Иванович (р. 1929) - журналист, доктор исторических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет. Работал в газетах «Алтайская правда», «Известия», «Советская Россия», «Правда». В 1972 году был приглашен на работу в международный журнал «Проблемы мира и социализма» (Прага), в котором проработал почти 11 лет. Ныне - независимый журналист, автор нескольких книг.

АНЕКДОТИЧЕСКИЕ БЫЛИ КОСМИЧЕСКИЙ ГРАБЕЖ

- Вторым космонавтом станет Герман Титов, - сообщил мне Коля Штанько. Он приехал ко мне в Барнаул, чтобы мы вместе нашли семью будущего героя космоса и написали о ней для «Известий». Говорил, что узнал эту новость от врача космонавтов, с которым случайно познакомился, что это, конечно, очень строгий секрет. Тогда я поверил: ведь все секретили по-страшному, мы не знали тогда Королева, упоминался только безымянный «Главный конструктор», упоминался и «Главный теоретик», оказавшийся впоследствии Келдышем, президентом Академии наук СССР. Но теперь я думаю, что Штанько получил эти сведения от Алексея Аджубея, нашего известинского главного редактора, зятя Хрущева, только это вот и было самым большим секретом.

Коля сказал, что ему известны лишь некоторые отрывочные сведения. Космонавт из военных летчиков, отца зовут Степан Павлович, сестренку Германа - Земфира. Отец назвал их в честь литературных героев, потому что сам он учитель русского языка и литературы, а происходят они все из коммуны «Майское утро», которая была где-то на Алтае. Вот единственная зацепка, от которой можно начинать поиск.

Найти, где была эта коммуна, для меня не составляло труда. И вот в дождливый июньский день мы уже сидим в просторном кабинете председателя сельсовета Александра Николаевича Хорохордина в селе Верхнее Жилино, что по-старому иногда еще называют Журавлихой. Расспрашиваем председателя о культурной жизни села, о том, какое участие в ней принимает местная интеллигенция - чтобы как-то выйти на Степана Павловича Титова. До этого уже просмотрели кучу регистрационных книг, в которых Титовых больше 20 семей, но ни одна не подходит нам ни по одному из названных параметров. Имен совпадающих нет, ни у кого сын не служит в летчиках. А ведь и намекнуть толком не можем на то, кого ищем. Пошли по такому пути - начали опрашивать местных старожилов, интересуемся, мол, историей села. Коля сидит в одном углу с одним человеком, я - в другом, с другим человеком и - ничего! Хотя человек 20 уже опросили, задавая всякие дурацкие вопросы. Правда, много узнали про коммуны, а также про Адриана Митрофановича Топорова, который в Народном доме

коммуны 8 лет читал крестьянам произведения мировой литературы, а потом записывал их суждения. В итоге издал поистине уникальную книгу «Крестьяне о писателях».

Но вот ко мне подсел колхозный кузнец Павел Степанович Блинов, бессменный депутат сельского Совета с 1929 года. Что-то рассказывает, я слушаю вполуха, поглядываю на Штанько, а тот только отрицательно покачивает головой: мол, ничего нужного нам нет. А времени-то уже часов пять! И вдруг мой кузнец говорит:

- А насчет интеллигенции - у нас тут такие учителя были в самом начале советской власти! Адриан Митрофанович Топоров, Степан Павлович Титов - ученик его, однокашник мой. Вместе в первый класс бегали. Потом отец забрал его в коммуну «Майское утро». Тут тебе и музыка, и театр, и книги читали всем миром. Сейчас Степан на пенсии, но работает садоводом в совхозе «Луч Октября».

Я аж подскочил:

- А где этот совхоз? Где Степан Павлович живет-то?

- В Полковниково, это километров 20 отсюда...

Я просигналил Штанько, мол, есть нечто, срочно сматываем удочки. И вот уже мы на своем газике с матерым нашим шофером Сергеем Михайловичем лихо ковыляем по разьеженной грязнувшей колее - дождь же - чтобы приехать в Полковниково хотя бы не ночью. Добрались часам к 10 вечера. Стучим, хотя для деревни это уже очень позднее время. Открыла женщина лет пятидесяти, впустила в дом, когда мы сказали, что ищем Титовых. На диване лежал суховатый светловолосый мужчина, закинув руки за голову. Женщина сказала, что Степан Павлович приболел. Но он приподнялся и сел. Мы представились, предъявив известинские удостоверения, подписанные, кстати, Аджубеем. Сказали, желая как-то втянуть в беседу Степана Павловича, что интересуемся историей коммуны «Майское утро» и особенно - Адрианом Митрофановичем Топоровым. Не представляли тогда, что именно последнее вызовет у хозяина беспокойство: Топоров к тому времени уже отсидел, кажется, 16 лет, а Степана Павловича по его делу не раз таскали в органы, он и из коммуны-то уехал подальше по этой, собственно, причине. Так неуклюже как-то начиналось наше знакомство.

Однако прожили мы в этом гостеприимном доме целых три дня. Каждый день с утра начинали беседы со Степаном Павловичем. Он потихоньку разговорился и много рассказал о прошлом, что и вошло потом в документальную повесть «Отчий дом», опубликованную в трех номерах «Известий», а также в изданную позднее более солидную книжицу «Ветвь сибирского кедра». Александра Михайловна, добрейшей души человек, кормила нас жареным ливером, который был отменно хорош. Мы бегали в магазин за бутылочкой водки. Степан Павлович почти не пил, он был не очень здоров, но все же пригублял, и беседы становились как-то теплее. По нашей просьбе даже сыграл на баяне и тихонько спел сочиненные им песни, очень лиричные. Рассматривали семейные фотоальбомы, и вот тут у нас были некоторые возможности расспросить нечто про Германа. С этими расспросами мы были очень осторожны, и все-таки узнали о нем немало интересного.

Альбом фотографий не давал нам покоя: столько там было интересных снимков! Герман, еще малыш, года три, управляет лошадью, а гордый отец развалился на телеге, как бы полностью доверяя сыну. Герман учится играть на гармошке. Герман с друзьями по летному училищу изображают что-то смешное, то есть каждый изображает что-то свое по неожиданной общей команде... Но попросить дать нам именно эти фотки мы, разумеется, не могли. Что оставалось делать?

В последнюю ночь мы попросту ограбили наших гостеприимных хозяев. Точнее - обобрали этот альбом. Один из нас стоял «на шухере», а другой вытаскивал фотографии. Прихватили и ноты двух песен Степана Павловича.

Когда мы уехали, Степан Павлович зашел к соседу и рассказал про наш визит. Сказал, что гости предъявили удостоверения журналистов с подписью Аджубея.

Но вот гложут его сомнения. Мол, расспрашивали больше всего про Топорова - может, это опять кагэбисты? И еще - про Германа, который служит, судя по письмам, в какой-то особой части. Так, может, это шпионы, церэушники? Но удостоверения вроде солидные.

- Что удостоверения! - возразил сосед. - Хоть гэбисты, хоть церэушники любое удостоверение состряпают, даже с подписью самого товарища Сталина!

Степан Павлович еще не знал тогда, что мы альбом с портретами Германа очистили основательно, а то еще бы больше волновался. Признались мы в этом и повинились, только гуляя по Пушкинской площади, когда уже встретили родителей космонавта, прилетевших на торжественную встречу Германа Степановича в Москве. И были прощены, потому что все те фотографии были опубликованы в нашей газете.

А потом я повез Степана Павловича в радиокомитет, не сказав толком - зачем. Его там, конечно, встретили очень радушно. Пригласили в небольшую, но битком набитую любопытными радиожурналистами комнату, где стояли огромные колонки, усадили нас рядышком и сказали, что сейчас послушаем одну песню. Он не представлял - какую. Врубили музыку, и зазвучала его Алтайская лирическая:

*Гаснет в небе заря золотая,
Тихий вечер ложится вокруг.
В этот час на далеком Алтае
О тебе вспоминаю, мой друг.*

Исполняли ее две известные певицы и три баянистов, хорошо знакомое ему, любителю музыки. Получилось мощно, раскатисто, красиво! Степан Павлович восторженно кричит: дайте мои ноты! Дали. Он впился в них глазами и так просидел до конца исполнения. А потом вскочил возбужденный, жмет всем руки: Спасибо, спасибо!

Эта песня была написана на стихи учителя Александра Фомича Кулика. Но Степан Павлович, как говорил, сам «баловался стихами», и, мне кажется, часто они получались отнюдь не заурядными. Вот, например, эти:

*Белопенный кружит,
Вызмеясь ручей.
И лопочет лужа
Пляской пузырей.*

Когда мы уже выходили из радиокомитета, я спросил немножко ехидненько, чего это, мол, вы за ноты вдруг схватились? Он объяснил, что думал: исправили там, наверное, что-нибудь. Дескать, неудобно корявую музыку отца космонавта исполнять, вот и приукрасили. А когда убедился, что нет-таки, что все до ноточки, как у него было, успокоился и обрадовался.

- Ну, а вторую песню слушайте на краевом радио! - сказал я в завершение.

Наше воровство было окончательно прощено.

МАТЬ СЫНА НЕБА

Мы с Колей Штанько праздновали завершение публикации в «Известиях» нашей документальной повести «Отчий дом» в любимом ресторане известинцев «у Бороды», что в Доме актера. Событие для нас не рядовое, поэтому праздновали с размахом. Или лучше сказать - интенсивно. Когда пиршество перевалило на ту сторону полуночи, в ресторан влетел посыльный из «Известий»:

- Вас срочно просят в редакцию!

Он рассказал, что Аджубей пообещал Анастасу Микояну к завтрашнему утру, ко времени официальной встречи Германа Титова, выпустить книжку о его полете. Там уже вовсю идет работа, Гольцев с Мамлеевым - составители. Они говорят, что вы очень им нужны.

Наш шустрый главный редактор любил такие фортели - всех обскакать, удивить быстротой реакции на события. Журналистам старшего поколения известна примечательная в этом смысле история. Редактор английской «Санди таймс», приехав в Москву, имел неосторожность похвастаться известинцам, что Чарли Чаплин пообещал ему для первой публикации главы из его «Автобиографии», которая вот-вот должна была выйти в свет. А притом англичанин упрекнул наши газеты в неоперативности и недостаточной находчивости. Тут же Аджубей развернул бешеную активность, чтобы утереть нос хвастливому гостю. Позвонил Чаплину и попросил принять нашего корреспондента. Известный международник Мэлор Стурау был отправлен в Елисейский магазин, где купил четыре килограмма черной икры, отвез в аэропорт и уговорил летчиков компании «Бритиш Эрвейс» доставить ее в Лондон. Собкор «Известий» Владимир Осипов встретил икру в аэропорту, а потом притащил в отель, где жил Чаплин, огромный сверток - кастрюлю из известинской столовой, набитую льдом, выпрошенным у мороженщиц, с горой икры. Подарок был предложен в качестве гонорара за публикацию текста из «Автобиографии». «С ума сойти! - сказал Чаплин. - Эти парни поставили меня в тупик». И отдал рукопись.

Осипов ночью перевел и передал по телефону стенографисткам текст на целую газетную страницу. Его тут же опубликовали, и потрясенный редактор «Санди таймс», увидев в «Известиях» то, о чем мечтал сам, нашелся лишь в одном: позвонил Аджубею и попросил разрешения прислать своего сотрудника на стажировку в нашу газету.

Мы вышли из ресторана, я поглядел на отяжелевшего соавтора и сказал ему:

- Понимаешь, две пьяных рожи для редакции - это слишком. Ты, пожалуй, иди домой, тебя там жена ждет, а я и один справлюсь.

Так и порешили. Пришел в редакцию. Гольцев объяснил, что именно от меня требуется: вычитать наш с Колей «Отчий дом», который занимает большую часть книги, и сделать подписи к фотографиям. Мне отвели комнатку поближе к типографии, я сел за стол, удобно положил на него руки, на них голову и... сладко уснул.

Не знаю, сколько спал, но проснулся оттого, что Валентин теревит меня за плечо и этак заботливо, ласково предлагает:

- Саш, ляг лучше на диванчик и поспи, гранки будут еще часа через полтора.

Я перебрался на диван, и мир для меня исчез.

Он снова появился, медленно прорезываясь в тумане, когда я почувствовал, что меня трясет множество рук и зовет по имени хор голосов. Коллеги говорили потом, что будили меня всем кагалом и всеми способами, вплоть до применения жестоких средств, вроде воды. Достигнуть результата удалось далеко не сразу.

Но все же я поднялся. Гранки уже лежали на столе. Я сел за него, устроился поудобнее и... уснул прямо на гранках.

Не помню - как, но меня все же подняли, и я все же начал читать. А потом принесли фотографии, и я уже в несколько более нормальном состоянии стал сочинять к ним подписи.

Около пяти утра, выполнив свою миссию, я весело шагал по улице Горького вниз, к любимой гостинице Москва. Светило солнышко, утренняя свежесть воздуха бодрила, и мои мозги явно оттаивали от вчерашней дури и ночной усталости. И вдруг, как вспышка в них: что я только что написал под фотографией Александры Михайловны, мамы Германа? Она оказалась последней в наборе иллюстраций. Портрет был отличный: снимок сделан чуть снизу, и подбородок героини как бы приподнят, голова обращена к небу, на просветленном лице полуулыбка, гордый взгляд... Я долго думал, что же написать под этим снимком. Вспомнилось, что Германа кто-то назвал Сыном неба. И я написал: Мать сына неба!

Боже, так ведь и написал! «Мать сына неба» - какой бред! Отец - небо, а она его жена, что ли?.. Кинулся искать телефон, к счастью, быстро нашел, нащупал в кармане двушку, две копейки. И, тоже к счастью, Гольцев сразу ответил.

- Валентин! - закричал я, печатать уже начали?

- Сейчас начинаем.

- Остановите, ради Бога! Там же бред в подписи к портрету Александры Михайловны!

Оказывается все прочли подписи, но никто не задумался над моей впечатляющей фразой - «Мать сына неба».

Что-то мы на ходу сочинили с Гольцевым, и машины были запущены. А уже, примерно, в 10 утра Микоян раздавал на трибуне Мавзолея нашу книжку всем участникам встречи - на это есть фотографическое свидетельство.

КАК Я ЗАЩИЩАЛ ПАРТИЙНУЮ ДЕМОКРАТИЮ

Работать в «Известиях» я начал в 1958 году, при главном редакторе Губине, стал собкором на Алтае. Однажды из Москвы приехал председатель Совета министров РСФСР Полянский. Он собрал партийный актив, устроил накачку, и актив принял решение, как говорилось, «взяли обязательство», что сев будет завершен к 15, помнится, мая. Хотя прежде крайком партии намечал другой, более реалистичный срок. Узнав об этом, я пошел к секретарю крайкома Пысину - задать ему вопрос, почему так поступили. Тогда я уже располагал чуть ли не столетними данными, говорившими о вреде раннего сева на Алтае. Установленный новый срок предопределял начало сева в апреле, то есть заведомо предполагал зряшную трату семян, горючего, людского труда.

Однако мой визит не удался, сказали, что секретаря нет на месте, и неизвестно, когда появится. Тогда я позвонил в редакцию заведующему сельхозотделом Петру Алексеевичу Анчихову и рассказал все. Петр Алексеевич возмутился, шумел, что я не должен этого так оставить, надо написать записку, которую он перешлет в Президиум ЦК КПСС. Мы так вот вместе повозмущались, завели друг друга, и я сел писать «кляузу». Она была передана стенографистке по телефону и действительно, как я узнал впоследствии, направлена в ЦК КПСС. А я сразу после этого уехал в командировку в какой-то район.

Вот там, в районе, меня и разыскал по телефону председатель крайисполкома Шевченко. Он сказал, что из Москвы звонил Полянский. Сегодня вечером, в 21 час, я должен быть в кабинете председателя, чтобы поговорить с Полянским по спецсвязи.

Что-то подсказало мне - было такое даже толком не осознанное ощущение - что не нужно поспешно реагировать на этот звонок и мчаться на переговоры. Уж коль повел себя нахально, написав критическую записку о таком высоком начальнике, то надо так же вести себя и дальше. Я ответил Шевченко, что выполняю задание редакции и смогу быть в Барнауле только завтра вечером. Тот был шокирован моим ответом, даже осторожно заметил, что, видимо, не очень прилично отказывать в разговоре премьер-министру республики, кандидату в члены Президиума ЦК КПСС. Но особенно-то читать мне мораль ему было неудобно, потому что в то время, прямо скажем, все центральные газеты, их корреспонденты пользовались, конечно, несравнимо большим авторитетом, чем, например, сегодня.

С собственной идеалистической точки зрения, или, скажем проще, с точки зрения политической недоразвитости я поступил совершенно нормально. Понимал, что лезу на рожон, но слишком велика была вбитая в голову еще в школе вера, что если действуешь по справедливости, если ты прав, если хорошо аргументируешь свои позиции, то непременно выиграешь. Но в этом был вызов, как понимаю сейчас, не столько конкретному лицу, сколько кому-то или чему-то неопределенному, возмож-

но, даже системе: потребность в таком вызове нами уже ощущалась, но ясности цели не было. И это был вызов верующего - в систему, ее справедливость, даже в тех людей, которым адресовалась критика. В каком-то смысле это был все-таки вызов в пространство...

Только уже много позже я понял такие простые вещи, что за тем ведь и посылали на Алтай Полянского, чтобы надавил на партийный актив, построился, устроил разносы, заставил сеять быстрее. На том все держалось, на том они, эти люди, держались, на том и дело даже держалось до какой-то поры.

В приемную председателя крайисполкома Шевченко я приехал немного раньше срока, минут за пятнадцать до девяти, и сразу же раздался телефонный звонок.

- Нет, Сергей Васильевич еще не пришел, - сказала в трубку его секретарша. - Дмитрий Степанович, он буквально сейчас будет... Волков? - переспросила она подчеркнуто. Я мотнул головой, мол, нет меня, потому что хотел сначала поговорить с Шевченко, лучше понять обстановку.

- Нет, и его нет, - сказала секретарша. И я понял, что Дмитрий Степанович здорово заведен, коль проявляет такое нетерпение и звонит даже ранее намеченного срока.

Скоро пришел Шевченко и сам заказал Москву. Помощник Полянского ответил, что Дмитрий Степанович занят. Шевченко назвал себя. У них были хорошие, почти дружеские отношения, но помощник снова ответил, что Дмитрий Степанович не может сейчас разговаривать. Тогда Шевченко сослался на то, что Полянский хотел поговорить с корреспондентом «Известий», и помощник тут же ответил: «Сейчас соединю». И я снова подумал, что крепко задет мой высокопоставленный оппонент. Но, странное дело: взяв трубку, ждал чуть ли не благодарности за то, что обратил внимание на важную проблему - настолько сильна была идиотская вера в справедливость и саму высшую власть.

Первые минуты разговора представляются мне сегодня, хоть уж и не помню деталей, лавиной ругани, которая обрушилась на меня. Первая фраза, впрочем, запомнилась:

- Вы ни черта не понимаете в сельском хозяйстве, вы все переврали...

Дальше не помню, но это была грубая силовая атака. Меня обвиняли во всех смертных грехах: лезу не в свое дело, чуть ли не собираюсь сорвать сев, исказил все факты. Я не мог вставить хотя бы слово до тех пор, пока Полянский немножко не выдохся. И тогда я спросил:

- А что, Дмитрий Степанович, это так и будет ваш монолог или все-таки возможен диалог?

- А что ты можешь сказать? - резко возразил он, перейдя на «ты». Но все же он остановился, и я воспользовался этим:

- Вот вы упрекнули меня, что я все переврал, в частности, назвал совещание, которое вы созвали, заседанием бюро крайкома, тогда как это был актив. Вы считаете это принципиальным?

Не помню уже ответа, но других-то фактов, которые я «переврал», он и вообще не привел. На этом моменте был в его монологе какой-то акцент, выходящий даже на некоторое обобщение: мол, корреспонденту искажение фактов непростительно. Это и теперь обычный прием в обращении с газетчиками: когда хотят увернуться от критики, возражают не по существу, а уцепившись за какую-нибудь деталь, которая «искажает действительность». И все очень пекутся о журналистской нравственности.

- А я, Дмитрий Степанович, считаю принципиальным другое, - возразил я, - то, что вы допустили грубое нарушение норм партийной демократии. Будь это бюро крайкома или партийный актив, ни тот, ни другой не имели права отменять решение пленума крайкома партии о сроках завершения сева, принятое несколькими днями раньше.

Эту фразу я не заготовливал, просто она родилась спонтанно, наверное, как раз потому, что мой собеседник сделал нажим на том моменте, а вместе с тем с формальной партийной точки зрения тут был действительно «криминал»: актив отменил решение вышестоящего органа. Сейчас все это кажется смешным: крайком партии решает, когда начинать и когда заканчивать сев! Бред собачий! Молодежь может и не понять, о чем тут речь. Только тогда вся экономика управлялась такими жесткими партийными вожжами. Впрочем, всмотритесь в сегодняшние порядки и обнаружите еще очень многое и многое из пережитков тех времен. Но главное - я понимал, что обстоятельными аргументами, цифрами, фактами в таком разговоре оперировать бесполезно...

С минуту трубка молчала. Я ждал, уже чувствуя, что удар, похоже, пришелся под дых, но еще не зная возможной реакции. Она могла быть жесткой и злой. Но вдруг произошел какой-то поворот.

- Это они неправильно сделали, - сказал Дмитрий Степанович. - Я не имел об этом представления.

Нет, он не оправдывался, но говорил совершенно иным тоном, как бы уже размышляя вместе со мной о происшедшем, а может быть, и обвиняя тех, кто его подвел, - местное руководство, секретаря крайкома партии. Возможно, это был самый легкий способ снять проблему, свалить на других вину за то, что произошло, потому что он уже понял: корреспондент отнюдь не склонен отступать, а напротив, готов идти до конца, настаивать, а такое ведь может быть «чирьевато последствиями». Мне тоже удалось вставить слово - объяснить свою позицию, обосновать причину того, почему написал записку, рассказать и о многолетних данных, которыми располагаю. Сказал и о том, что заходил к Пысину, но не был принят.

Полянский вдруг, перейдя снова на «ты», но как-то уже по-другому, это было уже доверительное такое «ты», посоветовал:

- Ну, ты с ними не ругайся, они, в общем-то, неплохие ребята. Сам понимаешь, что им все-таки трудно там с севом. Постарайся найти с ними контакт.

И еще хорошо помню последнюю фразу, потому что она была прямо противоположна первой.

- А ты, оказывается, в сельском хозяйстве разбираешься.

На другой день в девять утра меня пригласил Пысин. Вошел в его кабинет и сразу увидел, что он буквально взъярен. Первый секретарь был крупный мужик, лицо тоже крупное, с тяжелыми набухшими веками, нависающими над глазами, от чего в гневе был впечатляющ. Начал он грубо:

- Ты что там расписался! Вот мне сегодня звонил Аристов (член Президиума ЦК КПСС - А.В.), говорит: что у тебя там за корреспондент, который пишет нам какую-то ерунду, неужели ты не можешь прижать его как следует!

Я встал и пошел к двери.

- Куда ты?

Я ответил, что не намерен выслушивать нотации. Что секретарю крайкома партии, даже если он заручился поддержкой члена Президиума ЦК (не зря же со ссылки на Аристова начал), не пристало разговаривать с корреспондентом «Известий» в таком тоне.

Он уже спокойнее предложил все-таки вернуться, присесть и продолжал говорить, но все о том же - что я не понимаю, во что лезу, не понимаю, как важно вовремя посеять... И все больше распался, распался, а я снова вставал и уходил. Он опять меня мягко возвращал, но, наконец, окончательно не выдержал - сорвался на крик.

- Расписался! Я вот пошлю тебя на хлебозаготовки уполномоченным, и ты узнаешь, почем фунт лиха! Завалишь все, и мы тогда вышвырнем тебя из партии...

Да, тогда и не нужно было большего наказания журналисту: исключили из партии - значит, больше не работать ему в печати, в провинции-то особенно. Надо заметить, что мы, корреспонденты центральных газет, состояли на партийном учете не в московских, а в местных организациях, то есть в этом смысле были подвластны местным райкомам, горкомам, крайкомам партии. Там не только в газету - и в другое место не устроишься без милостивого разрешения партийной инстанции.

Мне после выпада секретаря уже не оставалось ничего, кроме как тоже дерзить:

- Не выйдет у вас ничего, Константин Георгиевич, руки коротки. Прежде чем куда-то послать меня, вам придется согласовать это с моей редакцией. Это, во-первых. А во-вторых, я постараюсь довести до сведения вышестоящих органов, как вы общаетесь с людьми. Теперь я представляю, что было бы, скажем, с рядовым агрономом, если бы он написал нечто подобное даже вам, а не в ЦК. Вы бы его уничтожили. А со мной это не получится!

Господи, до чего же все это было наивно! Но для секретаря - неожиданно, неприлично. На его лице проступили красные и белые пятна, по-моему, все вместе, и он опять стал что-то кричать, а я остановил его и произнес уже целую тираду, одним духом, даже без запятых:

- Вы кричите на меня потому, что вам стыдно. Ведь вы прекрасно понимаете, что написал я все правильно, что край понесет огромный ущерб от преждевременного сева. Но вы не решились сказать все, что думаете, Полянскому, когда он собрал вас, вы побоялись возразить! А мальчишка вот, с вашей точки зрения, корреспондент возразил, написал, и вы хотите ему отомстить не за то даже, что он вас подвел, не так уж и подвел, прямо скажем, вас там лучше понимают, чем меня, но вы кричите потому, что вас как бы «уязвили», вам, да и другим, показали эту вашу слабость... Вот еще и «корреспондента прижать» не можете...

Выпалил это и еще что-то, и тут мне стало его как бы немного жаль, потому что ведь он явно не знал о нашем вчерашнем разговоре с Полянским. Решил дать ему понять, в чем дело. И очень уж кстати в кабинет вошел Шевченко. Вошел и, видя, как мы распалены, не решаясь перебить, молча сел рядом. А я в это время продолжал:

- Вы еще к тому же защищаете честь мундира. Но люди с погонами, на которых звезды покрупнее ваших, нашли мужество признать ошибку...

Он взглянул уже настороженно - в чем дело? Хотя и не задал этот вопрос.

- Вот Сергей Васильевич Шевченко, - продолжал я, - был вчера свидетелем нашего разговора с Дмитрием Степановичем Полянским по телефону, и когда мы все как следует выяснили, Дмитрий Степанович признал, что актив поступил некорректно, отменив решение пленума. Он, правда, сказал, что вы его не информировали об этом решении. И прямо заявил, что вы поступили неправильно. В то же время он как бы, - сфантазировал уже я немножко, - и свою ошибку счел возможным признать.

Тяжелый взгляд секретаря медленно обратился на Шевченко, а веки опустились на глаза еще ниже. Он тихо спросил:

- Это правда? Ты знал?

Кажется, Пысин почти ничего и не говорил, но смотрел на соратника так яростно, что было ясно: когда я уйду, из полного Шевченки получится хорошая отбивная котлета - не предупредил вовремя! Так подставил!

Со мной же Пысин заговорил совсем другим тоном.

- Ну, почему ты не мог просто зайти ко мне и сказать все, что хотел, вместо того, чтобы писать в Москву?

- Я заходил, но ваши секретари настроены так, что корреспондента центральной газеты вам принимать не обязательно. Если вы хотите, чтобы у нас были действительно деловые контакты, как и Дмитрий Степанович, кстати, советовал, то корреспондентов центральных газет надо либо принимать немедленно, независимо от

длины той очереди, которая у вас всегда сидит, либо назначать время, если просим встречи.

Пысин нажал кнопку, вошла секретарша. Спокойным, подчеркнуто корректным тоном он дал указание:

- Отныне прошу корреспондентов центральных газет принимать немедленно. Если меня нет, - узнать, когда буду, и назначить время.

Секретарша удивленно посмотрела на меня и, согласно кивнув, что-то там записала в блокнотик. А мы распрощались. И, надо сказать, что эта последняя договоренность впоследствии строго соблюдалась.

В тот же самый день мне позвонил из редакции Петр Алексеевич Анчихоров и очень расстроено сказал: извини, но тебя увольняют. Главному редактору Губину звонил Полянский и возмущался твоим письмом в Секретариат ЦК. Я, мол, возражал, а он только пожал плечами: если руководитель такого ранга делает столь серьезное замечание, считает, что в записке все перевернуто, придется принимать серьезные организационные меры.

- Да нет, Петр Алексеевич, не придется, - нахально ответил я. - Мы вчера вечером с Дмитрием Степановичем выяснили отношения по телефону, можете считать, что он признал свою неправоту.

Так я себе позволил трактовать происшедшее. А иначе и нельзя было, требовалось держаться уверенно и убедить свое начальство, что увольнять меня нет причин.

Электронная библиотека АНУБ, anub.lib.ru

Вячеслав АНТРОПОВ

ВОКРУГ БАЙКАЛА

Записки путешественника

У ОЗЕРА

Байкал с самых древних времен поражал людей своими масштабами, флорой и фауной. Все, кто хоть однажды побывал на его берегах или проезжал мимо, с восхищением говорят об увиденном. Прозрачная ледяная вода, необыкновенного вкуса, свойственного лишь высокогорным хрустальным источникам, утоляла жажду кочевников, путешественников, бродяг и скитальцев. Холодная вода освежала тело, избавляла от уныния. Короткое купание обязательно сопровождается возгласами, барахтаньем, веером брызг. Зайти медленно в такую воду невозможно, только сразу, с разбегу, как в омут, с головой и тут же обратно. Когда на теплом песке или гальке, крупных камнях начинаешь отогреваться, взгляд с благодарностью скользит по озеру. А там, в далекой дымке, еле просматриваются очертания гор, белки которых сливаются с горизонтом. Валентин Распутин так говорит о Байкале: «Человека всякий раз брала оторопь при виде Байкала, потому что он не вмещался ни в духовные, ни в материалистические представления человека: Байкал лежал не там, где что-то подобное могло бы находиться, был не тем, что могло бы в этом и любом другом месте быть, и действовал на душу не так, как действует обычно «равнодушная» природа. Это было нечто особое, необыкновенное и «богоделанное».

Многие люди оседали у этого священного моря, навсегда связывали с ним свою судьбу и своих потомков. Ставили крепкие дома, юрты, обзаводились живностью, снастями для рыбалки и охоты, сбора даров леса. Слава богу, леса, рек и речушек, озер вокруг множество, промышляй - не ленись.

В первую свою поездку на Байкал я жил в пос. Листвянка, на западном побережье приблизительно в 70 километрах от Иркутска.

В конце августа 1997 года поездом Москва - Владивосток, в плацкартном вагоне я отбыл из Тюмени. По всему пути было солнечно, но ближе к Омску похолодало до плюса пяти. Выходил на всех больших остановках: Новосибирск, Красноярск, поздно ночью миновали станцию Зима. На станциях с рук продавали колбасу, пиво, кефир, молоко, вареный картофель, разную рыбу, мороженое, хлеб, пирожки, пельмени. Мои соседи по купе - северяне - охотно покупали; были они при деньгах, ехали к сыну, служившему в Хабаровске; еще одна соседка путешествовала за сыном в Улан-Удэ, где тот гостил у бабушки. Леса, ближе к Иркутску, стали смешанными, появились хвойные.

В Иркутск мы прибыли рано утром. Там в бюро путешествий мне посоветовали добраться до Листвянки и на месте определиться с дальнейшими планами... За полтора часа автобусом, по очень красивой дороге, вдоль водохранилища реки Ангары, заливов, окруженных хвойными лесами, по спускам и подъемам, добрался в Листвянку. Остановился в гостинице лесничества Прибайкальского национального парка. Хозяйка - Овчарова Галина Владимировна - сказала, что дом ее является

визитно-информационным центром парка. Договорились об оплате. Здание деревянное, новое, двухэтажное с электрическим отоплением, прямо на берегу озера, метрах в 30 от кромки воды. Есть столовая-кухня для приготовления пищи, баня, в библиотеке много книг о Национальном парке. Поселился я на втором этаже в комнате с окнами на Байкал.

Разместившись, я пошел вдоль берега к причалу. Вода в озере была совершенно прозрачной, на дне хорошо были видны мелкая галька и песок. Солнечно и спокойно, купались дети. К концу лета, на отмелях, байкальская вода прогревается до 15-20°. В поселке жило около 10 тысяч человек. Раньше он двумя улицами тянулся вдоль берега, но когда появилось Ангарское водохранилище, и вода поднялась, один ряд домов убрали и перенесли в горную долину, примыкающую к берегу. На противоположном, бурятском берегу, примерно в 40 километрах, в тумане виднелись горы с гольцами и снегом. К юго-западу я увидел исток единственной вытекающей из Байкала реки Ангары; он широк, постепенно сужается и уходит в направлении бывшего русла. У причала стояли большие и малые суда различного назначения, а рядом шла бойкая торговля омулем всех видов: свежим, копченым, слабосоленым. Вокруг - небольшие тихие, уютные кафе и магазинчики. Цены те же, что и в Тюмени.

Утром следующего дня было пасмурно, ощущалось приближение дождя, на озере поднялась довольно высокая волна.

Выбираю мыс, который скрывает восточную и северную части озера и иду к нему. Подъем в гору создает хорошую видимость - впереди море. Выхожу из лесной зоны на край. До воды вниз далеко, крутой скалистый спуск. По кромке воды тянется небольшая отмель на ней, как и здесь, где стою, найденные тропы, следы от костра, выброшенные из воды деревья, предметы рыбалки и другой «деятельности» человека. Сверху, далеко вглубь просматривается дно. Оно чистое, легкое волнение оживает гальки и камни, растительности почти нет. Иду дальше, выхожу на погорельник, где меня ждет сюрприз. Замечаю среди темной поверхности оранжевые края - это оказывается рыжики - мои любимые грибы. Начинаю осматриваться и нахожу еще. Склон довольно крутой, нога стоит не надежно, но увлечение так сильно, что не замечаю, как кулек полон. Значит обратно не с пустыми руками, как и положено из леса. Хорошее начало, кланяюсь батюшке Байкалу. С детской гордостью прохожу мимо продавцов омуля, хочу хвастануть. Они удивляются, как и хозяйка гостиницы, которая на следующий день, на мотоцикле с мужем едет в горы и привозит ведро разных грибов. Здесь, как в любой деревне, не до грибов, у многих масса дел по дому, уходу за скотиной, на огородах. Маленькие поля, затиснутые в долинах, трудно окультуриваются, за сеном, порой, добираться далеко.

До обеда был в картинной галерее - местные художники на полотнах изображают виды Байкала, побережья. Помещение сооружено добротнo, своими руками не без фантазии, тем и живут.

На обратной дороге купил свежего омуля, он продается у жилья рыбаков. Сварил уху. Жарил картофель с рыжиками. Все очень вкусно.

Из книг по Байкалу узнал: длина 636 километров, ширина до 81, глубина 1620 метров. В озере одна пятая часть пресной воды планеты. Цифры такие, что не укладываются в голову сразу. В один из дней по совету Галины Владимировны иду в музей института экологии АН России. Научные работники доброжелательные, знакомят с описанием Байкала, его окрестностей, живого мира. Если попытаться обойти озеро, то нужно, оказывается, пройти расстояние в 1800 километров - таков его периметр. Кочевые народы обходили озеро по его берегам (об этом известно из фольклорных источников), но им приходилось преодолевать гораздо большие расстояния, поскольку на значительных пространствах берега скалисты и недоступны. Колоссальный водный объем (23 куб. километра) размещен в труднодоступной котловине, окружен

почти со всех сторон высокими горами. Пути, по которым можно было проникнуть на берега, служили, прежде всего, долины крупных притоков - Селенги, Баргузина, Верхней Ангары, а также долины Ангары, вытекающей из озера. Большая часть водной массы приходится на большие глубины, мелководье в 20-70 метров составляют двадцать процентов, но эта самая продуктивная зона. В книге С.А. Гурулева «Что в имени твоем Байкал» сказано также, что в междуречьях, долинах часто разворачивались события ранней истории монголов. Русские землепроходцы начали осваивать территории Сибири около четырехсот лет тому назад, движение их придерживалось в основном таежной зоны, степная полоса оставалась за аборигенами - кочевниками, которые оказывали иногда успешное сопротивление пришлым из-за Урала. Поскольку движение русских первопроходцев на Восток проходило южнее, лишь после того, как они вышли к Тихому океану, в 1643 году появились и на берегах Байкала. Здесь землепроходцы повстречались с эвенками и от них узнали, что озеро-море называется Ламу и что его берега и земли за ним населяют «бращики» люди (буряты), которые называют озеро иначе - Байкал. Эти два названия и шли рядом длительное время. Современное название Байкал возникло у русских под влиянием принятого ими бурят-монгольского названия Байгал или Байгаал-далай. Интересно, что Байгал зародилось в якутском языке и означало море, буряты же, переняв его, сохранили и донесли до наших дней. Гурулев в конце своей работы пишет «...в этом слове, в его истории, открылись нам исторические судьбы многих сибирских народов. В нем видятся целые века, целые эпохи, скупо или даже совсем не обозначенные фактами и хронологическими датами, фольклорные образы... История слова поведала нам об эпохе «великого смещения народов», когда роды и племена в результате политики монгольских феодалов, создававших империю, делились, соединялись с осколками и частями других народов и племен и смешивали языки, быт и культуру. В них уже зарождались черты будущих народностей. За словом проступает облик народов, живущих вокруг Байкала».

Но вернемся к музею. По желанию посетителей здесь показывают фильм с разными сюжетами о жизни Байкала. Интересны кадры погружения на самую большую глубину, в целях изучения и обнаружения там живого мира. Оказалось, что он есть, несмотря на суровые условия. Фильм ведет рассказ об одной американке-пловчихе, преодолевшей многие проливы на Земном шаре. Но ее намерение переплыть в самом узком месте Байкал закончилось плачевно. Проплыв 18 километров, из-за холодной воды, она была вынуждена остановиться и, получив менингит, вскоре умерла. Не покорился Байкал знаменитой пловчихе, новых желающих пока нет.

За мое короткое пребывание уже три раза в гостинице останавливались иностранцы, вообще их здесь много, они очень любознательны и подвижны. По железной дороге, как ее называют «кругобайкальской», при мне, подошел поезд из Китая, в составе вагоны из других стран. Состав заходит в порт Байкал, там дорога прерывается из-за ангарского водохранилища. Из порта туристы водой добираются к интересующим их достопримечательностям. Я прошел по этой дороге, точнее железнодорожной ветке, в познавательных целях. Дорога однопутка, идет вдоль берега через туннели, построенные еще в царские времена. Раньше, когда она входила в Транссиб, имела два пути. Это требовало при строительстве больших скальных работ. Диву даешься умению и мастерству наших предков в короткое время, при отсутствии современных средств, построивших важную для России магистраль. За 12 километров три туннеля разной протяженности. В них есть специальные ниши, в которых, в случае встречи поезда, можно встать человеку. В одном месте, где из долины выходит небольшая речка, есть незначительное понижение. Там расположился лагерь туркомплекс «Байкал-Ангара». В нем несколько деревянных одноэтажных домов и палатки. Ранее миновал еще одну турбазу «Серебряный ключ». Двухэтаж-

ное, под терем деревянное здание, внутри хорошо оформлено, с необходимыми удобствами. Как рассказали хозяева, здесь организуют рыбалку, экскурсии по озеру и в горы, различные спортивные развлечения. Еще по прибытии в порт Байкал мне сказали, что здесь выше в горах есть дом В.Г. Распутина.

В день моей вылазки погода стояла теплая, с гор шел густой запах различных растений, озеро спокойно и прозрачно жило внизу рядом с дорогой. Стая уток проверяла молодняк на готовность к отлету, с шумом планировала на поверхность и мирно паслась у самого берега. Группа отдыхающих из санатория ФСБ (в основном москвичи) кинокамерой целились на пернатых и на себя. На обратной дороге приглашали меня к ухе, уверяя, что ее еще много. Я поблагодарил, но задерживаться не стал, хотел до прихода теплохода «Бабушка», как ласково называют пассажирское судно, где-нибудь в порту не спеша перекусить и отдохнуть. Все-таки 24 километра сказывались. До Листвянки на обратной дороге под песни фэзсбэшников уснул. Вступив на свой причал, почувствовал себя уютно, будто дома. Скинул рюкзак в гостинице и в небольшом кафе пил хорошее пиво, закусывал пельменями. Негромкая музыка, неспешный разговор соседей за столиками создавали особую обстановку и отдых. Подумал, что ради такого момента, между прошлым и будущим, можно преодолеть любые неудобства в пути, да их и не было. Уже стемнело, на набережной зажглись желтые огни, вдали моря были видны темные силуэты рыбацких кораблей, они вели ночной лов омуля. Здесь, ближе к истоку Ангары, он активно идет в снасти.

Каждый день ходил в горы. Они, как я уже рассказывал, вплотную подходят к берегу с густым, местами хвойным лесом. Вид, между веток на гладь озера, завораживает бескрайностью. Очень редко встречаешь кого-нибудь. В основном или грибники, или пешеходы до следующего поселения, но оно далеко. Рассказывают историю, что один турист шел по собачьей тропе, по самому краю крутого берега и почва осыпалась. Камни накрыли парня сверху так, что его не было видно. Кто-то шел внизу у воды увидел цветную ткань рюкзака. Но уже было поздно. Осыпь оказалась для него последней.

Пора эта, когда летний туристический сезон закончен, хороша по-своему. Лес окрашен желтым, красным, оранжевым. В темной хвое эти цвета смотрятся игриво, привлекают к себе внимание, запахом осени пронизан воздух, свежий ветер с воды приносит облегчение. И тишина.

Однажды, вернувшись в дом, застал там двух путешественников среднего возраста. Они оказались французами, муж и жена. Только что пришли с гор, где провели несколько суток. Живут они в Париже, но любят отпуск проводить в путешествиях. Были уже на Алтае, в Саянах и других местах. Неплохо говорят по-русски. У меня с ними получился приятный разговор на алтайскую тему за чаем, у камина.

Шестого сентября утром приятная новость. На мою просьбу, о поездке по Байкалу, лесничество предложило на день сходить вместе с туристами из Китая к мысу Кадильному. Это около 25 километров в одну сторону. Поездка хорошо оплачена в валюте, мне велено быть в рубке, дабы не нарушать запланированный отдых иностранцев. При отходе от берега встречный ветер поднял крутую волну, брызги окатывали носовую часть, гости в каюте принимали пищу и напитки, выходили на корму, кутались в одежды, громко разговаривали, пытались делать снимки. Капитан катера Коршун Виктор Васильевич говорит, что по прогнозу день должен быть солнечный без сильных ветров, иначе бы выход не разрешили. В это время года бывает худая погода, шторм и хорошо бы сегодня вернуться обратно. Ветра зарождаются в долинах крупных рек и имеют названия этих же рек: Баргузин, Сарма, Култук, иногда приходят и с вершин хребтов.

Вот и Кадильный. На красивом зеленом мысу расположены несколько домиков, похожих на приют для гостей. Мыс заканчивается озерком, которое со стороны Бай-

кала окружено каменной грядой. Сам мыс невысок и постепенно переходит в распадок, на склонах которого в основном хвойный, местами лиственный лес. Сторож приюта высокий, пожилой человек, повидавший всякое. Крупные черты, добрая улыбка, говорит не спеша. Китайцы сначала ходили толпой за сопровождающей их представительницей турфирмы, затем рассеялись по интересам, уточняя на своем языке детали. День разыгрался, солнечно. Сторож посоветовал искать грибы. Их оказалось мало из-за длительной сухой погоды в этих местах. Сошел вниз и на одном подъеме вдоль распадка увидел бадан. Взял сухого листа и корней. Сторож, узнав о моем «улове» одобрил и сказал, что это растение здесь встречается часто, оно используется как закрепляющее при «медвежьей болезни». В длинном одноэтажном здании, за столом китайцы подводили итоги дня. В 18 часов отчалили и пошли на Листвянку. Перед сном, в тишине, слышал близкие накатывающие волны на берег.

Немного о питании. Я уже говорил о вкусном пиве - это связывают с водой. Она, как говорится, под боком - байкальская. Подходишь с ведром к берегу совсем рядом, через дорогу и опускаешься по ступенькам к поверхности, черпаешь и все. Ведро ставишь на кухне. Из него пьешь, берешь для пищи. Для умывания используется бочок, в него и в баню закачивается насосом прямо из Байкала. В холодильнике запасы разных продуктов, оставленных прежними гостями, довольно большие и доступны каждому, кто желает. В основном делал рыбные блюда - уха, жареная рыба, просто слабосоленая. Омуль имеет нежное мясо, жирное, вкус без резкого запаха, рыбий, свежий. С душком не пробовал. Варил свежесобранные грибы с картошкой и луком. Картофель дали соседи из своего огорода. В это время его копали на небольших личных участках. Получается, что пища у меня была отборная, экологически чистая и как теперь все озабочены, почти без холестерина. Ближе к отъезду захотел пирога. Нашел в поселке хлебопекарню, купил тесто и сделал пирог с рыбой. Дежурный и хозяйка были удивлены и сказали, что такого жильца, способного печь пироги, еще не было. Ели и хвалили, мне было очень приятно. На следующий день погулял по лесу недалеко от деревянной церкви, видел кедр, лиственницу, ель, сосну, березу, пихту, ел бруснику, дышал воздухом, наполненным сочными запахами.

С хозяевами попрощались тепло. Автобусом рано утром выехал в Иркутск. Поселился в центре города. Купил свежего омуля, по совету дежурной гостиницы слабо засолил для транспортировки в вагоне. Ходил по городу, прислушивался к шуму и суеде большого областного центра, несколько утомлявшей после тихой Листвянки.

СЕВЕРОБАЙКАЛЬСК

Тогда, по дороге домой, задумал побывать в Северной части Байкала и, спустя два года, осуществил свое намеренье. В 1998 году встретил в Белокурихе отдыхающих с Нерюнгри и Тайшета. Они знали бамовские стройки, дали первоначальную информацию. В Тюмени у моего хорошего товарища Хмелева Владимира Алексеевича (он родом из Улан-Удэ) выяснил еще многое, за что весьма признателен. Остальное вычитал, высмотрел по картам.

Второго сентября 1999 года поездом Москва-Лена выехал в Северобайкальск. Маршрут до Тайшета тот же, что и на Иркутск, но далее уже БАМ. Эта поездка планировалась всего на 15-12 дней. Ограничивалась она материальными возможностями, на работе у меня были длительные задержки зарплаты. Цель - побывать в одном из молодых городов на берегу Байкала, ознакомиться с БАМом, выяснить возможность речного маршрута по реке Лене до Тикси. За Тайшетом хвойные леса, березы, увалы и туманы в распадках, особенно ранним утром, не давали залеживаться. Фотографировал на ходу, из открытого окна. Слой тумана целым пластом пронизывали лучи восходящего солнца. В лилово-голубом тумане проглядывали крыши домов редких деревенок, поля лишь угадывались. После станции Анзеби, рядом с городом Братск,

за станцией Подунские пороги, начинается длинная плотина знаменитой ГЭС, блоки с турбинами внизу под плотиной. Водохранилище огромное, как море. Под ним, сказал попутчик, затоплен старый Братск и много деревень. Народ в свое время гудел, возмущался, но вода накрыла их прошлое и выселила на новые места.

Прошло двое суток, и поезд прибыл на станцию Лена. По дороге пересекли мостом Лену. Она обмелела и выглядит в этом месте не шире нашей Туры. Очень много отмелей и песчаных островов. Где-то рядом речной порт Осетрово. Из него отправляются суда на Север и, как сказали местные пассажиры, можно договориться о поездке на грузовом судне до Тикси.

В Северобайкальске вокзал необыкновенный. Он будто парус, в стекле, высокий и просторный внутри. Много цветного мрамора. Есть комнаты отдыха, кафе внизу и на верхней открытой веранде, откуда через железнодорожные пути видна лесная зона, за ней Байкал. На площади, перед вокзалом, памятник строителям БАМа.

На ночь вокзал закрывается, если нет поезда. Я остался внутри до утра. Как оказалось, нас было только четыре человека. Среди них кузнец-бамовец, он приезжал на празднование 25-летия БАМа. Мне он подсказал, что лучше остановиться на несколько дней в порту, в домиках яхт-клуба. Так я и сделал.

Рано утром, как только открыли вокзал, вышел в город. Широкий Ленинградский проспект ведет к центру, где административные учреждения, культурные и торговые объекты. Жилые дома построены ленинградцами, пятиэтажные, сейсмостойкие. Рядом горы, лес. Там жилые районы старого деревянного города первых строителей. Чтобы пройти к Байкалу, надо вернуться к станции, пересечь железнодорожные пути, автостраду и узкую зеленую полосу и вот он берег, высокий с крутым спуском к воде. В яхт-клубе, который притулился к бывшему порту, несколько домиков на четыре человека. Устраиваюсь в одном из них, где живут два таджика. Они занимаются здесь торговлей. Люди молодые, но объехали уже всю Россию. В домике лежки в два этажа, есть стол и электроплитка. Если открыть дверь, то увидишь бухту. Слева у подножья горы, идет железная дорога, туннели в сторону Тынды, к Тихому океану. Прямо - Байкал и вдали в дымке исчезают берега. Справа - порт, бывшая перевалка строительных грузов, теперь огромная свободная площадка и бездействующие порталные краны. По железной дороге на Тынду за сутки проходит несколько грузовых и пассажирских поездов. Составы небольшие втягиваются в туннели и постепенно исчезают. Ни о какой мертвой дороге речи нет. Министерство путей сообщения взяло на себя эксплуатацию всего БАМа. Как заявил зам. министра, в ближайшие два года начнется активное освоение районов Восточной Сибири, прилежащих к дороге.

Северобайкальск, в числе других городов, принимал участие в праздновании юбилея. Бамовцев привозили со всех концов страны на специальных поездах. Весь город их встречал, праздник шел несколько дней на площадях и в старых районах, где сохранены разные объекты первопроходцев. Все они: вагончики, служебные помещения, торговые точки были помечены особыми символами, видными издали. Город на какое-то время стал музеем под открытым небом. И мне посчастливилось поучаствовать в этом событии. Жизнь в яхт-клубе шла своим чередом. В один из дней вся бухта стала разноцветной от парусов плавающих яхт. Это напоминало мне Сан-Франциско с его многочисленными, мирно стоящими у причала катерами и яхтами, неотъемлемой картиной курортного порта. Когда яхты собрались у берега, состоялось представление посвящения в яхтсмены. Всех участников, а это в основном дети разного возраста, выстроили на пирсе и, начиная с самых молодых, прямо в одежде стали бросать в воду. Их для этого брали за руки и ноги, раскачивали и под невероятный шум и крик жертв пускали в свободное плавание. Делали эту работу двое здоровых парней, которых в конце все вымоченные скинули в Байкал. Мы с таджиками были в числе зрителей. Раззадоренные подвигами детей и разогретые

решили и сами удивить всех и взбежать босиком на близлежащую гору. Я отстал от молодого таджика, но до намеченного места добрался. Когда мы спустились на берег, оказалось, что про нас забыли, так долго мы карабкались вверх. Наградой была прохладная отрезвляющая вода, а после купания - солнечные ванны.

Продолжая знакомиться с городом, побывал в одной турфирме. Она организует отдых и лечение на курортах, поездки по Байкалу, путешествия в горы. Сходил в городскую баню с пихтовым веником из леса. Там познакомился с кочегаром, очень интересным человеком. Он побывал на Тикси, знает туда дорогу рекой, дал хорошие советы, пригласил к себе на дачу. В красивом месте бухты на мысу, уходящем вглубь, расположились домики дачников-рыбаков. Они стоят плотно друг к другу лентой вдоль одного берега мыса. С другой стороны дорога и небольшие участки земли, уходящие к другому берегу. На узкой полосе со стороны домов, сплошные причалы для катеров. Рыбаки то уходят в море, то возвращаются с уловом. Рыба омуль, отлов сетями. Разговор с моим знакомым рыбаком проходил на причале у его лодки. Вспомнил здесь, что Байкал питают 336 рек, вытекает же из него лишь одна Ангара. В озере обитает 50 видов рыб. Среди них немало таких, которые водятся только здесь. Байкал - царство тайн, загадок и легенд. Специалисты считают, что этому озеру 20-25 миллионов лет. Но оно не мелеет, а дно его все время опускается, что происходит только в океанах.

Наступило время моего отъезда. Но здесь возникли трудности. Они были связаны с высокой стоимостью проживания. Для оплаты я вынужден был продать билет на обратную дорогу, и стал ждать перевода из Тюмени. Но он долго не приходил. Пришлось пожить в зале ожидания на вокзале. Днем знакомился с окрестностями, ночью возвращался.

Однажды в зале ожидания появился необыкновенный пассажир. Его звали Борисов Игорь Александрович. Он житель г. Зима и решил по Витиму на плоту сплавиться к реке Лене. Вид Игоря резко отличался от всех. Его приключения начались в самом начале. Джинсы в дырах и грязные, лохматая голова и борода. Рюкзак высокий станковый, сбоку лопата и большой топор. Как он мне рассказал, его обокрали в Тайшете и он, потеряв все отпускные, решил добираться без денег до сплава. Для этого сел на проходящий грузовой состав. Вагон оказался из-под угля. Там он проехал больше суток. В Северобайкальске его высмотрела транспортная милиция и сняла. Он рассказал им свою историю, и ему разрешили остановиться на вокзале. Игорю 32 года, работает электронщиком на заводе, очень эрудированный и интересный человек. Он облазил Приморье и Саяны, но в такой ситуации, как я, оказался впервые. Мы с ним добыли картошки и лука, а денег на хлеб, услышав наши разговоры, дала дежурная комнаты отдыха. Суммы, которая, наконец, пришла в мой адрес почтовым переводом, не хватало на обратный билет до дома. Я половину из них отдал Игорю, сам же, по совету работников вокзала, обратился к заместителю главы администрации города Северобайкальска. Он направил меня в отдел социальной защиты населения, где я получил справку на проезд, как оставшийся без средств к существованию. Этот документ дал мне возможность электричками добраться до Тюмени.

Дорога оказалась долгой. Более восьми суток, с ночевками на вокзалах или привокзальных площадях. По дороге менялись пассажиры, в основном дачники, собиратели даров природы. Постоянными попутчиками были бывшие заключенные или потерпевшие различные беды. На остановках они, как и я, разбегались в поисках пищи. Чаще люди с пониманием относились к нашим просьбам. В поселке Вихаревка меня и двух попутчиков, очень добрые пожилые люди, накормили и напоили чаем с молоком. Из Благовещенска ехал уже немолодой мужчина, давно голодал и ослаб. На одной из станций он сошел с цыганским табором, в котором его обещали подкормить, для дальнейшей дороги. В таборе уже было трое русских, кочующих не один год. Несколько

слов о братках из мест заключения. Многие из них, а это в основном молодые люди, были больны. Туберкулез, истощение, потеря жизненных ориентиров, беспросветность, ожидающая их впереди, безденежье сопровождают их в дороге. На вокзалах, в электричках их постоянно проверяют, не дают спать в залах ожидания, понукают, унижают беспрерывно. Глаза их выражают загнанность, настороженность, одиночество. Длинная дорога и отсутствие средств принуждают побираться, склоняют к новым преступлениям. На одной станции, на лавке у вокзала спал мужчина, и рядом с ним сидела молодая женщина. Она, как мне рассказали, была его женой и, преодолев огромное расстояние, приехала за освобожденным мужем в зону. По дороге домой она его кормила и поила, поддерживала как могла. Но это исключительный случай. Поведение ее, преданность поражала людей, редко такое в наше время увидишь.

Преодолев три тысячи километров, я, наконец, оказался в нашей области, а затем добрался и до Тюмени. В родном городе я, наконец, сумел одолжить приличную сумму денег; часть их отдал своему попутчику, который уже давно путешествовал из Хабаровска и впереди у него были еще сотни километров. В саду, рядом с ДК Железнодорожников, впервые за длинную дорогу, выпили и досыта наелись. Я двинулся домой, а он на вокзал - к очередной электричке. Очень надеюсь, что у Володи (так его звали) благополучно сложилась дальнейшая жизнь.

Славное море Байкал осталось позади, но, закрывая глаза, я слышал, как оно дышит, живет, удивляет людей, нехотя открывает свои необыкновенные тайны. Его притяжение было столь сильным, что однажды я вновь собрался в дорогу.

БАЙКАЛ - ГОУДЖЕКИТ

Перед новой поездкой на Байкал, я окончательно стал пенсионером в 2001 году. Получилось, что отдал России более 50 своих рабочих лет и заработал крошечную пенсию в 1503 рубля. Зато появилось много свободного времени. И вот в одной турфирме нашел предложение поехать на термальные источники вблизи Северобайкальска, в горах. Группа туристов собиралась в Екатеринбурге и состояла преимущественно из жителей Свердловской области...

С группой туристов, поздно вечером 15 июля, поездом выехали в Северобайкальск. Маршрут движения я уже описывал ранее. Скажу лишь, что в этот раз р. Лена была полноводней и в берега не вошла. Крупный речной флот стоял под погрузкой, часть на рейде.

На одной из станций в вагон села бригада строителей, направляющихся на восстановление г. Ленска. Люди среднего возраста, бывалые. Слава - бригадир, высокий, крупный, с рыжими волосами и привлекательным лицом. Рассказал, что был дважды в Чечне, на войне. Чудом, как он говорит, остался жив и не съехал с «катушек». Отказался навсегда от подобных заработков. Несмотря на пережитое, сохранил семью, сам твердо стоит на ногах. Уже было поздно, и весь плацкартный вагон спал, а мы, то в тамбуре с горьким табачным дымом, то в вагоне с пивом и рыбой, вели разговор. Утром, перед выходом на станции Лена, я предложил бригаде кофе, отказа не последовало, а бригадир сказал, что пить надо все, что толкает сердце. Пусть сердца таких, как он, людей не утихают и несут только радость другим.

Утром 19 июля прибыли в Северобайкальск, нас встретили и автобусами отправили на турбазу «Хозяин» в 30 километрах от вокзала. Пасмурно, прохладно, плюс 10. По дороге в горы не раз пересекали реки, а последний отрезок ехали вдоль железной дороги, по которой идут поезда с запада. Название станции «Гуджекит». От нее, если добираться из города, электричкой, около одного километра до базы, расположенной в урочище Гуджекит, в переводе - Мертвая долина.

Наша группа разделилась еще в городе на «палаточников» и «домушников», я был в последней группе. Погода в ходе поездки менялась на глазах, как и обещала

инструктор, в лучшую сторону. Солнечно и тепло. На базе несколько деревянных, одноэтажных домов. Один, гостиничного типа, имеет кафе с уютным названием «Хозяйский погребок» и бассейн с горячей лечебной водой. Там же живут те, кто приехал на лечение или отдых неорганизованным способом. Территория самой базы огорожена, в домиках размещаются по 4 человека. Здесь свой бассейн, он за ночь очищается и заполняется к 5 часам утра. Вода в это время достигает 40 градусов, прозрачная, как морская. Говорят, что в зимнее время, когда кругом снег и холодно, нырнуть в горячую воду удовольствие особое и оздоровительный эффект возрастает.

Наш номер (с телевизором и холодильником) состоял из двух комнат, душа и туалета. Питание в кафе, меню с учетом пожеланий отдыхающих. Большею частью мы выбирали свежую, байкальскую умело приготовленную рыбу. Напитки, включая горячительные, в большом разнообразии. Хозяйки приветливы и внимательны. В гостинице можно увидеть бамовцев или жителей других мест, которые в любое время суток пользуются бассейном и тут же, в помещении или на специально построенных верандах, питаются, отмечают семейные события, просто отдыхают. Наш приют находился у подножья довольно высокой горы. Вплотную стоял смешанный лес, но больше хвойного: сосна, ель, кедр, лиственница, пихта. Ягодники жимолости и голубики с богатым урожаем. Мы их собирали, сахарили для дома. Обычно выходили рано утром, до завтрака, надев энцифалитки и накомарники. Жимолость крупная продолговатая, темно-синяя. Высокие кусты позволяют легко ее брать. Местные собирают на продажу и себе. Говорят, лечебна, снижает давление, хороша зимой к чаю.

Из книги французского путешественника Пьера Пфедфера «Азия» я узнал, что в Байкале, оказывается, есть примечательная рыба - голомянка. Она размером с карандаш, с прозрачным, без чешуи телом, двадцать шесть процентов ее веса составляет чистый жир. Если оставить эту рыбешку на солнце, она растает на глазах. Интересны еще рыбы широколобики, которые в мае откладывают икру у берегов и в устье таежных рек. Все медведи в округе собираются на берегу, они переворачивают камни и хватают рыбу, производя такой шум, как если бы здесь работали экскаваторы. Широколобики - основная пища байкальского тюленя. По мнению зоологов, тюлени достигли озера Байкал во времена таяния крупных ледников, плывя вверх по Лене.

Запомнился поход к горному озеру. Наша группа, включая трех детей от 7 до 12 лет, под контролем молодого Романа из МЧС и руководителя палаточников Толи совершила двенадцатичасовой переход туда и обратно с преодолением двух горных рек и горного подъема и спуска. Большая часть времени ушла на форсирование рек. Для первой был выбран способ транспортировки людей и груза с помощью троса. К нему на карабины крепились туристы и перетягивались веревками с одного берега на другой. Детей просто привязывали к крепёжным ремням. Надо сказать, что для меня все это было в новинку, и тревога не покидала в ходе передвижения над бурными водами, пока не оказался на противоположном берегу. На противоположном берегу всех ждал чай и легкий завтрак.

Дальше тропа вела в гору, мы преодолели перевал и спустились к озеру. Вторую реку форсировали вброд в резиновых сапогах. Река, местами, была выше колена и сильное течение сбивало людей с неровного дна. Детей перенесли на плечах. И вот, наконец, то самое озеро...

Оно изгибается в долине, окруженной склонами гор, и очень напоминает озеро Рица. Только здесь берега менее скалистые, больше хвои и нет следов воздействия человека. На пологом берегу мы быстро соорудили костер и приготовили пищу. Многие купались, пили воду прямо из водоема. Некоторые пошли ловить рыбу в истоке реки. Чудесный вид, солнечная погода, обед с дымком сняли напряжение перехода. Кстати, чай, сваренный из озерной воды и заправленный береговыми травами, имел

вкус бальзама, его можно пить бесконечно. Я остатками чая смочил руки и лицо, используя старый способ предохранения кожи от любых воздействий среды, мои попутчики, увидев это, смеялись, как когда-то ненцы на полуострове Ямал.

Тем временем последовала команда о десятиминутной готовности и, быстро собравшись, мы двинулись обратно. Надо отметить, что спецназовские ботинки отечественного производства оказались удобной и прочной обувью, лучшей для таких целей не найти.

Теперь о Северобайкальске. С прежней моей поездки он не изменился. Здесь более 30 тысяч населения, развитая производственная и социальная структура. Это второй город по значению после столицы республики Улан-Удэ.

Туристическая фирма «Хозяин» организует лечение и отдых на нескольких термальных источниках, рекомендованных при заболеваниях нервной системы, костно-мышечных, кожных, гинекологических заболеваниях. У нас на глазах малыш с сыпью по всему телу превращался в здорового ребенка. Через неделю мать с просветленным лицом увозила свое дите без единого пятнышка домой в Новосибирск. Хорошие результаты от лечения получают и дети детского дома «Светлячок» села Чара Читинской области. Как говорят воспитатели, ребята здесь не первый раз. Среди них буряты, якуты и другие представители коренного населения.

Кроме похода к озеру, была автобусная экскурсия к стоянке древних людей. По дороге встретили медвежонка, примерно двух лет. Оказывается, в горной долине живет не одна семья косолапых. Они привыкли к появлению машин и не боятся людей. Один из туристов нашей группы, совершая набег из базы в лес, также видел медведя на дереве. Он был испуган и удивлен таким непредвиденным контактом со зверем.

Но вернемся к поездке. По дороге к стоянке заезжали в деревню - колхоз, специализирующийся на промысле нерпы на Байкале. Посетители потеряли интерес к чуду природы нерпе, жителю Арктики, когда узнали, что в бухгалтерии колхоза продаются шапки из нее, по цене 1,5 тысячи рублей. Кто-то купил. После осмотра стоянки, не оказавшей на нас особого впечатления из-за нудного холодного дождя, всех завезли на смотровую площадку, с которой открывался замечательный вид на Байкал. Погода портилась, и мы возвратились в Говджекит. Мне в этот день не удалось вылететь в Улан-Удэ. Славное море так разгулялось, что авиация и морфлот оказались на приколе. Поездку отложил до весны 2002 года. Один из водителей, подрабатывающий на своих «жигулях», предложил тогда за 700 рублей по льду довести до столицы Бурятии. Оказывается, такие поездки для бамовцев обычное дело. Они семьями едут в Улан-Удэ, соблюдая, конечно, необходимые меры предосторожности. Лед кое-где подвижен, причины разные, включая землетрясения. Они здесь постоянно тревожат сушу и море.

Дни, счастливо проведенные в горах Северобайкалья, оставили яркий след своей необыкновенностью, сказочными дорогами, природой, сохранившей первозданный облик.

Вот и закончилась еще одна дорога на Байкал, а уже думаю и живу новой. Да еще летом на р. Лену. Встретил начальника Обь-Иртышского пароходства, и он обещал, если будем живы, переговорить с Якутскими речниками о поездке на грузовом корабле до Тикси и обратно. Там в районе дельты Лены, в поселке Усть-Оленек есть место памяти первопроходцев Прончищевых. Хотелось бы побывать. Заодно ознакомиться с жизнью прибрежных, к морю Лаптевых аборигенов, сравнить условия географические, социальные с нашими северянами. Говорят знатоки, что увидеть р. Лену на большом ее протяжении, особая радость, неповторимая. Одним словом, планов много, они остаются моим образом жизни, а помехи быта не будем брать в счет.

БАЙКАЛ БАРГУЗИНСКИЙ, ЧИВЫРКУЙСКИЙ ЗАЛИВЫ

В третий раз я приехал на Байкал со стороны Улан-Удэ. Все намеченные направления поездок обилетил без особого труда, приобрел путевку на 5 дней в Бурятском совете по туризму и экскурсиям. Погода стояла очень теплая до 40° на солнце, изредка шел дождь. Ходил и знакомился с городом. Осмотрел этнографический музей под открытым небом и Иволгинский дацан. Он расположен у подножья гор в тихом урочище, в 23 километрах от Улан-Удэ. В дацане проводятся службы - хуралы, посвященные важнейшим событиям буддийской истории, различные ритуалы и обряды. Этот дацан - монастырский комплекс с резиденцией Хамбо-ламы, главы буддистов в нашей стране. На территории дацана, который охраняется государством, расположены храмы, монастырь с библиотекой, учебная база, гостиница, музей, жилые дома. Своими достопримечательностями притягивает туристов со всего света и множество паломников.

На меня сильное впечатление произвел Главный храм, его центральный алтарь, изображение Будды с двумя бодхисатвами и танкой. Очень интересно выглядит фрагмент Западного рая Будды. Этот рай чрезвычайно красочен и привлекателен садом и его плодами, вечной гармонией, счастливой и безгрешной жизнью, поэтому поневоле надолго задерживает взгляд. В 1991 году на территории дацана был основан Буддийский институт Дати Уайнхорлин. Он теперь готовит священнослужителей для большого числа вновь открытых дацанов и преподавателей высокой квалификации для различных районов Бурятии, Калмыкии, Тувы и других мест, где живут буддисты. Здесь также чтут и разъясняют деятельность великого учителя, лауреата Нобелевской премии мира его Святейшества Далай-ламы XIV, который является одновременно Главой Тибетского государства, возникшего до нашей эры. До 1949 года Тибет был независимой страной со столицей в Лхасе. В результате китайского вторжения и оккупации нанесен огромный урон народу, его культуре. Далай-лама XIV, а затем и 80 тысяч беженцев нашли убежище в Индии, Непале, Бутане. ООН в свое время принял резолюцию о признании прав тибетского народа на самоопределение, но территория Тибета до сего времени находится под китайской оккупацией. Кстати, буддизм старше христианства на пять веков, а ислама - на целых двенадцать столетий.

Затем я отправился в Максимиху, на турбазу. Дорога шла по перевалам, и уши закладывало, как на самолете. Первая остановка - в Гремяченске. За ним начинается побережье Байкала, водная гладь мелькает среди деревьев, иногда хорошо просматривается напрямую. Много открытых мест, но культурных полей мало. Вероятно, почва непригодна для сельхозпроизводства. В Турке мы заправились горючим и, минуя курорт Горячинск и Максимиху, автобус доставил людей на турбазу. За 6 часов мы проехали расстояние в 240 километров.

Меня устроили в большой комнате, в доме барачного типа. Все постройки, включая столовую, помещения для развлечений, администрации, буквально утопают в высоком багульнике, растут гигантские байкальские сосны, а под их пологом - ольха и осина. Байкал рядом, к нему - высокий спуск. Вдоль всего берега пляж из песка не хуже морского, на прибойной отмели мелкая галька. В это время на базе было около 30 туристов, их число росло в выходные за счет городских жителей. Раньше, как мне сказал бывший инструктор, здесь бывало разом до полутора тысяч человек, они выходили на маршруты разной сложности. Теперь же каждый отдыхает, как пожелает, по своему усмотрению. Среди вариантов - пляжные удовольствия, включая катание на водных велосипедах, а также теннис, бильярд, волейбол, песни под соснами у костра.

Там же у костра всегда можно вкусить омуля или окуня, приготовленных на рожне, испить чая из черного от копоты чайника. Их выдают, как и любое снаряжение лю-

бому желающему за плату. Работники дружелюбны и быстро реагируют на просьбы отдыхающих. Живут они со своими семьями на турбазе, выезжают только за продовольствием, медикаментами и по хозяйственным нуждам. Наезжают на турбазу рыбаки, везут рыбу на кухню и на продажу частным порядком. В ближайших байкальских водах, по их словам, окунь, чебак, есть и омуль, но в небольшом количестве. Баргузинский залив мелководен по байкальским меркам. И если время года и погода благоприятствуют, то можно взять большой улов. У берега в устье небольшой горной речки ловится то, что и у нас в озерах. Глубже - омуль, сиг, хариус.

Большой для меня приятностью была баня. Она рядом, ее готовят каждый день на заказ. В ней, кроме обычных удовольствий, можно постирать и высушить белье и обувь. Последнее особенно важно, так как в некоторые дождливые дни, да и в солнечные, из-за очень высокой влажности, на воздухе все сохнет сутками. В маленькое окно из предбанника можно любоваться все тем же лесом, горами и долинами, время не регулируется.

Работал бар, где вечерами проводили дискотеки. Однажды наехали молодые артисты с Улуна. Среди них были очень талантливые, в красивых национальных костюмах, с хорошей музыкой. Один артист исполнял танец птицы, он призер многих конкурсов. Совсем маленькая девочка лихо спела и станцевала модную песню Аллы Пугачевой под единодушные аплодисменты!

Кормили нас на турбазе хорошо, но иногда отдыхающие буряты с чувством собственного достоинства готовили свои традиционные мясные блюда на углях. Один из них оказался крупным руководителем строительной компании, а его жена, как она сказала с улыбкой, работала «королевой бензоколонки», которую приобрел супруг.

Я каждое утро рано вставал и шел к Байкалу - там всегда новые впечатления. Рыбакам помогал чистить сетки от рыб, фотографировал цаплю. Эта изящная птица неторопливо охотилась в устье речки и неожиданными резкими движениями головы периодически выхватывала рыбешку из воды. Если глазающие туристы подходили слишком близко, птица, взмахивая большими крыльями, разгонялась по водной глади, поджимала свои тонкие, как ветки, ноги и улетала к ближайшему высокому дереву. Мне повезло подробно разглядеть это чудо в бинокль. Цапля была крупная, размах крыльев около метра, клюв темный, глаза черные, пуговками, под ними черные полосы. На гибкой светлой шее видны темно-коричневые пятна. Крыло светло-серое, на краях белое.

От рыбаков я узнал, что в Чивыркуйском заливе, а это недалеко от Усть-Баргузина, находится бухта Змеиная. Там нет населенных пунктов, цепи гор, образованные полуостровом Святой Нос и континентальной частью, создают здесь особый уют. Много вдающихся в сушу сильно изрезанных бухт с теплой водой и песчаными пляжами. Решил там побывать, и утром уже был в Усть-Баргузине. Само название поселка говорит, что вырос этот населенный пункт у большой реки. Здесь по совету знающих людей нашел базу фирмы «Экотур», она рядом с паромом и расположена на берегу. Ее назначение - перевозка грузов и доставка людей на баржу в Чивыркуйском заливе. Фирма имела небольшую гостиничку, дом сторожа и разную технику, в том числе автобусы для проезда до Монахово, там их оставляют и далее туристы и гости фирмы плывут на теплоходе уже по заливу. Этот путь прошел и я. Только не автобусом, а на частном попутном транспорте добрался до с. Монахово.

Сергей - хозяин «микрика», как здесь называют небольшие автомобили, оказался бывшим геологом и с желанием рассказывал мне о местах, где мы проезжали. А было о чем поговорить. Перешеек полуострова из одного залива в другой не очень большой, но дорога так разбита, что скорость не более 20-25 км. Тряска такая, будто машина передвигается по стиральной доске. Сергей управлял, терпеливо преодолевал препятствия. Это место местные называют «карга». С одной стороны виден еще

Баргузинский залив, с другой - низкое болотистое место, редкие деревья и озера. Стали встречаться первые «дикие» отдыхающие, дальше их мы видели все больше. Они приезжают из Новосибирска, Иркутска, Улан-Удэ и остаются на несколько дней. Здесь и далее в Монахово на Чивыркуйском заливе, их привлекает теплая вода, отдых с рыбалкой, чистый воздух, очень красивый вид окружающих бухт и горных хребтов.

По этой дороге, на перешейке, растет кедровый стланик. Разновидность сибирского кедра. Он низкий - от двух до четырех метров, со стелющимися по земле или приподнятыми ветвями. Шишки меньше, чем у большого дерева, но семена съедобны. Стал узнавать о кедре, и оказалось, что наш сибирский кедр вовсе не кедр, кедровая сосна. Это дерево, имеющее загадочную силу, было с давних времен объектом поклонения у многих народов. Под кронами деревьев легче дышать, улучшается настроение, с их ветвей стекает жизненная сила. Кедром называют вечнозеленые деревья, произрастающие на побережье Средиземного моря: ливанский кедр на Ближнем Востоке и гималайский и атласский кедры в Южной Азии и Северной Африке. Этих деревьев на земле осталось очень мало. Путем искусственного разведения кедр попал в Европу, Францию, прижился у нас на Кавказе и в Крыму. Кедр не дает съедобных семян, хотя они и похожи на орешки кедровой сосны.

Наши кедровники - это особый таежный мир. Воздух кедрового леса можно считать практически стерильным. Сибирский кедр имеет высоту 35-40 м, диаметр 1,5-2 м, плодоносит его верхняя часть. Растет он медленно, а живет 300-550 лет. Дерево однодомное, женские шишечки и мужские колоски растут на одном дереве. Сибирский кедр в народе называют кормильцем, целителем. Из древесины изготавливают дома, мебель, посуду, музыкальные инструменты, добывают эфирные масла. Кедровая живица обладает невероятной заживляющей способностью, хвоя, кроме этих же качеств, является стимулирующим веществом. Настоящим сокровищем всегда были кедровые орешки. Их питательные и вкусовые качества очень высоки.

Но вернемся в Змеиную бухту. В Монахово автодороги уже не было, а все село составляли несколько домов лесников и работников АН России. По берегу - сплошь палатки, лодки, много отдыхающих. Чистая, теплая вода, рыбалка, горный воздух, костры и песни. Кстати, мусор все и всегда складывают в мешки и выставляют на дорогу или в специальные ящики. Затем его собирают и с помощью техники вывозят. Все, кто заезжает на эту территорию, платят за машины и за каждого приезжего особую плату. Эти деньги идут на охрану природы и оплату работы сотрудников.

Наконец, в Монахово пришел теплоход «Экатура», и тем же вечером подъехали иркутские телевизионщики на съемки рекламного фильма о Чивыркуйском заливе, отдыхе там туристов и других достопримечательностях. На теплоходе мы доплыли до баржи, где и остались на сутки. Все помещения на этом судне выполнены в виде благоустроенных кают на 1-2 человека, есть все необходимое; бытовые комнаты, столовая, холл для развлечений. Рядом с баржей стоит на берегу баня, несколько юрт хозяйственного назначения, используемых под жилье, и пищевой блок. Все, кроме бани, объекты «Экатура» осенью уходят в Усть-Баргузин водой, и на их месте практически не остается следов пребывания турбазы. Питался я там вместе с обслуживающим персоналом выпечкой, рыбными блюдами в большом количестве. Посещал горячий источник с высокими бальнеологическими свойствами, общался с рыбаками, рыбачил на удочку. Вечером слушали гитариста-профессионала с разнообразным репертуаром, от джазовой до классической музыки. Узнал я там много о других местах на Байкале.

Утром 18 июля в 6 часов утра мы вышли в море на рыбалку на теплоходе «Гелес». Ранее у острова Лысого были установлены сети и, подойдя к ним, мы начали их выбирать. Глубина там около 10 метров, высота сетей 3 метра, длина - около

200 метров. Рыба почти сразу пошла при подъеме одного конца. Омуль, сиг, хариус, окунь. Весь этот дар природы отливал серебром на утреннем солнце, лишь окунь, а он был великий, до одного килограмма, темнел и яростно бился в руках рыбаков. Я стал помогать, поскольку рыбы было много. Около трех рыбацких ящиков наполнили сразу, остальные - во время движения обратно. Размеры белых рыбин достигали 0,5 метра. Мне пришлось учиться отличать их по признакам, которыми наградила их природа. У сига, в отличие от омуля, только на верхней губе есть небольшое утолщение, все остальное очень схоже. Хариус почти всегда крупнее и на спине меньше серебра, есть темноватые разводы. Все эти три вида продолговатой формы 70-80 мм в диаметре. Не сразу удавалось вынимать их из ячеек сети.

В тот же день, после завтрака, я отбыл в Монахово, а оттуда на автобусе направился в сторону Усть-Баргузина. Было немного грустно расставаться, но в сердце теплилась надежда когда-нибудь вернуться сюда вновь.

Тем временем на автобусе мы ехали по «карге», и тут вдруг стало ясно, что кто-то слил у нас бензин во время ночной стоянки. Водитель был поражен, случай не типичный для столь отдаленной территории. Остановились на трассе и стали ждать какую-нибудь машину. Телевизионщики приуныли и начали ворчать, поскольку им еще предстояла дорога до Иркутска около двенадцати часов. Спустя 1,5 часа нас допили топливом встречные машины и мы затем благополучно добрались до паромы, переправились в Усть-Баргузин. Там попутчики мои пересели в комфортабельный экспресс и умчались домой, я остался на ночевку у сторожа Баргузинской базы «Экотура».

Вечером позвонил домой, осмотрел устье реки, где когда-то был неплохой порт. В нем и сейчас видны следы былой деятельности, но все это в брошенном состоянии. Лишь небольшие частные суденышки снуют по воде. Завод, выпускавший ранее рыбную продукцию, давно остановил свою работу, рыболовный флот ржавеет на приколе. Работы не стало, и крупный в былые годы поселок обезлюдел. В маленькой гостинице базы живут китайцы. Они приехали в эти края, чтобы опробовать свои сети. В тот вечер они вернулись вместе с местными рыбаками и им сразу предъявили претензии местные работники рыбнадзора за слишком большой улов. Китайцы очень расстроились и долго советовались с местными рыбаками как обойти штраф.

Спал я со сторожем на одной широкой кровати. Он принес козье молоко, и на ночь мы выпили забеленного чайку. За чаем он мне рассказал, что ему приходится кормить семью преимущественно дарами природы. Благо, умелец он на все руки, а жена шьет дома и ее зарплата обеспечивает более или менее сносную жизнь. Он с иронией говорил, показывая на огромную землечерпалку со шлюпками на боках, что теперь фарватер не чистят, техника ржавеет и служит только источником тени для отдыхающих в жаркие дни.

Утром 19 июля я выехал в Улан-Удэ. 20 июля осмотрел музей истории Бурятии и истории буддизма. После обеда на набережной загорал около кустов тальника и купался в Селенге. На следующий день купил на рынке омуля и сига, наделал котлет, испек пирог. Было очень жарко, в тени +40°. Вечером сел в поезд и отправился в обратный путь.

В вагоне, под стук колес, я вспоминал свою знакомую цаплю, что живет в Баргузинском заливе, куда-то улетает и возвращается, несмотря на тяжелую, изнурительную дорогу и опасности. Она любит свою родину. Не урок ли это для всех нас?

Александр КОРОЛЬКОВ

КУЛЬТУРА КАК КУЛЬТ ПРЕДКОВ

Философская публицистика Валентина Распутина

«Прощание с Матерой», «Живи и помни», «Последний срок», «Деньги для Марии» - это вершинные достижения русской литературы XX столетия. Критиков, литературоведов, да и обычных читателей поражало, что эти повести написаны тридцатилетним писателем: не потому, что они художественно совершенны (немало совершенных произведений написано другими прозаиками и в более молодые годы - достаточно хотя бы напомнить о Лермонтове и Шолохове), но потому что Распутин погрузил нас в глубину душевных состояний пожилых и очень старых людей. «Распутинские старухи» - это словосочетание по праву произносится, ибо даже тот, кто никогда не сталкивался с деревенскими старухами, не задумывался о Руси уходящей, о душе русской, упрятанной в угасающем тельце русской крестьянки, прочитав повести Валентина Распутина все же что-то наверняка откроет или приоткроет в себе, в своей духовной истории.

Как-то я возвращался поездом из Новосибирска в Петербург и в попутчиках оказался грузный мужчина, приближающийся к пятидесятилетнему возрасту. В Кургане он вышел на перрон и возвратился с домашними пирогами и чем-то еще вкусно пахнущим. Оказывается, встречался он со своей матерью, и порадовала она его кушаньями, которые он любил с детства. «Сколько же лет маме?» - спросил я. «Старая уже», - ответил неопределенно. «Понятно, что не молодая», - попытался я все же как-то пробудить его к памяти. «С какого года, не вспомните?». Он обрадовался подсказке: «С 1938-го». «Так ведь у нее же год юбилейный, 70 лет!» «И правда», - он озадаченно уставился на меня.

Не читал этот мужчина о судьбе Анны из «Последнего срока» или Дарьи из «Прощания с Матерой», не читал «Избу» или «Женский разговор». Если бы читал, не смог бы жить в таком безразличии к собственной матери, которая даровала ему жизнь и до его, уже не малых, лет остается заботливой, любящей мамой.

Культура держится памятью, преемством. Валентин Распутин, как никто другой ныне, чувствует, как разваливается связь времен, как безудержно и бездумно устремляется мир к обновлению, модернизации, не оглядываясь на прошлое, не всматриваясь в вечность. «Основание перестает быть основанием?» - вопрошает Валентин Распутин. - «И чем оно заменится? Победителей этот вопрос не интересует. Чем-нибудь да заменится, на то и завтрашний день... Честь, совесть, все эти «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», а также и более нижние венцы фундамента - традиции и обычаи, язык и легенды, и совсем нижние - покойники и исто-

рия - все это заметно перестает быть основанием жизни»*. Писатель настойчиво убеждает, уговаривает и взывает, чтобы не отворачивались от родного, корневого, напоминает об уроках гибели великих культур и государств, причиной которой стали не столько нашествия, сколько внутреннее разложение, растление, «которое дошло до той точки омерзения, что это не вырабатывало жизненные силы, и от себя уже защитить не сумело»**.

С появлением первых же повестей, рассказов Валентина Распутина стало ясно - в русскую литературу пришел живописец слова, которого по всем объективным приметам уже и не могло быть: время великих мастеров слова отодвигалось в прошлое, уходил и сам первоисточник словесного богатства - народный язык. Молодой писатель открывал нам глубины русского слова, удержанного сибирской деревней, его сразу приняли в старшем писательском ряду, Василий Шукшин успел только приметить, а Василий Белов и Виктор Астафьев оценили сполна и подружились как с равным.

В прозе Валентина Распутина явления природы, сама природа, не просто ожидают, а живут, они, невиденные читателем вовсе, предстают в словах. Невольно кажется, что писатель имеет волшебный этюдник, на котором написаны тысячи картин, к тому же не статичных, а явленных в неуловимых для глаза и уха перевоплощениях. Только Распутин способен увидеть и выразить словом то, на что даже впечатлительная душа откликается лишь одним выдохом восторга: «Какая красота!». У писателя в любой его вещи, в повести, в рассказе, в очерке, даже в публицистике, природа - действующее лицо, в котором отражен Лик, ибо на весь мир «накладывает краски невидимый художник». Порой, как это с наибольшей выразительностью обнаружилось в рассказе «В непогоду», дар живописца позволяет так прочувствовать пургу и рождающиеся вместе с ритмами пурги мысли, что невольно чудится, будто ты сам пережил такую непогоду и сам думал при этом о наших земных страхах, не угасающих, а обостряющихся в старении, о неизбежном уходе из этого мира.

Нашему веку дарован великий художник и мыслитель, о котором, если вовсе не свихнется Россия, скажут будущие исследователи не меньше, чем сказали о Достоевском, ибо без мыслей и чувств Распутина не обойтись России, она и уцелеет, если сумеет направить себя в русло его исканий.

Распутин-мыслитель - это особая тема, которую не обойти, особенно если Россия и русский народ будут искать пути саморазвития, сохранения своей идентичности, выражаясь современным языком.

Казалось, как только появится возможность заговорить о русском самосознании, свое слово возвысят новые русские философы, что тут же будут подхвачены традиционные темы русской философии. Не могу сказать, что этого совсем не произошло, но все-таки профессиональные философы остаются по преимуществу западниками. На философских факультетах увлекаются Бубером, Дерридой, Гуссерлем, выстраивают свои подобию западного постмодернизма, но равнодушны к русской мысли. Студенты философских факультетов не хотят быть русскими мыслителями. Почему? - это большой вопрос. Не видно пока на горизонте современных Ивана Ильина, Сергея Булгакова или Ивана Киреевского. Но, к счастью, есть мыслящие писатели, которые не расстались с традициями отечественной философии.

На книжных стеллажах домашней библиотеки Распутина множество философских книг. Он недавно сожалел, что не попадают ему новые книги серии «Pro et contra». Он живет проблемами России. И не перестает учиться, осваивать наше философское наследие. И пишет для нас свои размышления. Только бы они были вовремя

* *Распутин В.* В поисках берега. - Иркутск, 2007. - С. 209.

** Интервью с В. Распутиным в еженедельнике «Аргументы и факты». - 2008. - № 12. - С. 3.

прочитаны. Размышления органично входили в распутинские повествования, начиная с ранних вещей, но все же Распутин-мыслитель открылся в наибольшей степени после пятидесятилетия. Он до поры надеялся, что Д.С. Лихачев, С.П. Залыгин или кто-то другой смогут защитить Россию, ее культуру, ее природу лучше, чем он.

Поначалу Распутина-публициста многие и воспринимали как «регионального», радеющего о родном Байкале, хотя в действительности статьи, выступления, письма о Байкале били в набат о судьбе России, да и всей земли нашей. Потому и поднимается голос писателя не до мольбы и крика, а до молитвы: «Господи, вразуми нас, неразумных, убивающих то, в чем неистощимо можем мы черпать и силы, и вдохновение, и возвышение»*.

По-видимому, для столь масштабного и столь раннего скорбями Отечества писателя, каковым мы и знаем Валентина Распутина, естественно сосуществование, а порой и органичное соединение художественного, философского и публицистического начал.

Литературным критикам, сопоставлявшим разные десятилетия творческой биографии писателя, показалось, что «долгое время Распутин не обращается к художественному творчеству, работает как очеркист и публицист»** (это о конце 80-х - начале 90-х годов). Странно, что очерки здесь отлучены от художественного творчества, а кроме того писатель вправе не один год потратить на подготавливаемые душой произведения. И собственно размышляющие, философско-публицистические по форме вещи Распутина - неотъемлемая часть его художественного творчества, ни в чем, нигде его стиль не спутать с чьим-то другим. Безликой и безличностной публицистики у Распутина нет. Разумеется, правомерно выявлять доминанты художественного или философско-публицистического начал в тот или иной период жизни писателя. Естественно, что у склонного к размышлениям писателя с возрастом нарастает и удельный вес философичности, примеров тому не счесть и в мировой, и в отечественной классике.

В наше смутное время, когда шаткими стали все нравственные опоры, когда просвещение зачастую превращается в затемнение душ, когда сыпучим песком стали границы между культурой и антикультурой, когда профессиональные философы рассуждают о чем угодно, но не о насущных проблемах духовного бытия личности и народа, - Валентин Распутин не мог не заговорить языком диалога со своими соотечественниками. Так появилось несколько цельных книг: «Что в слове, что за словом?» (Иркутск, 1987), «Последний срок: диалоги о России» (Москва, 2006), «Большая душа» (Москва, 2007), «В поисках берега» (Иркутск, 2007).

Преждевременно и непосильно, тем паче в небольшой статье, пытаться исследовать и всесторонне оценить грани философской прозы и публицистики Валентина Распутина. Ясно одно, без такого угла зрения не обойтись при рассмотрении сочинений писателя. Пророчеством прозвучал его «Пожар», совсем не случайно ныне включенный в книгу, преимущественно состоящую из очерков, статей, выступлений, ибо «Пожар» - это и есть синтез возможностей художественной и философской прозы.

Недавно вчитался я в изданную в 2007 году в Иркутске книгу «В поисках берега». Не сразу вспомнил, что книга названа по фразе из речи Распутина при вручении премии А. Солженицына, речи, устанавливающей диагноз потоку современной литературы и ее читателям. Это и проясняющая речь в попытке объяснить - для чего, ради чего еще есть в России кучка писателей-упрямцев, которых именуют «то консерваторами, то традиционалистами, то моралистами». В залах, на лестнице и в переходах особняка, где происходило вручение премии, можно было увидеть не

* *Распутин В.* Байкал предо мною... // В поисках берега. - Иркутск, 2007. - С. 516.

** *Вахитова Т.М.* Распутин Валентин Григорьевич // Русские писатели. XX век. Библиографический словарь. Ч. 2. - М., 1998. - С. 257.

только лица тех, кого Распутин отнес к небольшой группе «упрямцев», но и тех, которые некогда восторженно открывали Америку стекла и металла, всячески подчеркивая нашу убогость.

Не впервой литературе приходится отстаивать себя перед натиском тех, которые именуют себя современными.

Для Распутина альтернатива «старое - новое» звучит гораздо объемней: противоположностью нового, современного у него выступает не старое, не архаичное, а вечное. Он иногда и слово-то это пишет с заглавной буквы.

В одном из диалогов о России он говорит: «Хозяевам нынешней жизни очень рекомендую книгу Ивана Шмелева «Солнце мертвых», написанную в начале двадцатых годов... Рекомендую, чтобы знали, как о них отзовется Вечность»*.

А Вечность без веры не существует. Вера составляет, по словам Распутина, «дух и лицо нации»** . Вера определяет судьбу нации. Во что народ верит - таков и он, вера его ведет и созидает. Совсем не случайно Распутин написал предисловие к лучшей книге иеромонаха Романа «Внимая Божьему велению». Он не скрывает, что с опозданием воцерковился, крестился под впечатлением встречи с полем Куликовым, но дух его всегда был православным, ибо питался духом народа, его истории. А история русского народа неотделима от православия.

Очень не просто говорить о веровании писателя, как и любого человека, со стороны, это ведь глубоко личное отношение к Абсолюту. Но если всмотреться в те духовные ценности, которые несет своим художественным словом Распутин, то это и есть высшее проявление православия, без деклараций о вере.

Просвещение - дорогое для Распутина слово, в просвещении он видит тот сокровенный смысл, который был ему придан только нашей отечественной историей, смысл, не совпадающий, а подчас даже противоположный европейским меркам просвещения. Ведь европейская эпоха просвещения взывала к силе знания, к раскрепощенности во всем, оттого многие просветители шагнули в атеизм, в безбожие. Не удивительно ли, что XIX век, который именуем золотым веком культуры, обходился без слова «культура», просвещение было настолько емким понятием, что вмещало в себя все, что относим ныне к культуре. В русском звучании просвещение нескрывая наполнено светом, просветлением. Так прочитывается, истолковывается просвещение у Владимира Даля: «Свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью... Просвещение одною наукою, одного только ума, односторонне, и не ведет к добру»***.

У Валентина Распутина задача просвещения - «помочь наполниться своим и родным настолько, чтобы вместе с физическим возрастанием без болезненных наростов шло возрастание духовное, то есть заложить в личность национальный камerton, а уж затем пускать ее в море знаний»****.

Свое слово сказал Распутин об интеллигенции. Он не отбросил это русское слово. Он пытается объяснить нам разницу подлинной интеллигенции и того, что иные именуют размытым словосочетанием «российская интеллигенция», а иногда - элитой.

В газете «Metro», распространяемой обильно и бесплатно, читателей снабдили результатами опроса под заголовком: «Кого россияне посчитали элитой в ушедшем году?» (14.01.2008). Напомню, что слово «элита» извлекли из французского языка биологи для характеристики лучших, отборных экземпляров растений и животных, это они выявили элитные сорта пшеницы, элитные породы лошадей. Кого же сре-

* Распутин В., Кожемяко В. Последний срок: диалоги о России. - М., 2006. - С. 21.

** Распутин В., Кожемяко В. Указ. соч. - С. 87.

*** Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. - М., 1980. - С. 508.

**** Распутин В. Ученье: свет и тьма. Выступление на XIV Рождественских образовательных чтениях // Валентин Распутин. В поисках берега. - Иркутск, 2007. - С. 266.

ди наших соотечественников ныне считают и почитают элитой, то есть лучшими? Первую строчку в этом списке занял по праву президент России Владимир Путин. А вот следующую строчку опрашиваемое социологами население отдало эстрадной певице Алле Пугачевой. Конечно, можно оправдать население тем, например, что оно перепутало элиту с телевизионным мельтешением, но задумываться при виде этого рейтинга приходится не об элите, а о населении, которое на двадцать пятое место поставило нобелевского лауреата Жореса Алферова, а на двадцать шестое матерщинницу Ксению Собчак.

Вот о таких Распутин и говорит: «Элита, разросшаяся в элитарщину, грубая, самонадеянная, корыстная, презрела и извратила все прежние идеалы и никому, кроме себя самой, не служит». И писатель не прячет имен как тех, которых почитает подлинной интеллигенцией, так и тех, которых именует элитарщиной. «По-моему», - продолжает он, - «настоящими интеллигентами всея Руси в самом лучшем, государственном и нравственном смысле слова были недавно ушедшие от нас Георгий Свиридов и Виктор Розов»*.

Народная мудрость могла превосходить любое профессиональное философствование, особенно в поисках духовно-нравственных, поэтому вовсе не «выпирают» из канвы самой последней повести Валентина Распутина такие, например, размышления персонажей об образе человека, которые вполне могли бы в ином контексте звучать и в философском или богословском трактате, где речь идет об образе и подобии Божиим в человеке: «Но как казалось: раз человеческий образ, то и человек... А теперь что делается? Образ есть, а человека нету... Атмосфера создана такая, что он будет перерождаться в чужое. А когда переродится, он будет ненавидеть всякого, кто не переродился. Это закон потери лица»**.

Эта догадка, высказанная устами героев повести, явлена обнаженно в речи Распутина: «Или в самом деле нет в мире ничего вечного, нет ни в нравственности, ни в духовности, ни в художественности? Я никогда не соглашусь с этим, но что-то, что сильнее, умнее меня, говорит, что такое возможно. И подсказывает самое неприличное слово - мутация. Духовная мутация, вслед за которой может наступить и физическая»***.

Это повторенное слово «мутация» очень многое определяет в биологической и человеческой эволюции. И хотя Распутин никогда не постигал специально теории эволюции, но он верно угадывает то, что научно объясняют генетики и теоретики эволюции - случаются системные мутации, радикально меняющие направление эволюции, мутации распространяются в популяции и вытесняют прежний генотип. Когда в 1985 году была прочитана всей нашей большой страной повесть «Пожар» (трудно было в те годы встретить взрослого человека, не читавшего этой повести), догадливые поняли, что не о горящих складах в Сибири шла речь, а о надвигающемся большом пожаре. И тогда-то не услышали, не остереглись. Теперь, при катастрофическом угасании способности чтения подлинной литературы, вовсе немного надежд на народную тревогу в связи с предупреждением Валентина Распутина о новой беде - о духовной мутации.

Эпохи в России неотделимы от имен. Говорим: эпоха князя Владимира, эпоха Ивана Грозного, эпоха Петра Великого. Всматриваясь в тот или иной век нашей истории замечаем, что одного имени для обозначения эпохи недостаточно, ибо рядом, в одном столетии и Владимир Мономах, и Юрий Долгорукий, и Андрей Боголюбский. Есть и другие меты в лицах русской истории. XI век - это не только Ярослав Мудрый, но и митрополит Иларион с его пророческим для духовного становления русской

* Распутин В., Кожемяко В. Боль души. - М., 2007. - С.209.

** Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана. - Иркутск, 2004. - С. 208, 212.

*** Распутин В. В поисках берега. - Иркутск, 2007. - С. 212-213.

нации «Словом о законе и благодати». XIV столетие соединило воедино вовеки Дмитрия III Донского и святого преподобного Сергия Радонежского. Недалекие от нас времена по праву называем эпохой Пушкина, и это звучит естественнее, чем обозначить эпоху именами императоров Александра I Благословенного или Николая I.

Не буду предугадывать, чьими именами будет отмечена наша эпоха в памяти и энциклопедиях потомков. Это в немалой степени определяется не только нынешними достижениями, но и тем, какими будут эти потомки. Если сохранят родную культуру, российскую державность, то и ценить будут тех, кто определял лицо и преемство русской культуры, крепость русского духа.

Бесцветная писательская моль, выпорхнувшая в своем плодовитом множестве с ее бестселлерами, презентациями, букеровскими премиями, уже и сегодня стала серой на сером, хотя и обеспечена блестящими полиграфией и рекламой. Каждая вещь Валентина Распутина вписана в русскую историю литературы как отметина культуры эпохи. По ним и надлежит судить о нашей эпохе.

—

Электронная библиотека АКУНЬ, akunio.ru

Владимир КУНИЦЫН

ВИРТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

По существу, всегда определение реализма в теории носило относительный и нечеткий характер.

Ну возьмем, хотя бы такую энциклопедическую формулировку: «Реализм - художественный метод, следуя которому художник изображает жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых посредством типизации фактов действительности».

Тут еще следует добавить, что реализм понимается многими как правда жизни и имеет тонкую диалектику между правдой и правдоподобием.

Очевидно, как это все расплывчато и широко, а после крушения догматического соцреализма невольно заставляет вспомнить девиз Роже Гароди о реализме без берегов, ибо любая фантазмагория может по-своему изображать жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни, а абсурд самой жизни подчас способен типизировать литературный абсурдизм.

Если оставить в покое теоретические каламбуры, то, на мой взгляд, разговор о современном реализме можно свести к двум крупным вопросам: соответствию современной литературы, прежде всего, нравственным традиционным нормам русской культуры и новшествам формального толка, присущим сегодняшнему литературному процессу.

Поскольку литература в России изначально была повенчана с общественной, реальной действительностью, перемены последних десятилетий коснулись ее напрямую.

И не удивительно, что вслед за политическим переворотом была совершена попытка и эстетического переворота. Разумеется, той частью творческой интеллигенции, которая приняла политический переворот, как свою победу, и стремилась закрепить эту победу на своем участке.

Этот эстетический переворот имел и до сих пор имеет своих теоретиков и практиков, а главную идею его в обобщенном виде можно свести к следующему: литература - не учитель жизни, не общественное дело, не пророческая миссия, не идеология и самосознание нации, не ратник в извечном противостоянии добра злу, а только искусство и текст. Форма самовыражения личности, свободный акт творчества, не имеющий особых обязательств ни перед обществом, ни перед читателем, если не считать, конечно, того, что сам рынок и востребованность тиража будут определять отныне цену авторских амбиций.

Конфликт не оригинальный, подспудно существующий со времен Пушкина и Борыкина, и вся новизна его лишь в том, что, повторяю, современный буржуазный политический переворот дал этому сопровождающему эстетическому перевороту поддержку на государственном, финансовом и информационном уровнях, чего, по правде сказать, в таких масштабах в России до сих пор не было никогда.

Почти на десятилетие эстетический и диссидентский андеграунд получил реванш. А поскольку его изначально негативная энергетика утратила неприятеля в лице ста-

рой идеологии, в новые времена эта энергетика обрушила свой разрушительный пафос на последний, может быть, самый главный стабилизатор духовной и нравственной жизни русского общества - классические устои его культуры, всегда ясно осознаваемую грань между добром и злом, Богом и зверем.

И авангард, и модернизм, и постмодернизм и еже с ними, осознанно или стихийно, но в общем-то движутся в одном направлении - размыть, перепутать, смешать и уничтожить границы, разделяющие добро и зло. Утвердить принцип нравственного релятивизма и обдать кислотой иронии все без исключения ценности, а особенно из категории вечных.

Не случайно представители так называемой «третьей волны», к которым можно отнести тех же Виктора Ерофеева, С. Юрьенена, В. Нарбикову, В. Сорокина, Сашу Соколова, близко примыкающих к ним Д. Добродеева, В. Пелевина и др. - по большей части ориентированы на западную аудиторию, традицию и издателя.

Что декларирует эта проза? Она декларирует свободу от материала и психологический произвол. То есть, свободу от сопротивления жизненного материала, поскольку сама формирует этот материал, не заботясь о его правдоподобию и правде. Она освобождается от креста психологической достоверности, поскольку не нуждается в мотивировках и неизбежности психологических поступков своих героев, ибо каприз, эпатаж и игровая пародийная воля самих авторов здесь едва ли не самоцель всего процесса.

Очень часто присутствует в прозе и поэзии этого направления прием, который я определил бы, как литературный паразитизм. Это когда произвольно используются классические литературные ассоциации, классический контекст, открытые и скрытые цитаты из классики и предшественников, однако то, что было выстрадано другими всерьез, в этой литературе заимствуется походя и порой весьма цинично.

Разумеется, все эти признаки и результаты имеют свое развитие во времени и, скажем осторожно, - «идеологическое обоснование». Но одно дело, когда прежней официальной эстетической системе и идеологическому пуританизму не без веселого и гордого надрыва плюет в лицо незабвенный Венедикт Ерофеев своими «Москва - Петушки», плюет и противостоит осознанно, грубо говоря - харкая собственной кровью и судьбой, а совсем другое дело, если, казалось бы, за то же берется с колыбели обласканный, рафинированно и сладко подгнивший в космополитических «памперсах» Виктор Ерофеев, в этом смысле даже не однофамилец сгоревшему Венечке.

При всем внешнем эпатаже, «Москва - Петушки» Венедикта Ерофеева - пронзительная, абсолютно чистая и нежнейшая поэма о душе человека и в этом смысле беспрецедентная вершина классического сентиментализма второй половины двадцатого века. О сентиментализме Ерофеева блестяще сказано Михаилом Эпштейном.

И гениальная ирония автора поэмы «Москва - Петушки», прежде всего самоирония человека, ищущего и идущего к Богу.

Не то - Виктор Ерофеев (надо же, какая гримаса имен!). Здесь, коли нет судьбы, ее делают. Хотя бы и при помощи литературы. Своя судьба подменяется персонажами, которые получают одну сверхзадачу - восполнить пустоту авторской судьбы, кристаллизовать клубящийся в ней филологический туман, добиться той алхимической реакции, которая сделает подмену почти незаметной, материализовать слово до видимости, хотя бы литературно досочиненной судьбы.

Как же создает своего литературного Франкенштейна «другой» Ерофеев, кстати, видимо, и в самом деле считающий себя одним из основоположников «другой литературы»? Вспомним попутно, что термин «другая литература» появился на свет в

самом начале все той же горбачевской ломки и совпал с процессом вытеснения и саркастического осмеяния прежде воспеваемых литературных кумиров и учителей периода «развитого соцреализма».

Сегодня этот термин уже не работает в том, первоначальном смысле, однако полемический пафос его обрел более точное содержание. Да, это в самом деле «другая литература», но не столько по отношению к оплеванному соцреализму, сколько по отношению к русской классической литературе вообще. «Другая» прежде всего по отношению к ее провиденциальному пафосу, к ее милосердному взгляду на человека и ощущению нравственного закона не как табу и жесткой нормативности, а как душевного ощущения божественной воли.

В этом смысле Венедикт (а не Виктор) Ерофеев не «другая», а в точности и насквозь русская литература и по лицу Венечки течет, смывая «слезу комсомолки», вполне настоящая небесная влага.

Так чем же начиняет своего Франкенштейна «другой» Ерофеев? Скажем, «наезды» на Пушкина мы уже проходили, и Ерофеев тоже не ленится делать это не раз и не два, прячась за своих маленьких двойников, но как «основоположник», он закладывает и принцип.

В «Болдинской осени» (1985 г.) Ерофеев идет дальше и изощреннее. Якобы иронизируя и якобы смеясь над своим якобы потешным маленьким персонажем Сисиным (тоже смешно), Ерофеев уже через него и не якобы позволяет себе весело святотатствовать, «отрываясь» от всего, на что никогда не поднялась бы рука любого «не другого» русского писателя даже ради шутки и хохмы:

«Наконец - в наступивших сумерках - он вывел с опаской:

Бог - говно,

но тут же в ужасе зачеркнул написанное, однако, пораздумав, с нажимом написал под зачеркнутым:

Бог - самое большое говно! -

и сиротливо поглядел по сторонам. Смеркалось».

Тут два ключевых слова - «смеркалось», то есть, на самом деле многое смеркается и в этой прозе и в мироощущении самого автора. Но точны и - «поглядел по сторонам». Это жест Виктора Ерофеева, его живой и очень естественный жест - трусливо и оттого еще более дерзко глумясь и святотатствуя, автор, как «плохой и испорченный» мальчик оглядывается по сторонам, хорошо зная, кому его шалости тошнотны, а кто поощряюще и одобряюще улыбнется ему и намекнет на защиту. В этом смысле Ерофеев, в отличие от своего Сисина, оглядывается по сторонам не сиротливо.

Разумеется, что и Виктор Ерофеев, и, скажем, Владимир Сорокин, исповедующие философию самодостаточного текста, эдакое литературное язычество, где идол задан, могут не замечать таких мелочей, как в процитированном ерофеевском куске: в начале у него идут «наступившие сумерки», а затем «смеркалось», ибо для последней точки, в обход фактической точности просто удобнее и нужнее слово «смеркалось», и поэтому «наступившие» уже сумерки забываются легко.

Филологический паразитизм - штука заразная и многоликая. Его можно использовать как смысловой вывертыш, что и сделал в «Болдинской осени» Виктор Ерофеев, употребив в самом названии рассказа пушкинский символ, а можно использовать шире и оригинальнее на стилевом уровне, что с блеском и талантом осуществляют «куртуазные маньеристы», и поскольку творят они с открытым забралом и победительной, непретенциозной легкостью, - их принимаешь уже как условность в «снятом» виде.

Однако интересна сама эта достаточно новая тенденция. О том, что она развивается как бы самостоятельно и стихийно говорит опыт такого чисто дебютантского журнала, как «Соло». Сюда плывет литературный самотек и из разных, далеких друг от друга регионов России. Вот один из типичных примеров современного «освоения» классики.

*Гул затихнет, выду на подмостки,
прислонюсь к дверному косяку,
через лужу перекину доски -
чью-то колею пересеку.*

*Колесо вращается все туже,
остывает чайник на столе.
Все с начала. Смысл уже не нужен.
Спать пора. Февраль. Чернила. Лень.*

Наталья Тебелева

Тебелева стучает тут лбами Пастернака и Блока, проезжает на их знаменитой интонации, но успевает проговорить, может быть, самое главное - «смысл уже не нужен». И, конечно, словом «выду», выдавая и себя.

При всем том, некоторые представители этой, условно говоря, «третьей волны», зачастую наделены ярким филологическим талантом, великолепным чутьем слова (на мой взгляд, лидер здесь - Виктор Пелевин). Однако, удивительно именно то обстоятельство, что при всем своем недюжинном филологическом даре, они не верят не только в евангелическую суть слова, во многом, если не в главном определившую основную традицию русской православной культуры («В начале было Слово...»), но используя свою изощренность и набор классических отмычек - не боятся взламывать слово, лезть внутрь его, выгрызать его начальную суть и смысл, творя подлог и подмену. Вместо божественного меда, они оставляют в сотах слов свою слюну и чернила. В пустоте вскрытых ими слов - холод. Через них свистит ветер, но этот художественный подчас свист подобен голосу Сирен.

Шутовство, пародирование, самовлюбленное кривляние поверх трагической почвы жизни, абсолютное отсутствие сострадания и боли вне себя, любимого - все это признаки, отводящие эту литературу от русской реалистической традиции, как бы широко мы ее сегодня не понимали.

При всем видимом и невидимом абсурде современной российской жизни, кипящем в цинизме так называемой государственной, общественной и антиобщественной «элиты», литературный абсурдизм и сам мог бы сойти за вполне жесткий реализм, если бы все же оставлял за собой тот нравственный зазор, ту моральную дистанцию, которые выводили бы его на высокую позицию. Но текст, как самоцель - «опускает» эту литературу до «петушиного» состояния.

Романтизм второй половины восьмидесятых закончился и для «левых» и для «правых». Не оправдались надежды ни тех, ни других, и возня между собой ведется ими больше по хронической привычке, ибо, в общем-то, «сделали» нас всех скопом. Наступило холодное времечко купли и продажи. И надолго забудут тех, кто не умеет, кто не желает, не может торговать самым сокровенным.

Те же «властители дум», которые устоят, вынуждены будут заострять и выпячивать рыночные свои достоинства. И держать в уме покупателей.

Вот еще почему (может быть) так взбодрился в последние годы снижающий пафос Хармса среди определенной части нашей литературы.

И разве не выплонула уже писательская среда на пяточок эстрады, на ресторанные подмостки тех же И. Иртеньева и В. Вишневского, с таким вдохновением чешущих пятки жующей и ржущей толпе? Услаждающих «новеньких» господ своими

старыми и плоскостопыми шутками, но при этом как бы олицетворяя в девственном сознании толпы само понятие «писатель»? Однако, вернемся к теме нашего основного разговора.

По сути, что бы не думали о себе сами авторы разного рода авангарда и постмодернизма, они - пленники салонной эстетики и вкуса.

Освобождаясь от тяжелейшего и для них, видимо, непомерного груза русской реалистической традиции, выбирая своевольную свободу Онана, авторы данного литературного круга, повторяюсь, не более, чем язычники и идолопоклонники, что, несмотря на их, подчас блестящий художественный талант, делает их (и сделает непременно) аутсайдерами современного литературного процесса. По большому, не шуточному счету.

Кстати, характерно, что в литературе «третьей волны» отсутствуют герои. И любопытно, что единственным героем, обнаруженным мною в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» оказался человек под псевдонимом Пустота, но и Пустота, это скорее символ свободного ничего, которое заполняется по случаю, воле и желанию. Конечно, прежде всего, самого автора.

Всю эту литературу я бы определил как виртуальный реализм. Виртуальная реальность виртуальных авторов. Компьютерная графика подданных технократического язычества.

Так что, учитывая все формальные новшества конца двадцатого века в искусстве, и совсем не пугаясь их, я, рискуя вызвать в свой адрес самые разнообразные ухмылки, определяю для себя реализм очень просто: там, где присутствует душа, сердце, сострадание и боль художника, вызывающие ответную сердечную вспышку - реализм. И правда. Все остальное от лукавого, кем бы он ни прикидывался.

Электронная библиотека Алтай

Д.Ю. КОБЯКОВ: ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА

К жизни и творчеству Дмитрия Юрьевича Кобякова (1898-1978), поэта и прозаика, филолога и журналиста, одного из заметных представителей русского зарубежья, прошедшего последние 20 лет жизни в Барнауле, журнал «Алтай» обращался не раз*. Однако биография Кобякова по-прежнему таит множество загадок и противоречий, а творческое наследие писателя и сегодня практически недоступно для читателей. Неудивительно, что появление новых материалов, связанных с жизненной и творческой биографией писателя-эмигранта, вызывает закономерный интерес у исследователей литературы Алтая.

В 2011 г. во время работы в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) нам удалось обнаружить четыре ранее неизвестных письма Д.Ю. Кобякова периода эмиграции. Письма эти, учитывая масштаб личности и роль в русской культуре их адресатов, способны привлечь внимание не только краеведов и почитателей творчества Кобякова, но и, без преувеличения, всех, кто занимается изучением отечественной культуры XX века.

Когда перечитываешь письма Д.Ю. Кобякова, мысль невольно всякий раз возвращается к двум обстоятельствам. Прежде всего - это сложный, невероятно противоречивый духовный мир, в котором жили русские эмигранты. В письме к В.Ф. Булгакову от 4 ноября 1926 г. перед нами предстают дотошный до скарденности, учитывающий с точностью до сантима сумму долга и до экземпляра отданные на реализацию журналы Д.Ю. Кобяков, и явно лукавящий, неловко пытающийся оправдаться от обвинений в присвоении денег А.А. Воеводин. И если изворотливость последнего однозначно не вызывает симпатий, то некоторая меркантильность Кобякова все же может найти оправдание. Е.С. Кауфман, издатель известнейшего эмигрантского журнала «Рубеж», выходявшего в Харбине, в своей статье по случаю десятилетнего юбилея журнала вспоминал: «...вначале тираж складывался из единиц: 2-3 номера в Сан-Франциско, 5 номеров в Берлине, 10 - в Риге и т.д. И только с годами количество подписчиков в странах Европы и Америки стало быстро расти»**. Нет сомнения, что и молодой журнал «Ухват», редактируемый Кобяковым, был в подобном положении: количество проданных номеров исчислялось пока десятками, а ведь лишь размером дохода от их реализации определялись гонорар сотрудников и издательские издержки - отсюда и строгий учет каждого сантима... Но пройдет 15 лет и некогда поборник справедливости Кобяков, по свидетельству Н. Берберовой, в годы оккупации 2 года проработает фотографом в германском генеральном штабе***, а ошельмованный им Воеводин за связь с антифашистским подпольем в 1942 г. будет арестован гестапо и сгинет в застенках пражской тюрьмы Панкрац. Вот такие кульбиты бывали в эмигрантских судьбах!

* См., например: *Марьин Д.* Три загадки Дмитрия Кобякова // Алтай. - 2008. - № 6. - С. 132-136.

** *Кауфман Е.С.* 10 лет // Рубеж. - 1938. - Апрель. - № 14 (531). - С. 6.

*** Евреи в культуре Русского Зарубежья. - Т. 4. - Иерусалим, 1995. - С. 289. Правда, в 1944 г. Д.Ю. Кобяков, судя по его автобиографии, примкнет к французскому Сопротивлению.

Еще одно обстоятельство, которое обращает на себя внимание при чтении писем Д.Ю. Кобякова. Хотя упоминание об Алтае встречается в этих четырех письмах лишь однажды - в письме к Л.Д. Любимову от 18 августа 1957 г., где, собственно, автор и сообщает о своем скором отъезде «в Алтай», - тем не менее, некая незримая, почти метафизическая, а, зная биографию писателя, можно сказать и *судьбоносная*, связь с Алтаем прослеживается в каждом из кобяковских писем. Знал ли Дмитрий Юрьевич, что последний секретарь Л. Толстого В.Ф. Булгаков, к которому он обращается в двух письмах, - уроженец Кузнецка, входившего до 1917 г. в Алтайский округ? А ведь именно на Алтай, в Барнаул, в фонды Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая в 2000 г. дочь Булгакова Т.В. Романюк передала часть архива своего отца (109 единиц хранения)! В письме к Н.Н. Евреинову от 18 февраля 1945 г. Кобяков объявляет о начале издания им газеты «Честный слон». Но в этой же газете активно публиковался и Г.Д. Гребенщиков - самый известный певец Алтая в стане русского зарубежья! Как было бы интересно обнаружить кобяковские письма к Гребенщикову! Ведь они (с предложением о сотрудничестве), наверняка, существовали!

Итак, предлагаем вниманию читателей четыре письма Д.Ю. Кобякова. В целях создания интеллектуального комфорта при чтении письма снабжены комментариями, включающими пояснения биографического и историко-культурного характера. Авторские орфография и пунктуация сохраняются.

В.Ф. Булгакову¹

4 ноября <19>26 г. Париж

Многоуважаемый Валентин Федорович!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой - воздействуйте на члена Союза писателей в Праге² А.А. Воеводина³ (Nerudova 48 Vinagradu)⁴ что-бы он возвратил свой долг «Ухвату»⁵. На письма Воеводин не отвечает - иного способа, как Ваше моральное воздействие как председателя Союза - я не вижу.

Простите за беспокойство, но я сам сейчас работаю - и мне важно вернуть хоть часть денег, потраченных на издание журнала.

По последнему отчету Воеводина - от 15-го июня - за ним числится 257 экз.<емпляр> т. в. на сумму 321 фр.<анк> 25 сант.<имов> - Эту сумму он должен мне выслать. Воеводину были предоставлены самые льготные условия, денег добиться было всегда трудно - и теперь, когда нет угрозы прекращения высылки журнала - он не только не вернул деньги - но даже перестал отвечать на письма. А «Ухват» все же выйдет в декабре⁶.

Еще раз прошу прощения.

Жду ответ от Вас.

Искренне уважающий Вас

Дм. Кобяков

3 bis, rue de Nangirand

Paris 6

Dm. Kobiakov

Примечания

¹ Булгаков Валентин Федорович (1886-1966) - русский писатель и общественный деятель. Последний секретарь Л.Н. Толстого. Выслан из РСФСР на т.н. «философском пароходе» в феврале 1923 г. В эмиграции жил в Праге. В 1924-1928 гг. - председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1948 г. В.Ф. Булгаков принял советское гражданство и вернулся в СССР. Поселился в Ясной Поляне, где до конца жизни был хранителем Дома-музея Л.Н. Толстого. Член

СП СССР (1958). В 2000 г. часть архива В.Ф. Булгакова передана его дочерью в фонды Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая.

² «Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике» - общественная организация русских писателей-эмигрантов в 1922-1942 гг. Насчитывала около 90 членов. Председателями правления в разные годы были П.А. Сорокин, С.В. Завадский, В.Ф. Булгаков, В.И. Немирович-Данченко, Н.И. Чуриков, Н.М. Могиланский и Н.И. Астров.

³ Воеводин Александр Александрович (1888-1942) - русский писатель, журналист и художник. Участник Белого движения. В 1920 г. с остатками врангелевской армии эвакуировался в Тунис. С 1922 г. жил и работал в Праге. Публиковался в эмигрантской периодике. В конце 1930-х - начале 1940-х гг. - заведующий канцелярией Русского свободного университета. В 1942 г. А. Воеводин был арестован гестапо и помещен в пражскую тюрьму Панкрац, где и умер.

⁴ По данному адресу в Праге (чешск. Praha-Vinohrady, Nerudova ul. с. 48) располагалась редакция русского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Своими путями», издававшегося в 1925-1926 гг.

⁵ «Ухват» - русский эмигрантский сатирический журнал. Издавался в Париже Д.Ю. Кобяковым с 31 марта по 20 июля 1926 г. Всего вышло 6 номеров. В журнале публиковались произведения А. Ремизова, Н. Тэффи, М. Зощенко, Дон Аминадо, Саши Черного, Г. Евангулова и др. А.А. Воеводин был генеральным представителем журнала «Ухват» в Чехословацкой республике.

⁶ Возобновить издание журнала (последний номер «Ухвата» вышел 20 июля 1926 г.) Д.Ю. Кобякову так и не удалось.

В.Ф. Булгакову¹

Многоуважаемый Валентин Федорович!

Искренне раскаиваюсь, что связал Вас в эту историю с Воеводиным. Я получил сейчас его письмо, копию которого, по его словам, получили и Вы. Оставляя в покое «возмущение» Воеводина, я хочу остановиться лишь на «истинном положении дела», о котором говорил Вам Воеводин.

Лично я устал негодовать и возмущаться поступками подобных господ: ими оказались большинство агентов «Ухвата», да и не только «Ухвата»... Но в своем письме Воеводин допустил не только ложь, но и клевету. Так как у Вас есть копия, то я отвечу по пунктам:

1) «...на многие письма вовсе не отвечалось...». Это неправда. Отвечали на все письма.

2) «не имея никаких оснований писали мне неприличные по тону и содержанию письма...». Всё «неприличие» было в просьбе прислать причитающиеся деньги. И на эти письма Воеводин обычно не отвечал.

3) «...на мои два последних письма...» и т.д. - Эти письма (речь идет, очевидно, о письмах посланных после долгого перерыва) мною получены не были. Да и как бы я на них не ответил, раз в них спрашивалось куда сдать непроданные №№ и выслать деньги? И потом: как может писать Воеводин «куда выслать деньги?», раз он пишет письмо мне? Значит эти письма написаны Воеводиным и не были!

Дальше Воеводин вплетает Шеметова² и Антипова³. Шеметову было передано одно письмо, посланное в редакцию на его имя. Писем на его имя я больше не получал, да и адрес редакции был изменен.

В конце Воеводин просит подтвердить получение 50 фр.<анков> - за последние №№ «Ухвата». Этих денег я не получил - и прямо руками развожу в недоумении.

Пишу Вам, Валентин Федорович, все это - чтобы Вы сами решили - кто прав, кто виноват.

Беспокоить Вас больше не буду.

Я только рад, что мнение мое о Воеводине разделяют многие и в Праге, хотя бы в «Ските Поэтов»⁴ и А.Л. Бем⁵. Только люди у Вас все робкие и боятся назвать Воеводина по-настоящему.

Простите. Искренне уважающий Вас

Дм. Кобяков

Примечания

¹ Письмо написано на бланке с логотипом редакции журнала «Ухват».

² Шеметов Александр Павлович (1898-1981) - русский художник-график и живописец. Участник белого движения. В 1921-1923 гг. жил в Тунисе. С 1924 г. - во Франции. В качестве художника-карикатуриста (под псевдонимом «А. Шем») сотрудничал в журнале «Ухват», а также и в других эмигрантских изданиях. Участвовал в собраниях литературного объединения «Кочевье» (1930). После Второй мировой войны работал художником в еженедельнике «Juin», выполнял иллюстрации для книжных издательств. Похоронен в д. Лабом, департамент Ардеш, Франция.

³ Антипов Николай Александрович (1889-1945?) - русский поэт, журналист и общественный деятель. Участник Белого движения. В 1920 г. эвакуировался в Тунис. В 1921-1922 гг. - председатель филиального отделения в Северной Африке Союза русских студентов во Франции. С 1922 г. жил и работал в Праге. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике. Один из соредкторов журнала «Своими путями», издававшегося в Праге в 1925-1926 гг. Н.А. Антипов был в числе организаторов и участников Съезда русских студенческих эмигрантских организаций в Сорбонне в Париже (1926). Член Трудовой крестьянской партии («Крестьянская Россия»). В 1932-1933 г. в качестве журналиста работал в Ужгороде. В 1945 г. арестован в Праге советской контрразведкой. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴ «Скит поэтов» - литературное объединение русских поэтов-эмигрантов в Праге, существовавшее в 1922-1939 гг. Руководитель - А. Бем. В разное время в объединение входили: С. Рафальский, Н. Болесцис, А. Фотинский, Е. Рейтлингер, Б. Семенов, А. Воеводин, А. Туринцев и др. Д.Ю. Кобяков посещал собрания «Скита» в мае-июле 1924 г.

⁵ Бем Альфред Людвигович (1886-1945?) - историк литературы и литературный критик, общественный деятель. Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета (1908), ученик С.А. Венгерова. В эмиграции с 1919 г. Жил в Белграде, Варшаве, с 1922 г. - в Праге. Руководитель литературных объединений «Таверна поэтов» (Варшава, 1920-1922 гг.) и «Скит поэтов» (Прага, 1922-1939 гг.). В 1922-1939 гг. преподавал русский язык и русскую литературу в Карловом университете. Автор книг о творчестве А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. А.Л. Бем был одним из лидеров Трудовой крестьянской партии. В мае 1945 г. арестован в Праге советской контрразведкой. Дальнейшая судьба неизвестна.

Н.Н. Евреинову¹

18.2.45

Kobiakoff. 9, rue Liancourt. Paris 14

Многоуважаемый Николай Николаевич!

В начале марта выходит первый номер литер.<атурно>-сат.<ирической> газеты «Честный слон»². Могли ли Вы принять в ней участие? Газета - гонорарная! Воспоминания о наших футуристах - кот.<орые> день и ночь толклись у Вас - 25 лет тому назад. О «Кривом зеркале»³, начале эмиграции Вашей - деятельной.

Все ведь под знаком 25 лет русск.<ой> эмиграции. Все будет интересно - что-то Вы же нашли.

Я бы и к Ремизову⁴ соседу вашему⁵, обратился. Да все чувствую себя очень виноватым перед ним. И очень его жалею. Ответьте мне пожалуйста!

Ваш Д. Кобяков

Примечания

¹ Евреинов Николай Николаевич (1879-1953) - русский режиссер, драматург, театральный деятель. В 1910-1916 гг. - художественный руководитель и режиссер театра «Кривое зеркало», в котором поставил около 100 спектаклей. С 1925 г. - в эмиграции во Франции. Активный член эмигрантской масонской ложи «Юпитер», в которую одно время входил и Кобяков (см. ниже). Похоронен в Париже.

² «Честный слон» - еженедельная литературно-сатирическая газета на русском языке. Издавалась в Париже с 3 марта по 8 декабря 1945 г. под редакцией Д.Ю. Кобякова. Вышло 30 номеров. В газете публиковались произведения А. Ладинского, Ю. Софиева, Л. Леонова, И. Эренбурга, В. Катаева, Г. Гребенщикова, М. Чехова, И. Одоевцевой, Д. Кобякова, Ю. Анненкова и др.

³ «Кривое зеркало» - театр малых форм, существовал в Петербурге (позже - Ленинграде) в 1908-1918 и 1922-1931 гг. Первое представление состоялось 5 декабря 1908 г. Создателем и первым художественным руководителем театра был редактор и издатель журнала «Театр и искусство» А.Р. Кугель. «Кривое зеркало» изначально был задуман как театр пародии. В январе 1909 г. именно здесь состоялась премьера легендарного спектакля - «Вампука, Принцесса африканская».

⁴ Ремизов Алексей Михайлович (1877-1957) - русский писатель. С 1921 г. в эмиграции. Жил в Берлине, с 1923 г. - в Париже. В 1926 г. активно сотрудничал с журналом «Ухват», редактируемым Д.Ю. Кобяковым. С 1931 г. почти не публиковался. Видимо, это обстоятельство и является причиной жалости, высказанной в письме Кобяковым. Незадолго перед смертью А. Ремизов принял советское гражданство. Похоронен в Париже.

⁵ Слова «соседу вашему» вписаны Кобяковым над строкой.

Л.Д. Любимову¹

18 авг. <уста 19> 57 г.

Дорогой Лев Дмитриевич!

Давно нужно было написать Вам, да все стеснялся, в особенности после того, как прочел Вашу статью в Новом мире² (именно потому, что забыли обо мне - а ведь почти в каждом номере Сов.<етского> патр.<иота>³ были напечатаны мои вещи).

Редакция послала Вам номер газеты⁴ с «рецензией» о Ваших воспоминаниях, пишу в кавычках, потому что без изменений там осталась только моя подпись. Даже название изменили, а два последних абзаца вообще написаны не мной. В жизни своей ничего подобного не видел! Сократили статью на ¾, а редактор уже после прочтения сказал мне, что статья идет целиком на два номера. Кроме того - некоторые места, цитаты взятые у Вас, напечатаны без кавычек.

Поставили меня в неловкое положение перед Вами! Вот поэтому решил написать Вам.

Моя жена получила назначение в Алтай - доктором, туда же еду и я с сыном.

В Москве хотел бы встретиться с людьми, которых знал еще в детстве - до революции. Очень дружил и до войны переписывался с поэтом Сергеем Спасским⁵. Он, кажется, в Ленинграде. Вместе учился и дружил с Борисом Егоровым⁶. Бориса Агапова⁷ знал тоже. Б. Агапов учился вместе с Б. Егоровым. Если это те люди, и не однофамильцы (например: в нашей гимназии был Никита Хрущев!) и если они вспомнят меня, может быть мне удастся устроиться в Москве. У меня есть очень хороший фото.аппарат. Мог бы делать цветные фото.репортажи с небольшим текстом. Вот об этом очень прошу ответить мне, Лев Дмитриевич!

Если Кривошеин⁸ в Москве - вероятно и он вспомнит меня.

Я не знал, что был с Вами в Юпитере⁹, как понял из воспоминаний. Там же были и Софиев¹⁰, Ладинский¹¹ и Кривошеин.

Я не знал о Вашей статье в «Н.<овом> М.<ире>». Это редакция поручила мне написать о ней!

Мой адрес: Дмитрий Юрьевич Кобяков
Kobiakov, b/f Shier
Berlin
Wöhlerstrasse 18. № 4.

Привет. Надеюсь, увидимся.

Д. Кобяков

Пришлите книгу, когда она выйдет!

К письму приложено стихотворение: газетная вырезка¹² с правкой автора:

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*И день настал, великий Первый день:
Освобожденные мы вышли из могилы.
Ушедшей ночи быстро тает тень,
Свободы воздух прибавляет силы.
Ваятель так уничтожая тлен,
Жизнь чувствует во влажной глине.
Смотрю вокруг: сквозь амбразуры стен -
Горит восток в разрушенном Берлине.
И снова обретая жизнь свою,
Отряхивая пыль десятилетий,
Я радостно и с верою пою
О том, что порваны мучительные сети.
Я не один. Со мной, смыкая ряд,
Идут бойцы, избегнувшие плена.
А впереди надежду горят
Кремлевские сверкающие стены!*

*Дмитрий Кобяков
Берлин, май 1957 г.*

Примечания

¹ Любимов Лев Дмитриевич (1902-1976) - русский писатель и публицист. Сын Д.Н. Любимова, помощника статс-секретаря Государственного совета. Состоял в родстве с А.И. Куприным. В 1919-1948 гг. - в эмиграции. Жил в Софии, Берлине, с 1924 г. - в Париже. Принял советское гражданство в 1946 г. После возвращения на Родину жил и работал в Москве. Издал книгу воспоминаний «На чужбине» (1963), несколько книг по истории искусства Европы и Древней Руси.

² Имеется в виду публикация: Любимов Л.Д. На чужбине // Новый мир. - 1957. - № 2. - С. 177-206; № 3. - С. 135-205; № 4. - С. 153-194.

³ «Советский патриот» - газета, издававшаяся в Париже в 1943-1948 гг. Союзом советских патриотов - русской эмигрантской организацией, созданной по инициативе Коммунистической партии Франции. Л.Д. Любимов был членом редколлегии газеты.

⁴ Имеется в виду газета ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом «Голос Родины». Издается в Москве с 1955 г. Д.Ю. Кобяков в 1957-1958 гг. был сотрудником восточно-берлинского бюро газеты.

⁵ Спасский Сергей Дмитриевич (1898-1956) - русский советский поэт. Вместе с Д.Ю. Кобяковым учился в 6-й мужской Тифлисской гимназии (оба закончили в 1915 г.), а затем в 1915-1918 гг. - на юридическом факультете Московского университета (Кобяков покинул университет в 1917 гг.). Член СП СССР (1934).

⁶ Автор, очевидно, имеет в виду советского писателя-юмориста Бориса Андриановича Егорова (1924-1973), ошибочно приняв его за своего старого знакомого.

⁷ Агапов Борис Николаевич (1899-1973) - русский советский писатель и киносценарист.

⁸ Кривошеин Игорь Александрович (1897-1987) - известный общественный деятель русской эмиграции, масон. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Участник Белого движения. Инженер по образованию. В годы Второй мировой войны - в Сопротивлении. Арестован гестапо, в 1944-1945 гг. содержался в концлагерях Бухенвальд и Дахау. В 1948 г. вернулся в СССР. Арестован в 1949 г. В 1949-1954 гг. - в ГУЛАГе. В 1974 г. вернулся во Францию.

⁹ «Юпитер» - масонская ложа, объединявшая русских эмигрантов. Д.Ю. Кобяков был членом ложи в 1931-1936 гг. Исключен за неуплату взносов. В 1932-1937 гг. Кобяков - член масонской ложи «Гамаюн».

¹⁰ Софиев (точнее: Бек-Софиев) Юрий Борисович (1899-1976) - русский поэт. Белоземigrant. Участник Французского Сопротивления. В 1946 г. вернулся в СССР. С 1955 г. жил и работал в Алма-Ате.

¹¹ Ладинский Антонин Петрович (1896-1961) - русский поэт и писатель. Участник Белого движения. Принял советское гражданство в 1946 г. В 1955 г. вернулся в СССР. Жил и работал в Москве. Член СП СССР (1961). Автор популярных исторических романов: «Когда пал Херсонес» (1959), «Анна Ярославна - королева Франции» (опубл. в 1973 г.) и др.

¹² Очевидно, из газеты «Голос Родины».

Александр КАЗИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУДУЩЕЕ

В последнее время в нашей стране серьезно обострились отношения между христианами и атеистами. Женщины, танцующие сатанинские танцы в главном православном храме страны, последовавший затем «крестоповал», оскорбительные надписи на стенах церкви - с одной стороны. Крестные ходы и молитвенные стояния у храмов - с другой.

Вам это ничего не напоминает? Правильно, хорошо известные из истории Европы и России религиозные противостояния - пока, к счастью, холодные.

Неужели грядет новое Средневековье? И надо ли его бояться?

МИФ О «ТЕМНЫХ ВЕКАХ»

При слове «средневековье» крутым либералам и не менее крутым марксистам-ленинцам (по части воинствующего безбожия они трогательно едины) мерещатся костры инквизиции, «испанский сапожок» и прочие негуманные атрибуты. Как правило, люди мыслят стереотипами, коллективными представлениями, и миф о «темных веках» - один из штампов, наиболее крепко вбитых в головы «широких масс трудящихся» периода европейского модерна.

При этом как-то забывают, что, любясь замками Луары или собором Парижской Богоматери, восхищаются французским католическим Средневековьем. Великая православная икона - «Троица» Андрея Рублева, храмы Покрова на Нерли и Спаса на Нередице - это наше отечественное Средневековье, так же, как, например, «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет» или «Слово о законе и благодати». Все это - гениальные создания средневековой культуры, сотворенные верующими в Бога людьми.

Средние века - это христианская классика, когда люди соборно отличали красоту от безобразия и добро от зла. Одна «пламенеющая готика» чего стоит! Что же касается религиозных войн и костров инквизиции, то их расцвет приходится как раз на эпохи Ренессанса и Реформации, когда христианское единство Европы было нарушено. В России же инквизиции вообще не было.

Один их крупнейших русских мыслителей XX века Н.А. Бердяев написал книгу «Новое Средневековье», где прямо утверждал, что «личность была сильнее и ярче в Средние века». Более того, он пророчил скорое наступление Нового Средневековья: «Конец капитализма есть конец новой истории и начало нового Средневековья. Грандиозное предприятие новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось. Но до этого, быть может, еще сделает попытку развиваться техническая цивилизация - до последних пределов, до черной магии...»

ТАЙНА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Тайна Нового времени - это тайна гуманизма. Проект модерна поставил в центр Вселенной вместо Бога человека, возложив тем самым на его грешные и смертные плечи всю ответственность за жизнь. Святости гуманисты предпочли гениальность. Мона Лиза на знаменитом портрете Леонардо улыбается своей загадочной полу-

улыбкой - вот яркая примета Возрождения. Я не говорю уже о жутковатых персонажах Брейгеля и Босха.

Освободившийся от церковной опеки гуманистический человек быстро обнаружил обратную сторону своей новой свободы - в дело пошла насмешка над всем прекрасным и высоким. «Делай, что хочешь» - такова была модернистская мораль, занявшая место развенчанного христианского идеала.

Главная судьбоносная мечта модернизма - миф о самодостаточном человеке, который все понимает и сам все устроит.

Оформившись в эпоху Просвещения, эта идеология перенесла ценностный центр цивилизации с Бога на человека. Под пером просветителей и их последователей-модернистов (Гегеля, Маркса и других) история превратилась в торжественный марш прогресса во всех отношениях - непрерывное восхождение человечества ко все более совершенному обществу, свободе и правам человека.

Были выделены и свои передовики на этом пути, прежде всего Англия, Франция, а затем и США. Царская Россия, естественно, при этом рассматривалась как тормоз на дороге европейской модернизации - именно в таком духе о ней писали, в частности, и авторы коммунистической доктрины.

Когда мы восхищаемся западными изобилием и порядком, мы часто забываем, что они куплены ценой превращения человека в «одномерное» существо, в заложника его собственной экономической активности. При виде сияющих огней витрин и иномарок наше сознание отодвигает куда-то в тайники подсознания факт, что эта роскошь практически означает не что иное, как красивую оболочку небытия. Изобилие и довольство рыночной цивилизации подобны сытой улыбке чревоугодника, который уже съел все, что мог, и теперь может себе позволить щедрость и благотворительность, содержание театров и университетов, высокое жалованье своих слуг.

Создав общество, где все продается и покупается (святость и грех, гений и бездарность социально уравниваются посредством всеобщего рыночного эквивалента), Европа произвела на свет и соответствующую такому обществу служебную государственность, единственная задача которой - поддержание рыночного status quo. При этом где-то к середине XIX столетия европейский буржуа обрел железную уверенность, что наконец-то он достиг высшей ступени истории, - ничего лучшего и желать нельзя! Две чудовищные мировые войны, затеянные самими цивилизованными мировыми державами, продемонстрировали миру сущность «гуманистической» Западной цивилизации.

Прав был Ницше: для новой Европы Бог умер. В культуре это ведет к ликвидации граней между действительным и возможным, то есть к господству чистой мнимости (знаки без предметов, спекулятивная экономика, «общество спектакля»). Культура вырождается в старческую постмодернистскую «игру в бисер».

В области социально-политической современный атеистический мир гордится «открытым обществом», плюрализмом мнений и оценок. Однако на самом деле под флагом гуманистической свободы идет бегство от единой мировоззренческой (и тем более религиозной) истины - как слишком принудительной, «тоталитарной».

Истина в том, что истин много, - вот последнее слово индивидуалистического либерализма. Его стратегии в XXI веке направлены на обожествление прав человека и достижение им успеха (наслаждения, богатства, власти) на этой земле, то есть обеспечение элитарного «грешного рая».

Такой проект является - и не может не являться - великой утопией. Экологический предел природы (ресурсов на всех не хватит) и нравственный коллапс культуры, не различающей больше правду и кривду, серьезное и смешное, мужское и женское, полет и падение. Эти тенденции, будучи продолжены в будущее хотя бы еще на сто лет, грозят смертью всему человечеству.

РУССКИЙ МОМЕНТ

Надо прямо сказать, что общий товарно-денежный знаменатель человеческих ценностей уже давно бы овладел планетой, если бы не русская революция 1917 года. Речь идет, разумеется, не о либеральной интерпретации этого события. Либерально-индивидуалистическая концепция прогресса в принципе не может объяснить очевидный исторический факт - решительное сопротивление, оказанное православно-русской цивилизацией тотальному наступлению демократии собственников.

Бердяев писал, что Третий Рим стал Третьим интернационалом. Произошло то, чего не предвидели ни социалисты, ни либералы. В дело вмешалась русская идея - живи не так, как хочется, а так, как Бог велит. Ею - вопреки собственной идеологии - и воспользовались большевики, создав на православно-русской почве крупнейшую державу, спасшую человечество от гитлеровского рейха и первой вышедшую в космос.

Но самое главное - советская Россия сохранила тот тип человека, для которого денежная (и вообще материальная) мотивация поведения является вторичной, вспомогательной. Ни любви, ни вдохновения за деньги не купишь. И парламент никакой не поможет.

Вторая попытка слома цивилизационной идентичности России была предпринята переродившейся партноменклатурой в начале 90-х годов XX века, которая решила конвертировать политическую власть в собственность под лозунгом «возврата в Европу». Иными словами, России предложили отказаться от самой себя и принять правила игры иной истории и культуры. Естественно, что из этого ничего не вышло. Вышел развал великой самодостаточной державы, способной идти по собственному пути и служить своего рода посредником между Востоком и Западом, Севером и Югом.

Геополитические последствия этой либеральной революции налицо - от военных баз США на бывшей территории СССР - России до свежих гуманитарных катастроф на Ближнем и Среднем Востоке. Если после 1917 года народ лишили веры (замененной религией «общего дела»), то после 1991 года его попытались лишить и нравственно-интеллектуальной жизни, заменив ее футболом и попсой.

Однако у нас создание «нового человека» американского разлива никак не удается, как не удается и построение капитализма американского образца. Вопреки мощному - прежде всего телевизионно-рекламному - культу потребительства у русского человека продолжает сохраняться чувство бессмысленности существования в роли «экономического персонажа», навязываемой ему практиками и теоретиками рыночной демократии.

Фундаментальная ошибка современного либерализма заключается в настойчивом стремлении отменить нравственно-духовные мотивации человеческих отношений, расчистив место для тотального господства материальных ценностей.

Если так пойдет дальше, бабушки перестанут воспитывать своих внуков, пока родители не подпишут с ними соответствующего контракта. Контрактная семья, контрактная школа, контрактная армия, контрактное государство - что еще?

Неясность избранного курса прекрасно чувствует народ, ответивший на введенный в России культ денег всеобщим воровством и всеобщим пьянством. И это при том, что определенная часть нашего населения действительно никогда не жила так хорошо в материальном смысле - во всяком случае, в крупных городах. Я уже не говорю о полной свободе самовыражения, слова, эротики, тусовок, путешествий - всего того, чего так не хватало нашей богемной элите при советской власти.

В сущности, нынешнее Российское государство превратилось в увлеченного игрока на глобальном финансовом рынке, махнув рукой на идеологию, мораль и культуру. Оно становится все более «экономикоцентричным». Между тем государственность не может и не должна сводиться к экономике, подобно тому, как незавидна судьба человека, целиком подчинившего свою веру и мораль интересам собственного кошелька.

ВЫБОР БУДУЩЕГО

Нынешний мировой финансово-экономический кризис - только одно из проявлений кризиса общецивилизационного. Культура, утратившая различие между Богом и мамонной, между истиной и выгодой, между безобразием и красотой, не имеет будущего.

Единственной реальной (хотя и прикрываемой разговорами о демократии) мировоззренческой и социальной истиной современного Запада является сохранение достигнутого максимального комфорта существования. Запад («золотой миллиард») построил для себя совершенный «капитало-социализм», закончил в этом плане свою историю и сегодня делает все, чтобы затормозить, заморозить ее в нынешнем - идеальном для себя - социокультурном состоянии. Вся внутренняя и внешняя политика Запада, включая регулярные ракетно-бомбовые «гуманитарные» акции, направлена исключительно на это.

Технический прогресс Запада происходит по инерции, моделируя компьютерными средствами глобальный масштаб греха как нормы жизни. Торжествует всемирная информационно-пропагандистская псевдокультура. На гей-парады в столицах Европы выходит до миллиона человек, что свидетельствует о полной утрате массовым сознанием границы между добром и злом.

Это - утопия мира без страдания, без греха и Воскресения. В сущности, это насмешка над творением Божиим, и самое печальное состоит в том, что этот смех уже прозвучал.

Выбор возможного будущего для России и для всего мира, вообще говоря, прост. Либо продолжение движения в тупик рационально-технологической, потребительской и безбожной цивилизации - и тогда всеобщее разложение и гибель. Либо возврат к христианскому пониманию Бога и человека как его образа и подобия, со всеми вытекающими отсюда ценностями, нормами и обязательствами - и тогда сохранение жизни и культуры.

На языке теории цивилизации это можно назвать движением к Средневековью, но именно к Новому Средневековью, обогащенному опытом крушения гуманизма, принесшего свои завершающие плоды в XX - начале XXI века.

Культура, утратившая различие между Богом и мамонной, между истиной и выгодой, между безобразием и красотой, не имеет будущего. Ныне матерящихся со сцены певичек называют звездами эстрады, публичные половые акты - перформансами, нарисованный на Литейном мосту фаллос - арт-проектами (и даже получают за них премии от Министерства культуры РФ).

Транснациональный посткапитализм заинтересован в человеке как в идеально управляемом потребителе - ни вера, ни нация, ни культура, ни история его не интересуют.

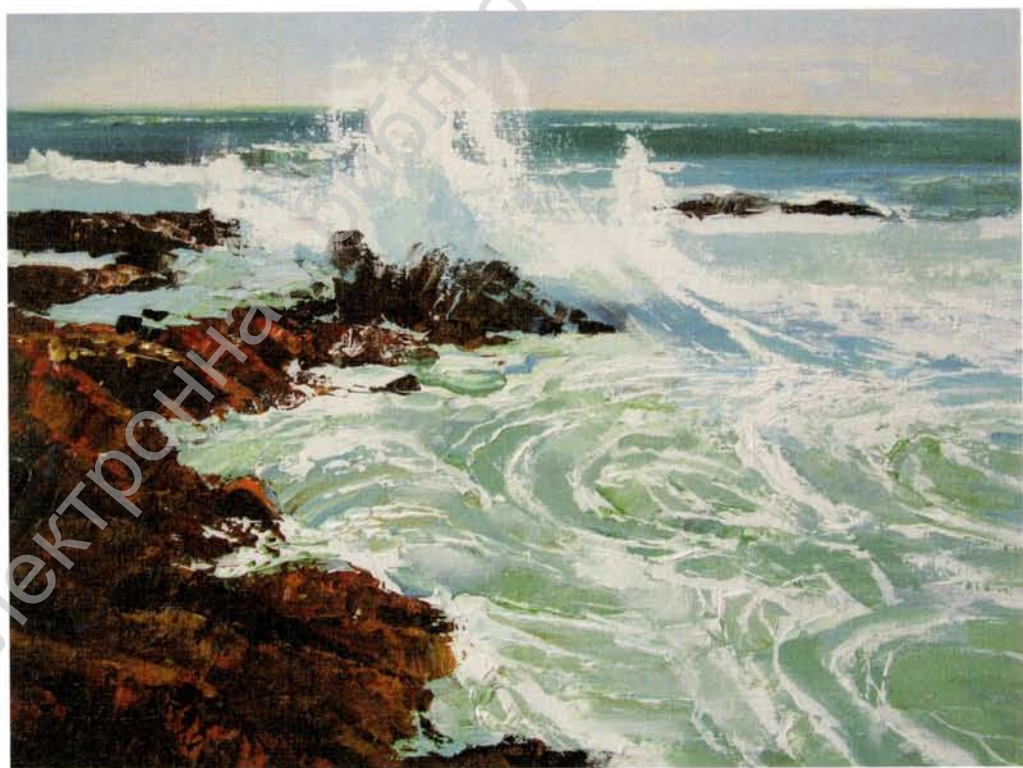
Подобное царство долго не продержится. Никакой электронный «большой брат» не спасет человечество от вырождения, если оно пройдет по этому пути до конца. К несчастью, похоже, что Запад уже решил двигаться по этой дороге, несмотря ни на что. Собственно, и выбора у него почти не осталось - посткапитализм может существовать только за счет спекуляций дензнаками, брендами и мировыми ресурсами. «Золотой миллиард» во главе с США не потерпит никаких ограничений - ни духовных, ни материальных.

Единственный шанс на спасение - восстановление образа божия в человеке. Разумеется, если мы хотим выжить. В таком случае Новое Средневековье - это только вопрос времени.

*Художник Елена Павловна Никитина.
Цикорий цветет*

*Художник В.Э. Октябрь.
Прибой*

